

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ЛИБЕРАЛИЗМ ЗАПАДА XVII-XX века

М.: 1995. 228 с.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту 94-06-19216

Авторы:

Введение, главы 1, 2, 6, 7, заключение - *д.ист.н., профессор Владимир Викторович Согрин* (МГИМО, <http://www.mgimo.ru/users/document2280.phtml>)
Главы 4, 8 - *д.ист.н., профессор Александр Иванович Патрушев* (Ин-т европейских культур, МГУ, <http://www.iek.edu.ru/info/wapatr.htm>)
Главы 5, 9 - *к.ист.н. Евгения Сергеевна Токарева* (в наст. время - д.ист.н., сотрудник ИВИ РАН)
Главы 3, 10 - *к.ист.н. Татьяна Михайловна Фадеева* (Ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, Сектор истории зарубежных стран)
под общей редакцией В.В.Согрина

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ЧАСТЬ 1. XVII-XIX века: СТАНОВЛЕНИЕ

Глава 1. Великобритания: от Дж.Локка до У.Гладстона
Глава 2. Два лика американского либерализма
Глава 3. Трудные судьбы французского либерализма
Глава 4. Пути и драмы немецкого либерализма
Глава 5. Италия: от либеральных идей к либеральному государству

ЧАСТЬ 2. XX век: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ и РАЗВИТИЕ

Глава 6. США: от социального либерализма к неолиберализму
Глава 7. Великобритания: перипетии социального либерализма
Глава 8. Крах и возрождение германского либерализма
Глава 9. Италия: между либерализмом и либеральным социализмом
Глава 10. Современная Франция: модель консервативного либерализма

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Веб-публикация: [Vive Liberta](http://vive-liberta.ru) и Век Просвещения, 2008

Тематически связанные материалы:

М.Федорова. КЛАССИЧЕСКИЙ ФРАНЦУЗСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ
<http://vive-liberta.diary.ru/p81716006.htm>

Д.Бовыкин. ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И ОПЫТ РЕВОЛЮЦИИ
<http://enlightment2005.narod.ru/arc/dbov.pdf>

А.Бондарев. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ БЕНЖАМЕНА КОНСТАНА
http://vive-liberta.narod.ru/journal/constant_fe-77.pdf

К.Кирова. ФРАНЦУЗСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ (1789—1848 гг.) и ИТАЛЬЯНСКИЕ УМЕРЕННЫЕ
ЛИБЕРАЛЫ (1830—1860 гг.)

http://vive-liberta.narod.ru/journal/vfr_italy_kirova_fe-82.pdf

ФРАНЦУЗСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

<http://narod.ru/disk/27825784001/liberalism.pdf.html>

А.Зиновьев. ЗАПАД: ФЕНОМЕН ЗАПАДНИЗМА

http://enlightment2005.narod.ru/arc/zinov_west.zip

М.Сюрюа. ДЕНЬГИ. КРУШЕНИЕ ПОЛИТИКИ

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p43859470.htm>

ВВЕДЕНИЕ

Понятие либерализм было впервые употреблено в 1810 году в Испании - стране, которая не была ни оплотом, ни родиной, ни даже сколько-нибудь влиятельной или заметной выразительницей либеральной идеологии. В странах же, которые всегда были главными носителями либеральной традиции, в первую очередь в Великобритании и США, это понятие стало употребляться, а тем более вошло в обиход гораздо позднее. Это историческое обстоятельство, однако, отнюдь не дает основания говорить об относительной молодости либерализма: идейно-политическая традиция, которая обрела свое название только в XIX веке, зародилась на много веков раньше, а свою зрелую, завершенную форму приобрела уже в XVII-XVIII веках.

Идейные истоки либерализма, прообразы ряда его классических концепций уходят корнями еще в античность. Но все же о зарождении либерализма в подлинном смысле можно говорить только относительно завершающей эпохи средневековья. Среди исследователей либерализма не вызывает особых споров вопрос о том, кто был его истинным отцом - основателем таковым практически единодушно признают буржуазный класс - независимых самостоятельных и по большей части имевших определенное состояние обитателей западноевропейских городов, выступивших в пору возмужания против феодально-монархических оков. Никто не оспаривает и того очевидного обстоятельства, что подлинным отечеством либерализма в котором он зародился, успешно развивался и добился триумфа, является цивилизация Запада. Судьбам либерализма в пяти ведущих странах Запада посвящена настоящая книга.

Целью книги является анализ общего и особенно в судьба к либерализма в этих странах. Уместно предварить его характеристикой основных общих принципов, черт и антиномии либерализма, что облегчит читателю отслеживание их национальных проявлений и особенностей. Первой основополагающей чертой либерализма, его ядром, был и остается индивидуализм, провозглашающий приоритет человеческой личности по отношению к обществу, государству, социальным общностям. Идея суверенитета и верховенства индивидуума логически добавляется концепцией его неотъемлемых прав и свобод, которые не могут быть отчуждены государством и обществом, а могут только гарантироваться и защищаться. Исторически первым неотъемлемым правом личности была объявлена свобода вероисповедания, но впоследствии, а окончательно в XVII-XVIII вв., главным неотъемлемым правом было провозглашено обладание и свободное распоряжение собственностью.

Либерализм сотворил свою первую антиномию, когда причислил обладание собственностью к естественным правам всех индивидуумов. Если все индивидуумы обладали естественным правом на собственность, то какую позицию должны были занять общество и государство по мере того, как собственность отчуждалась от все большей массы людей. Разногласия по

этому вопросу породили серьезное разделение среди либералов: часть их доказывала, что все надо предоставить «естественному ходу вещей» и не вмешиваться в процесс стихийного распределения собственности, другая часть полагала, что «естественная справедливость» заключалась в проявлении заботы о тех, кто лишился права собственности, а особенно о тех, кто попадал в ряды обездоленных.

Вторая фундаментальная антиномия возникла для либерализма при обсуждении проблемы «естественных и равных» политических прав человека. Концепция естественно-правового равенства индивидуумов логически приводила к провозглашению принципов народного суверенитета, права каждого человека на участие в образовании политической власти и участие в государственном управлении. При таком подходе либерализм оказывался равнозначен демократии. Но большинство либералов XVII-XVIII вв. как раз заняли в отношении демократии резко отрицательную позицию. Главный аргумент сводился к следующему: в условиях разделения общества на имущих, с одной стороны, и малоимущих и неимущих, с другой, последние, которые будут всегда в большинстве, неизбежно используют право голоса и политическую власть для передела собственности и установления своей тирании над богатыми. Другой аргумент, находившийся в определенном противоречии с первым, заключался в том, что неимущие будут голосовать так, как им укажут экономические владыки их округа, а поэтому предоставленное им избирательное право не будет равнозначно реальному праву политического выбора. По этим причинам предоставление избирательных прав неимущим оказалось для либерализма неприемлемо. Со временем - в XIX веке во все большей степени, а в XX веке полностью - либерализм в силу разнообразных причин стал соединяться с демократией. Но отношение либералов к демократии не становилось восторженным, а тем более апологетическим. Для них центральным стал вопрос о том, при каких условиях демократия может приносить добро, а не зло. Вопрос этот не утратил актуальности для либерализма и в конце XX века. Еще более сложными оказались отношения либерализма с идеей равных социально-экономических прав. В отличие от социализма, либерализм относился и относится отрицательно к идее социально-экономического равенства людей, которая в практическом отношении, как показал опыт реального социализма в XX веке (а либералы не сомневались в этом никогда), ведет к подавлению разнообразия индивидуальных способностей и к социально-экономической стагнации общества. В XVII-XIX вв. либералы противопоставляли идее социально-экономического равенства идею равенства возможностей, которое должно было предоставить каждому индивидууму максимальные возможности для самореализации. Но и подобная идея равенства воспринималась либералами неоднозначно: ведь при ее последовательном развитии можно было, например, прийти к отрицанию права наследования, ибо именно оно в первую очередь и препятствует равенству «стартовых возможностей» индивидуумов.

На рубеже XIX-XX вв. в западном либерализме выделилось новое направление, которое объявило о необходимости выработки концепции социально-экономических прав человека и предоставлении их с помощью государственного законодательства тем, кто не мог собственными усилиями выбиться из нищеты, не имел средств на образование, медицинское обслуживание, приобретение жилья. XX век в странах Запада прошел под

знаком нарастающих успехов этого нового, или социального, как стали его называть, либерализма. Раскол между старым, классическим, и новым, социальным, либерализмом составил главный водораздел в развитии либерализма в новейшее время. В ряде случаев новые либералы, как это имеет место, например, в США, утвердили практически монополию в либерализме, так что сторонники классического, буржуазно-индивидуалистического либерализма перестали называть себя либералами, предпочитая именоваться консерваторами (по иронии судьбы ряд современных российских политиков и идеологов, поклоняющихся заветам Р.Рейгана и М.Тэтчер, именуют себя либералами, хотя в глазах их западных кумиров, особенно американских, это слово стало таким же бранным, как и социализм).

В XX веке либерализм становился во все большей мере открытой идеологией, включающей в себя доктрины и идеи из других традиций, в том числе социалистической, что помогало ему сохранять и упрочивать свою популярность. Одновременно он становился все менее монолитным, в нем сложилось несколько течений, так что плюрализм, который либерализм исповедовал во взаимоотношениях с другими учениями, в полной мере воплотился внутри него самого. Эта открытость и многовариантность либерализма явились, по-видимому, одной из причин нараставших успехов либерализма в конкуренции с другими традициями. Но все же главная причина успехов либерализма видится в другом: он изначально заключала себе и пестовал идеи и ценности, которые в их практическом воплощении способствовали утверждению либеральных обществ и западной цивилизации в целом на ведущих позициях в мире, которые стали образцом для подражания иным регионам и странам и которые сегодня признаются, в том числе представителями иных идеологий, в качестве универсальных человеческих ценностей. Среди них неотъемлемые права человека на духовные, политические, экономические свободы, конкуренция как основа экономического и политического развития общества, плюрализм политических течений и идеологий, их открытое свободное состязание и одновременно терпимость друг к другу, приоритет личности по отношению к обществу и государству, а общества по отношению к государству, гражданское общество и свободное формирование социальных взаимосвязей, корпоративных и общих норм и обязательств в качестве первоосновы человеческого общежития, разделение властей и правовое государство как основа функционирования политической власти.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ XVII - XIX ВЕКА: СТАНОВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1. ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: ОТ Д.ЛОККА ДО У.ГЛАДСТОНА

Британская историческая традиция богата идейно-политическими истоками либерализма. Важное место среди них принадлежит государственно-правовым документам. Именно такой документ — Великая хартия вольностей 1215 года — широко признается в качестве идеологической первоосновы произрастания либеральной традиции в Великобритании. Впрочем, по классическим меркам “либеральное” содержание хартии скупое: так ее экономические мотивы ограничиваются защитой неприкосновенности собственности. Идейным источником либерализма должна быть признана в первую очередь политико-правовая часть, а 39-ый параграф хартии, провозгласивший, что ни один свободный человек не может быть арестован, заключен в тюрьму, лишен собственности, изгнан без судебного приговора пэров и в нарушение законов страны, звучит почти как классическая формулировка из концепции естественных и неотчуждаемых прав человека.

В британско-эволюционном духе идеи Великой хартии вольностей дополнялись и расширялись каждое последующее столетие. В том же XIII столетии упрочился представительный характер верховной государственной власти: парламент включил в себя не только представителей земельной аристократии, но также городскую верхушку. Взаимоотношения монархии и парламента на протяжении последующих столетий стали центральным “местом” вызревания принципов разделения властей, смешанного правления, правового государства. Подлинный же прорыв в их утверждении произошел в XVII веке, который и можно считать главным веком формирования принципов либерализма в Великобритании.

Согласно концепции, широко принятой среди разных историографических школ, XVII век стал веком рождения современной Великобритании, то есть оформления в ней основ либерального общества, сохраняющихся по сегодняшний день. Огромная, если не решающая роль в формировании либеральных принципов и основ принадлежала двум Английским революциям — середине и конца XVII века. Две эти революции традиционно противопоставляются многим историкам как “кровавая” и “мирная” (“славная”), однако очевидна преемственная связь между ними, как и то, что без радикальной очищающей и созидательной “работы” “кровавой” революции была бы невозможна легкая победа “славной революции”, как и торжество основ либерализма.

В канун революции середины XVII века лидеры парламента стали все более смело выдвигать либеральные лозунги. В Петиции о праве 1629 года прозвучал тот, ставший знаменитым принцип, что право налогообложения может принадлежать только представительному органу власти, как и позаимствованное из Великой хартии вольностей положение о неправомерности лишения кого либо собст-

венности или заключения в тюрьму без надлежащего судебного рассмотрения и приговора. Реакция короля — роспуск парламента — привела к тому, что оппозиция укрылась под религиозными одеждами. Идеология религиозного протестантизма продолжала пестовать либеральные принципы: невмешательство власти в экономические дела граждан, договорное и выборное формирование властей придерживающихся, личная ответственность индивидуума за свои поступки и дела.

Когда в 1640-ом году парламента собрался вновь, его программа включала уже набор характерных для либерализма экономических, социальных, политических и религиозных требований. Свобода промышленности и торговли, отмена государственных монополий, свободное распоряжение земельной собственностью, признание представительного органа власти, парламента, главным носителем государственного суверенитета и создание ответственного перед парламентом правительства, ликвидация власти монархии над церковью, — эти и другие требования прозвучали в “Великой ремонстрации” парламента в 1641 году. Для монархии они оказались неприемлемы, страна встала на путь революции.

Революция свершила прорыв в реализации и дальнейшей разработке тех принципов, которые вскоре вошли в классику либерализма. Экономические реформы сопровождались утверждением свободы предпринимательства, торговли, распоряжения собственностью, в том числе и провозглашением закона о свободе рыцарских держаний, что означало утверждение чистой буржуазной собственности на землю для ее главного держателя — дворянства. Еще более радикальными оказались политические реформы и идеи Великой Английской революции.

В революционном лагере двумя главными силами, выступавшими выразителями либерализма, были индепенденты и левеллеры. И если индепенденты заняли умеренную позицию, ограничиваясь защитой уже известных принципов, в политической области прежде всего требованием перераспределения в интересах буржуазных слоев избирательных округов, то левеллеры встали на радикальную позицию и выдвинули ряд новых оригинальных доктрин и требований.

Среди историков не было и нет единства в оценке идейно-политического наследия левеллеров. Ряд исследователей, зачисляя левеллеров в “радикальные либералы”, в то же время отказывали им в праве именоваться демократами. Но большинство авторов склоняется к тому, что левеллеры одними из первых в Англии попытались соединить либерализм с демократией. Данное мнение и представляется справедливым.

Левеллеры и их признанный лидер Д.Лильберн со всей определенностью преобразовали идею государственного верховенства парламента в концепцию государственного верховенства народа. В чеканных формулировках “Народного соглашения” 1647 года объявлялось, что государственная власть может быть только продуктом общественного договора, народ является подлинным и единственным сувереном нации. Концепции народного суверенитета и общественного договора, ставшие основополагающими и классическими в либеральной идеологии, были дополнены в левеллеровской программе целой серией необычайно смелых демократических требований

Главными стали требования упразднения монархии и провозглашения Англии республикой, ликвидации палаты лордов и признания палаты общин единственной представительницей народного суверенитета, введения регулярных двухгодичных перевыборов парламента, наконец, перераспределения избирательных округов и расширения избирательного права¹.

Одним из центральных в дискуссии левеллеров и индепендентов стал вопрос об избирательном праве. И если индепенденты объявили, что право собственности является, бесспорно, главенствующим, а к выборам могут допускаться только состоятельные люди, то левеллеры полагали, что право голоса не может увязываться с величиной состояния и что даже бедные, но независимые граждане могут участвовать в образовании государственной власти. Но вот в вопросе о том, кого из представителей малообеспеченных слоев можно считать независимыми и допускать к выборам, среди левеллеров возникла разногласия, которая то и породила различающиеся интерпретации идеологии левеллеров среди историков.

Господствующим среди левеллеров было все же мнение, что экономическая независимость, гарантирующая и независимость политического выбора, предполагает обладание определенной собственностью. По этой причине большинство людей, работающих по найму, среди них рабочие, ученики, домашние слуги, не могут быть наделены правом голоса. Но все англичане, имевшие земельные участки, лавочки, мастерские или даже арендаторы, работающие на самих себя, должны были, независимо от их достатка, получить избирательные права. Этот политический демократизм дополнялся у левеллеров и эгалитаризмом: они были противниками имущественных контрастов и полагали, что ликвидация нищеты, с одной стороны, и ограничения роскоши и богатства, с другой, только и являются надежной основой благоденствия и политических свобод нации². В целом левеллеры выступили зачинателями эгалитарно-демократического течения в либерализме.

Английская революция завершилась победой индепендентов. Провозглашенный ими республиканский строй вскоре сменился режимом личной власти О.Кромвеля. Новый общественный порядок благоприятствовал развитию умеренных вариантов либерализма, и его главными выразителями в постреволюционный период выступили люди, близкие по взглядам индепендентам. Среди них наибольший вклад в либеральную идеологию внесли Джон Мильтон и Джеймс Гаррингтон.

И Мильтон, и Гаррингтон отстаивали концепцию естественного состояния и естественных свобод людей как образца моделирования общественных отношений. Оба они способствовали дальнейшему развитию теории народного суверенитета и общественного договора как основы образования государственной власти. Оба считали образцовым республиканский строй и теоретизировали о возможности его сохранения в Англии. Наиболее весомые рассуждения при этом были выдвинуты Гаррингтоном.

Гаррингтон активно разрабатывал тезис: форма государственного устройства зависит не столько от благих пожеланий народа и

по его заключению, тем, что три четверти земель находились в руках короны, аристократии и церкви. Когда же в первой половине XVII века "баланс собственности" радикально изменился, возникла объективная потребность и возможность смены государственной формы на республиканскую. Только поддержание и развитие "народного баланса собственности" могло, по его убеждению, способствовать сохранению республики. В связи с этим в его главном произведении, "Республика Океания", в семнадцатой статье составленной им конституции образцового государства устанавливается твердый предел на доходы с земельной собственности (не более 2 тысяч фунтов в год для одного индивидуума). Эта и другие ограничительные меры должны были, по его мнению, привести к более равномерному распределению собственности, создать баланс, необходимый для поддержания республиканских устоев.

Гаррингтон развил также идеи "смешанного правления" и ротации государственных должностных лиц, занявших важное место в идеологии либерализма. В отличие от левеллеров он полагал, что парламент должен состоять из двух палат, при этом верхняя должна олицетворять мудрость нации и формироваться из самых одаренных от природы индивидуумов ("естественной аристократии"), а нижняя — выражать интересы всего сообщества и избираться всеми гражданами. При этом как нижняя, так и верхняя палата должны подвергаться регулярной периодической ротации, ибо мудрецов и талантов в государстве гораздо больше, нежели мест в парламенте³.

Революционная эпоха принесла с собой целый сонм оригинальных доктрин. Но освоить, а тем более воплотить их в жизнь английскому обществу и его элите оказалось не по плечу. После же утверждения в Англии в 1660-ые годы режима реставрации и возвращения на престол Стюартов либерализм и его выразители стали подвергаться гонениям (книги Мильтона были сожжены!). Но и возвращение к дореволюционным порядкам было невозможным. Противники абсолютизма, объединившиеся в партию вигов, вели достаточно жесткое противоборство со своими оппонентами-тори, пытались сохранить наиболее важные в их глазах экономические и политические нововведения. В 1679 г. они даже смогли провести через парламент Хабеас корпус акт, который, развивая принципы Великой хартии вольностей, требовал, чтобы в случае ареста любому из задержанных было предъявлено обвинение. Соперничество же вигов и тори способствовало укреплению политического плюрализма.

1680-е гг. обнаружили, что новый "баланс собственности", о котором так много рассуждал Гаррингтон и которому было дано даже арифметическое выражение, не давал шансов на увековечение феодально-монархического строя. В 1688 году вигская оппозиция смогла свершить бескровную — "славную" — революцию, которая уже окончательно освободила Англию от Стюартов, утвердила конституционную парламентскую монархию и осветила буржуазные социально-экономические перемены предшествующего периода.

1688-ой год подвел итоги радикальных общественных изменений в Англии. Он высветил и одобрил ту их "меру", которая оказалась приемлемой для двух групп английской элиты — дворянства и торгово-финансовой буржуазии, достигших ряда важных компромис-

закреплявшем всю полноту законодательной власти за парламентом, лишавшем монарха каких либо законодательных прерогатив, но сохранявшем за ним власть исполнительную. Идеологическое выражение компромиссы английской элиты получили в "Двух трактатах о правительстве" Джона Локка, написанных еще до 1688 года, но опубликованных только после свершения Славной революции. Именно эти трактаты и были широко признаны классическим выражением либерализма: отсчет его принципов от работ Локка ведется не только в Англии, но так же в США, других западных странах.

Трактаты Локка — это полнокровное, законченное во всех частях теоретическое и одновременно пропагандистское произведение. В то же время в них мало абсолютно четких, поддающихся однозначной трактовке выводов (именно этим в значительной мере определяются нескончаемые дискуссии о Локке среди исследователей). Расплывчатость и даже противоречивость ряда выводов Локка могут быть объяснены именно тем, что он стремился найти общий знаменатель для разных социальных интересов в английском обществе, предложить компромиссный вариант подходов для политических сил его века — индипендентов, левеллеров, вигов, тори. Взгляды всех их так или иначе отразились в его теории. Кроме того, идеи Локка предназначены и для разных исторических ситуаций: он советует, как жить в спокойные времена и как поступать в случае наступления общественного кризиса. И все же взгляды Локка — это не какая-то эклектика, которая обрекла бы его на место в ряду заурядных мыслителей. В его трактате заключен ряд оригинальных идеологических конструкций, в которых чутко уловлены и выражены долговременные общие интересы элиты и всего общества. Это определило непреходящее значение идей Локка.

В своих трактатах Локк решительно встал на позицию естественно правового подхода к социально-политическому моделированию: признание естественных и неотъемлемых прав людей давало возможность поиска некоторых основополагающих, нерушимых общественных истин. Вместе с тем, подход Локка к естественным правам не лишен и своеобразного историзма: он прослеживает их изменение по мере взросления человека, его более тесного взаимодействия с окружающим миром и себе подобными. Ярче всего сочетание естественно-правового подхода и историзма проявилось в интерпретации Локком собственности: именно эта его концепция признается большинством исследователей как главное теоретическое нововведение выдающегося мыслителя.

Не подлежит сомнению, что проблема собственности — главная для Локка, каковой она, впрочем, была для многих англичан его времени. По поводу ее было сломано немало копий: отталкиваясь от одного и того же естественно правового подхода, диггеры приходили к коммунистическим, левеллеры — к умеренно-эгалитарным, а виги — к буржуазно индивидуалистическим выводам. Подход Локка — эта своего рода попытка разрешения этого спора.

Вся земля, рассуждал Локк, делая очевидный реверанс в сторону эгалитаристов, была создана как общее достояние. Но эта общественная собственность не могла сохраниться даже в естественном состоянии в силу характера взаимоотношений людей с природой и самими собой. Как только человек пытался использовать окружаю-

щую его среду, в первую очередь вкладывая свой труд в землю, он неизбежно и закономерно обращал обрабатываемый участок в свою собственность⁴. Если бы этого не происходило, трудовой энтузиазм индивидуума лишился бы смысла, у него не было бы стимула совершенствовать обработку и использование земли. Из этого рассуждения Локка вытекают по крайней мере три важных заключения. Во-первых то, что частная собственность имела трудовое происхождение, а посему ее справедливость трудно было оспорить. Во-вторых то, что без возникновения и признания частной собственности прогрессивное развитие общества было невозможно. В-третьих то, что обращение индивидуумом обрабатываемой им земли или добытых им продуктов в частную собственность не ущемляло интересов и возможностей других индивидуумов, поскольку земельные просторы были необозримы и каждый, приложив труд к земле, мог добиться благ, полагаясь на свой талант и трудолюбие.

Как видно, в естественном состоянии, по Локку, существовала и общественная, и частная собственность, при этом образование частной собственности отвечало интересам прогресса, было справедливым, не ущемляло ничьих интересов. Рассуждая далее, Локк вновь держал линию на примирение социальных сил и политических групп, чьи взгляды на частную собственность существенно расходились. Как бы апеллируя к тем, кто таковой не обладал, Локк отказывался от узко буржуазной трактовки частной собственности и включал в нее не только недвижимость и капитал, что было общепринято, но также труд и саму жизнь человека. В интерпретации Локка все люди оказываются собственниками, ибо все они распоряжаются своим трудом и жизнью, должны дорожить и гордиться этим правом, ничуть не меньшим по значению, чем право на недвижимость и капитал. И обращаясь уже ко всем слоям общества, Локк доказывал неизбежность и полезность возникновения неравенства во владении собственностью: с появлением обмена и денег возникает фундаментальная причина неравенства, а поскольку без денег цивилизованное существование невозможно, с ними, как и с неравенством, необходимо примириться⁵.

Учение Локка о собственности прочно легло в основу либерализма. Оно удовлетворяло интересы элиты и настраивало массы на восприятие частной собственности как естественного и неотъемлемого права индивидуума. Менее оригинальны, но также весомы были рассуждения Локка об общественном договоре и праве на революцию.

Идея общественного договора, как первоосновы образования государства, уже была достаточно прочно освоена в Англии. Локк добавил к ней ряд нововведений. Одно из них было добыто в дискуссии с тори, доказывавшими, что отношения власть предержащих, то есть монархов, и подданных строятся по аналогии с отношениями в семье между отцом и детьми, когда власть отца не требует ни согласия, ни договора. Локк твердо отверг эту "патриархальную" концепцию государства, заявив, что природа и бог не даровали государю власть отца и что его прерогативы вытекают исключительно из общественного договора, заключаемого по добровольному согласию подданных. Локк не предполагал, что общественные договоры должны периодически перезаключаться, а государственная власть соответственно отменяться и создаваться вновь. Для поддержания

однажды созданной власти вполне, по его мнению, было пригодно "спокойное согласие" граждан, выражающих его периодически на выборах.

И все же Локк не отрицал и возможности замены власти даже при помощи насильственной акции подданных. В данном случае он воспроизводил и интерпретировал концепцию права народа на революцию, которую в свое время твердо защищали Лилльберн и Мильтон. Интерпретация Локка гораздо более осторожна. Право граждан на вооруженное сопротивление властям, по Локку, должно использоваться крайне редко, когда их права явно попораны и не остается никакой надежды устранить зло обычным конституционным способом. Но все же это право признавалось Локком недвусмысленно⁶. Это вытекало из фундаментальной, ставшей для либерализма классической теоретической предпосылки: признание приоритета гражданского общества в отношении государства. Общество с естественными и неотъемлемыми правами индивидуумов на жизнь, свободу, собственность возникает раньше государства, последнее образуется в первую очередь для защиты этих прав, а посему их поправка, доказывал Локк, и создает легитимную основу для революционного ниспровержения тирании.

Локк с его осторожностью и склонностью к компромиссам все же может показаться Монбланом свободомыслия среди большинства тех английских идеологов и политиков, с именами которых связывают развитие либерализма в конце XVII — первой половине XVIII веков. Современный британский историк Г. Дикинсон, автор блестящего исследования политической мысли Великобритании XVIII века, даже полагал, что они вообще вряд ли были "подлинными либералами"⁷. Действительно, вигская идеология в первой половине XVIII века развивалась в направлении все большего смягчения суждений Локка, изменения предложенных им компромиссов в интересах узких элитных групп, размывания либеральных принципов.

А ведь среди тех, кто в первой половине XVIII века принял эстафету от Локка, были яркие личности: А. Сидней, У. Блэкстоун, Д. Юм, Г. Болинброк. Этот период исследователи даже называют эпохой Просвещения в Великобритании. Но то было своеобразное Просвещение: в отличие от Франции или США, где эта идеология имела своим историческим предназначением подготовку первых либерально-демократических революций и отличалась смелостью, новизной, радикализмом, британское Просвещение развивалось в стране, в которой эпоха буржуазных революций свершилась и где пришедшие к власти буржуазные элиты были озабочены упрочением своего положения и прав, а не думали о мобилизации поддержки народа для завоевания политической власти. Постреволюционный характер британского Просвещения предопределил его умеренность.

Политическим триумфатором той эпохи была партия вигов, находившаяся у власти почти непрерывно с конца XVII века до 1770-х гг. В ее действиях обнаружилась тенденция установить как политическую, так и идеологическую монополию, которая бы надежно обслуживала интересы собственнических элит, утвердившихся у власти в результате перипетий XVII века. Концепция естественных и неотъемлемых прав человека все более и более втискивалась вигскими идеологами и политиками в прокрустово ложе защиты одного права

— частной собственности. Из всей триады естественных прав безусловный приоритет был отдан собственности: она была объявлена первоосновой и главным достижением общественного прогресса, а государству предназначалось охранять именно ее. Локковская трактовка собственности, включавшая в нее, кроме недвижимости и капитала, так же труд и жизнь человека, была отвергнута: труд и жизнь были из нее исключены. Вместе с тем вигская трактовка собственности все более подчеркивала, что основой процветания Англии является не только земля, но также финансы и коммерция. Такой подход был логичен: в вигской партии сплотились лендлорды, финансисты, торговцы.

В вигский период было принято наибольшее количество законов в защиту частной собственности. Резко выросло число смертных казней за преступления против нее. Были зафиксированы случаи смертной казни за кражу нескольких шиллингов и даже носового платка⁸. Упрочению частной собственности на землю лендлордов способствовали парламентские законы об огораживании: во второй половине XVIII века их было принято две тысячи. Вигский либерализм создал надежные гарантии права на частную собственность.

В политической области виги произвели умеренно охранительную ревизию идеологического наследия XVII века. Теория общественного договора как вместилища и гаранта прав англичан не вызвала их энтузиазма. При защите прав граждан и прерогатив парламента они предпочитали апеллировать не к естественному праву, а к историческим прецедентам, как и к государственно-правовым актам, которые ограничивали власть монарха. Эти акты начиная с Великой хартии вольностей 1215 года стали все чаще называть конституцией или фундаментальным законом Великобритании. Самым ярким выразителем вигской трактовки конституционализма выступил У. Блэкстоун, который в своих трудах доказывал, что все указы и постановления монарха, как и парламентские акты, должны строиться и основываться с фундаментальным законом, ни в коем случае ему не противоречить. Указы и акты, противоречащие фундаментальному закону, недействительны — этот вывод Блэкстоуна стал правовой максимой вигской идеологии.

Вслед за принципами общественного договора и естественного права из вигской идеологии исчез и республиканский идеал. Виги были твердыми сторонниками конституционной и парламентской монархии, и одним из главных для них оказался вопрос о распределении прерогатив в треугольнике палата общин — палата лордов — монархия. В его решении возобладала концепция "смешанного правления". Она означала, что три властных института обладают самостоятельными функциями и вместе с тем взаимодействуют и уравновешивают друг друга. Монархия представляла единую волю нации, лорды — мудрость страны и интересы самых достойных граждан, общины — интересы всех англичан.

С идеей смешанного правления соседствовала идея разделения властей, которая в вигской идеологии означала наделение монарха исполнительной, а парламента — законодательной властью. Со временем парламент обнаружил стремление к расширению своих полномочий и сужению монарших. В биле о правах 1689 г. монарх был лишен права запретительного и даже отлагательного законодательства.

ного вето. Во времена пребывания вигского лидера Р.Уолпола на посту главы правительства министры стали собираться и принимать решения втайне от короля (Ущемление прав монарха в качестве верховного носителя исполнительной власти в значительной мере определилось безволием и ограниченностью короля Георга II).

Парламент серьезно упрочил свои позиции в 1716 году, когда расширил срок полномочий палаты общин с трех до семи лет. Этот закон еще более расширил возможности коррупции парламентариев: в вигский период политическая деятельность стала рассматриваться фактически как законный способ обогащения. Годом позже парламент повысил имущественный ценз для избирателей, в результате чего их численность сократилась до 250 тыс. человек, что составляло пять процентов от населения страны. Противоположная же идея демократизации избирательного права не находила никакой поддержки в вигском лагере.

Из самых смелых идей XVII века виги XVIII века восприняли только идею о праве на сопротивление тирании. Но и ей были даны умеренные трактовки. Так, право на революционное действие народа отрицалось, возможность сопротивления тирании представлялась только элите, которая могла обратиться к оружию в случае нарушения монархией ее прав и прерогатив парламента. Мысль о том, что в качестве узурпатора власти может выступить парламент, не допускалась.

При всем умеренно охранительном характере вигской идеологии и политической практики они представляли в глазах многих самых передовых европейских умов в качестве образцов, достойных для подражания и перенесения в другие страны. Ф.Вольтер, побывавший в Англии в 1726-1729 гг., поделился впечатлениями о ее духовных, экономических и политических устоях в "Философских письмах". Он с восторгом отзывался об английских мыслителях, а самую лестную характеристику выдал Локку. Англия представилась ему воплощением свободы, которая по заключению французского философа являлась основой динамичного развития всего общества, включая промышленность и торговлю. Что касается английского политического правления, то оно, согласно Вольтеру, удачно сочетало монархию, аристократию и демократию, обеспечивая удовлетворение разнообразных социальных интересов и их баланс.

В 1730-1731 гг. Англию посетил другой знаменитый французский просветитель, Ш.Монтескье, который также пришел в восторг от ее общественного и политического устройства. Именно английский политический опыт брался им за образец при конструировании идеальной государственной модели в "Духе законов", увидевшем свет в 1748 г. Как и Вольтер, Монтескье восхищался системой "смешанного правления", разделением законодательной и исполнительной власти. Что касается недостатков общественно-политического устройства Великобритании, то французские вольнолюбцы замечали их даже меньше, нежели английские виги.

В первые две трети XVIII века вигская идеология практически утвердила монополию в британском либерализме. Но все же ее господство не было безраздельным. То один, то другой представитель либерализма выступал с критикой вигской ортодоксии. Самым ярким и крупным среди них оказался Адам Смит, вставший на один уровень

с Локком. Наибольший вклад Смит внес в формулирование принципов экономического либерализма.

Смит родился в 1723 г. в Шотландии, которая за полтора десятилетия до того заключила государственную унию с Англией. Свою научную деятельность он начал с философии, но наибольших успехов добился на поприще политической экономии. В конце 1750-х годов в своих философских трудах Смит оспорил один из главных постулатов Просвещения, заключавшийся в том, что человеческим и общественным развитием управляет разум и что именно по его законам должны строиться отношения между людьми. Сам Смит делал упор на чувственную природу человека, его страсти, желания и интересы, которые должны были высвобождаться и удовлетворяться для того, чтобы придать развитию общества наибольшую энергию. Идея обеспечения "естественной свободы" индивидуумов, как наилучшего условия общественного прогресса, легла в основу и экономических трудов Смита, главный из которых, "Богатство народов", увидел свет в 1776 году.

Политико-экономическая конструкция, выстроенная Смитом, обозначалась им самим, как "система естественной свободы". (Он никогда не использовал в отношении нее определений "капитализм" или "laissez faire")⁹. Согласно ей, государство и общество должны были обеспечить максимальную свободу экономики как внутри страны, так и ее взаимосвязей с миром. Теория и программа, предложенные Смитом, серьезно разошлись с тем, что исповедовала официальная экономическая доктрина.

В экономической мысли Великобритании, как и в вигской идеологии, в тот период господствовала доктрина меркантилизма. Она доказывала, что правительство должно обеспечить тепличные условия национальной промышленности и торговле при помощи протекционистских тарифов, торговых привилегий, иных льгот. Согласно теории меркантилизма, государство должно было ограничивать и даже запрещать вывоз из страны сырья, чтобы максимально использовать его для загрузки отечественной промышленности. В то же время оно должно было сдерживать ввоз в страну готовой продукции из других стран. Во времена Смита британское правительство обложило высокими ввозными пошлинами около 1200 иностранных товаров, так что ввоз большинства из них в страну был практически закрыт. Одновременно правительство предоставляло всевозможные льготы отечественным производителям.

Смит отверг доктрину и практику меркантилизма, как абсолютно нелепую, порождающую коррупцию в рядах государственных чиновников и оказывающую самое пагубное влияние на развитие промышленности. Вместо этого он требовал полностью довериться "невидимой руке" рынка и конкуренции, которая наилучшим образом отберет наиболее жизнеспособные и полезные нации отрасли и продукцию, отсеет малозэффективные и ненужные, определит стоимость товаров и труда. Смит объявил абсурдом стремление производить именно в Великобритании все, что ей было необходимо. Вместо этого он исповедывал принцип открытой национальной и мировой экономики, согласно которому Великобритания должна была сосредоточиться на производстве продукции, приносящей наибольшую выгоду на внутреннем и мировом рынке, и отказаться от производства

товаров, которые было целесообразнее ввозить из других стран. Экономический либерализм внутри страны должен был быть дополнен фритредерством во взаимоотношениях с другими странами.

Среди исследователей, в особенности леворадикальной ориентации, распространился взгляд на Смита как идеолога промышленного переворота, укоренявшегося в Великобритании второй половины XVIII века, выразителя классовых интересов торгово-промышленной буржуазии. В действительности Смит был меньше всего выразителем некоего чистого классового подхода, теоретически и методологически выступая как аналитик, исследующий способы умножения "богатства народа", а не благополучия какого-то одного класса. К такому выводу приводит и анализ отношения Адама Смита к реальным классам, существовавшим в тот период в Великобритании.

В поле зрения Смита оказались основные классы Великобритании: предприниматели, крупные землевладельцы, независимые крестьяне и рабочие. Наименьшую симпатию вызывали у него верхние классы британского общества. Ни в коем случае не отрицая пользы предпринимателей, Смит в то же время считал их главным источником эгоизма, стремление взвинтить цены до максимума и снизить заработную плату рабочих до минимума. Типичному предпринимателю было свойственно стремление к монополизму, вступление в сделки, которые подрывали позиции конкурентов и ущемляли интересы потребителей. Общество, предупреждал Смит, должно с большой настороженностью относиться к законопроектам, исходящим от предпринимателей, поскольку "их интерес никогда в точности не совпадает с общественным" и поскольку они "в целом склонны обманывать и угнетать общество"¹⁰.

Еще большую критику со стороны Смита вызывал класс аристократов-землевладельцев, присваивавший львиную долю богатства нации без вложения какого-либо труда. Им противопоставлялись мелкие независимые землевладельцы, которые наделялись Смитом всевозможными добродетелями, в первую очередь трудолюбием и честностью. Более равное распределение земли и увеличение численности независимых земледельцев являлось, по Смиту, одним из главных условий увеличения "богатства народов".

Значительное место в "Богатстве народов" уделено рабочему классу. Отношение к нему Смита исполнено уважения и признания особой, даже решающей роли труда в создании национального богатства. Смит не только восстанавливал локковскую теорию труда, как первоисточника собственности, но и объявлял "трудовой ресурс любой нации" "фондом, из которого черпаются все ее потребности и запросы"¹¹. Мастерство и трудолюбие рабочих — это основа основ национального процветания, поэтому капитал и государство должны проявлять о них особую заботу. Неразумно со стороны капитала ограничивать под всевозможными ложными предлогами рост заработной платы, а со стороны государства — подавлять стремление рабочих организовываться с целью защиты своих прав. Общество, не уставал повторять Смит, не будет счастливым, если большинство его граждан будет пребывать в бедности.

Защищая "естественную свободу" экономических взаимосвязей, Смит вместе с тем не был противником любого государственного вмешательства в общественные процессы. В ряде случаев он призна-

вал государственное участие в делах общества полезным. В функции государства, например, он включал строительство дорог и каналов. Особой же заботой государства, согласно Смит, должно было стать создание и развитие системы образования. Прочные знания населения, всех его классов, в том числе рабочих и земледельцев, неизменно относились им к главным источникам "богатства народов".

Управление образцовым государством, согласно Смит, не могло быть вверено ни одному отдельно взятому классу: государство в таком случае стало бы опасным орудием в руках или бедных, или богатых. Идеально было бы вручить государственную власть "естественной аристократии": она должна была включать в себя разнообразные таланты нации, которые могли быть легко отобраны в случае утверждения системы "естественной свободы". Эта мечта венчала рассуждения Адама Смита, который был отнюдь не чистым экономистом, а создателем либеральной идеологии, включавшей в себя концепции оптимального экономического развития, взаимоотношений классов, государственной социально-экономической политики.

Не будет преувеличением сказать, что Смит преодолел узко классовый подход вигского либерализма и создал либеральную модель, которая выражала общенациональные интересы. Такая либеральная модель была в Великобритании исключительным явлением на протяжении большей части XVIII века. Массированные, а не единичные атаки против вигской ортодоксии были предприняты в стране только в последней трети столетия.

Новый этап в развитии либерализма, начавшийся в 1760-1770-е годы и продолжавшийся в 1780-1790-е годы, был в значительной мере обусловлен революционными потрясениями в Северной Америке и Европе. Сначала Американская, а затем Великая Французская революции оказали непосредственное воздействие на изменение расстановки идейно-политических сил в Великобритании: с одной стороны, в вигской идеологии усилилось охранительное направление, во главе которого выступал Э.Берк, с другой стороны, возникло радикальное направление либерализма, выдвинувшее широкую программу политических и социально-экономических реформ.

Эволюция вигской идеологии в последней трети XVIII века имела неоднозначный характер, в ней существовали разные тенденции, но главенствующим все же явилось направление, которое с известной долей условности можно определить как консервативно-либеральное. Его самого яркого представителя, одного из наиболее оригинальных политических мыслителей Великобритании Эдмунда Берка многие исследователи не без оснований зачисляют в классики консерватизма. И действительно, консерватизм Великобритании, да и в целом стран Запада, как в XIX, так и в XX веках в существенной мере основывался на идеологических установках Берка. Но было бы ошибкой на этом основании вычеркивать Берка из либеральной традиции. Интерпретации Берка не означали тотального отрицания принципов либерализма, а представляли скорее их искусную селекцию и препарирование отобранных принципов в консервативном духе.

Как политик и идеолог, Берк прошел весьма сложную эволюцию. В 1760 — 1770-е годы он оказался среди тех вигских политиков, которые представляли оппозицию строителю монарху Георгу III, воз-

намерившемуся возвысить королевскую власть над парламентом. Берк выдвинул оригинальную и весьма смелую концепцию партийно-политического плюрализма: одним из первых в Великобритании он доказывал, что соперничество партий не только не вредит, но даже помогает успешному проведению в жизнь национальных интересов. При этом, согласно Берку, сами британские партии должны были быть реформированы: из узких фракций, озабоченных исключительно защитой собственных интересов, борьбой за власть и прибыльные государственные должности, они должны были превратиться в политические партии с полноправной идеологией, центральное место в которой занимало обоснование национальных интересов и общественного блага. В тот же период Берк и его вигские единомышленники выступали в пользу реформы Британской империи и решительно осуждали попытки монархии и тори подавить при помощи репрессий патриотическое движение в североамериканских колониях.

Вместе с тем и в тот, как и особенно в последующий период, Берк защищал основополагающие принципы вигской ортодоксии: основой общественно-политического устройства и эволюции Великобритании объявлялся не утопический "общественный договор", а конституционная традиция, из нее же, а не из естественно правовой традиции выводились свободы и права англичан. Либеральный "акцент" в вигском мышлении Берка в 1760 — 1770-е годы объяснялся тем, что реальную угрозу для британских основ тогда представляла собой не североамериканская Война за независимость, а реакционная политика Георга III и тори. Ситуация резко изменилась с началом Великой французской революции: последняя реально угрожала перекинуться на другие европейские страны, и ее радикальные естественно правовые лозунги выступили в глазах Берка и его единомышленников как воплощение абсолютного зла. Уже в 1790 году Берк опубликовал пространный антиреволюционный манифест "Размышления о революции во Франции". Он и стал платформой всего последующего вигского консерватизма¹².

Берк и его единомышленники осудили все главные принципы, начертанные на знамени Великой французской революции. Консервативной ревизии было подвергнуто и вигское либеральное наследие, в первую очередь заветы Локка. Главный огонь критики сосредоточился на концепции естественного состояния и естественных и неотъемлемых прав людей. Берк категорически отверг утверждение о том, что люди когда либо существовали в чистом "естественном состоянии", доказывая, что в индивидууме изначально были соединены "естественный" и "гражданский" человек и что гражданское общество стало формироваться вместе с сотворением мира. Не было никогда и "естественного равенства": неравные способности людей привели к тому, что они разделились в отношении к собственности, а следовательно в собственных и иных правах. Собственность и право на нее стали первыми фундаментами человеческого общества, на этой основе неизбежно произошло неравенство между людьми. Это было "органическое строение" общества, неподвластное никаким естественно-правовым химерам и революциям.

Столь же категорично Берк отверг теории общественного договора и народного суверенитета. Последователям Локка указыва-

лось, что им не удалось отыскать еще ни одной копии "общественного договора". Столь же утопичной и еще более опасной была идея народного суверенитета, который, как замечал Берк, в случае его практической реализации приведет к краху собственности, законности и морали. Тому было простое объяснение: бедное большинство народа использует свое волеизъявление для перераспределения собственности и сокрушения гражданского общества. Демократию Берк объявлял равнозначной тирании большинства и противопоставлял ей в качестве образца исторически сложившееся "смешанное правление". Подобно А.Смиту, Берк полагал, что наибольшую пользу государственному управлению окажет "естественная аристократия" и уже в отличие от Смита склонялся к тому, что основным пропуском в ее ряды является богатство.

Идеи Берка носили антиреволюционный и антидемократический характер. Но при всем при том они не были антилиберальны: Берк и его последователи объявляли главными ценностями владение и свободное распоряжение собственностью, верховенство права, приоритет гражданского общества. Берк и беркианцы жестко отделили от либерализма демократию, освободили его от эгалитаризма, подчинили интересам элиты. Среди либеральных ценностей приемлемыми для них оказывались те, которые, по их убеждению, были отобраны временем, приобрели "органический" характер. "Органический либерализм" — еще одно определение, которое можно было бы дать беркианству — подвел итог эволюции вигизма в XVIII веке.

С 1760 — 1770-х гг. идеологии и политике вигов стало противостоять течение, которое получило название радикализма. Его возникновение означало возрождение той тенденции в британском либерализме, начало которой положили левеллеры и Д.Лильберн в середине XVII века. Радикалы последней трети XVIII века вновь попытались соединить либерализм с демократией и эгалитаризмом.

Возникновение радикализма связано в первую очередь с фигурой Джона Уилкса. В апреле 1763 г. Уилкс, тогда входивший в парламентскую группировку вигов, выступил в печати с резкой критикой узурпаторских действий Георга III. После этого он был арестован, но тут же освобожден в силу депутатской неприкосновенности. Далее последовало нечто неслыханное: парламент исключил Уилкса из своих рядов и тот вынужден был бежать во Францию. В 1768 г. с началом новой избирательной кампании в Англии Уилкс возвращается на родину, включается в политическую борьбу и уверенно проходит в депутаты парламента. Но парламент объявляет его избрание незаконным, и Уилкса заточают в тюрьму. В поддержку Уилкса выступает уже весьма широкое политическое движение, во главе которого становится "Общество защиты Билля о правах". В 1774 г. общество и поддерживавшие его силы смогли провести в парламент более десяти своих сторонников во главе с Уилксом. Уилкс к тому же был избран лордом-мэром Лондона. Десятилетняя героическая борьба Уилкса с истеблишментом завершилась его триумфом.

Политическая борьба Уилкса сопровождалась выдвижением ряда радикальных по тем временам требований: перераспределение избирательных округов и ликвидация "тупых местечек" (малочисленные, как правило, сельские избирательные округа, легко покупавшиеся богатыми кандидатами — авт.), введение тайных выборов,

расширение избирательного права. Постепенно к ним были добавлены требования ежегодных перевыборов парламента и всеобщего избирательного права для мужчин, воспроизводившие лозунги левеллеров. Еще двумя популярными требованиями радикалов стали отмена имущественного ценза для кандидатов в депутаты и оплата деятельности членов палаты общин.

Политические требования радикалов 1760-х — 1770-х гг. составили программу демократического движения Великобритании на целое столетие. Вместе с тем в отличие от левеллеров середины XVII века они не выдвигали требования ликвидации монархии и палаты лордов. Эти требования прозвучали уже из уст второго поколения радикалов последней трети XVIII века, выдвинувшихся на ведущую позицию в 1780-е и особенно в 1790-е годы, когда содержание политических дебатов в Великобритании непосредственно определялось перипетиями Великой Французской революции. Радикалы второго поколения включили в свою программу ряд эгалитарных экономических требований. У них появились и новые кумиры. Главным среди них был Томас Пейн. Уроженец Великобритании, он в 1780-е — 1790-е годы неизменно оказывался в революционных эпицентрах, сначала в США, потом во Франции. Политическую активность Пейн сочетал с публицистической и теоретической деятельностью, в результате которой из под его пера появились многочисленные памфлеты и трактаты. Из них в Великобритании наибольшей популярностью пользовались два — “Прав человека” и “Аграрная справедливость”.

При всех достаточно серьезных различиях радикалов двух поколений между ними существовала и преемственность, теоретическое и идеологическое родство. Теоретическая позиция радикалов представляла прямой вызов доктринам вигов, Берка и беркианцев. Одновременно в идеологическом плане именно британские радикалы оказались наиболее близки к классическим образцам Просвещения.

Центральной в теоретическом арсенале радикалов стала концепция “естественного состояния” и естественных прав людей. В отличие от Локка, для которого “естественное состояние” было все же идейно-теоретической абстракцией, радикалы исходили из того, что оно реально существовало и в историческом плане предшествовало гражданскому обществу. И именно естественное, то есть первозданное состояние человечества, являлось, по их убеждению, образцом при формулировании принципов справедливого общественного строя. Далее радикалы провозглашали как абсолютную максиму, что все люди были наделены равными естественными правами, и доказывали, что принципиальных, качественных различий в умственных способностях, талантах и нравственности людей в естественном состоянии не существовало. В связи с этим отрицалась возможность как “искусственной”, так и “естественной аристократии”, справедливым объявлялось только то общество, которое признавало равные гражданские права всех людей.

Радикалы не случайно называли основополагающие “естественные права” неотъемлемыми, доказывая, что после возникновения государства люди не утрачивают ни одного из них, и государство в первую очередь и создается для их сохранения и защиты. Среди естественных и неотъемлемых прав человека радикалы последней трети

XVIII века, наряду с правами на жизнь, которую они, как и Локк, включали в собственность человека, и свободу особо выделяли права на участие в политическом управлении и свободу вероисповедания.

Законным, по убеждению радикалов, могло быть только политическое управление, созданное на основе общественного договора. Рассматривая общественный договор как идеальный и в то же время единственно легальный способ образования государственной власти, радикалы последней трети XVIII века возрождали и идею о праве народа на сопротивление власти в случае нарушения соглашения об основах управления. Т.Пейн проповедовал ту идею, что общественный договор вообще должен перезаключаться каждым новым поколением людей, поскольку, как утверждал он, “ни одно поколение не имеет права собственности на другое”, а государственное управление должно приводиться в соответствие с меняющимися интересами общества¹³.

Радикалы двух поколений расходились в вопросе об идеальной форме государственного управления. Если Уилкс и его единомышленники склонялись в пользу сохранения в Великобритании парламентской монархии, то радикалы конца XVIII века возродили левеллеровскую идею об установлении республиканского строя. Наиболее последовательными защитниками республики выступали Т.Пейн и У.Коббет¹⁴.

Политический демократизм был дополнен радикалами конца XVIII века идеей эгалитаризма. Оставаясь в целом последователями основополагающего либерального принципа о приоритете естественных и неотъемлемых прав человека, в которые включалось и право каждого индивидуума на свободное распоряжение собственностью, радикалы в то же время считали нетерпимым чрезмерное имущественное неравенство и выдвигали проекты борьбы с бедностью. Т.Пейн, придерживаясь той точки зрения, что в естественном состоянии все люди располагали равным правом на землю, требовал денежной компенсации для индивидуумов, которые в ходе общественного развития лишились этого права. Проект, выдвинутый им в трактате “Аграрная справедливость”, предполагал создание национального денежного фонда за счет налогообложения латифундистов, — из него каждому безземельному англичанину старше 21 года выплачивалась сумма в 15 ф.ст., а всем жителям страны, достигшим 50 лет, выдавалась ежегодная рента в 10 ф.ст.¹⁵.

Д.Освальд выступал в пользу раздела между бедными пустующих и общинных земель. Наиболее радикально рассуждал Т.Спенс, выступавший в пользу перераспределения земельной собственности на основе “естественной справедливости”¹⁶. Эгалитаризм Спенса, фактически переработанный в антилиберализм, был для радикалов все же не типичен.

Идейно-политические схватки последней четверти XVIII века завершились в пользу консервативных сил. В первой четверти следующего века в Великобритании утверждается даже некое подобие собственного режима реставрации: у руля власти становится правительство тори, принимающее ряд жестких репрессивных мер. В 1799 г. был принят закон о запрещении рабочих союзов. В 1812 г. одобрен закон о преследовании луддитов (рабочих-разрушителей машин). за

которым последовал ряд смертных приговоров. В 1817 г. было приостановлено действие Habeas Corpus Act'a. В 1819 г. в "сражении при Питерлоо" (поле св. Петра близ Манчестера) власти разгромили безоружных демонстрантов, при этом 11 человек были убиты и 400 ранены.

Изменились экономические акценты деятельности правительства: оно все более открыто проводило линию лендлордов, защищая их интересы при помощи разнообразных мер, главной среди которых стал "хлебный закон" 1815 года, фактически закрывавший доступ иностранного хлеба в Великобританию и обеспечивавший земельной аристократии монопольные сверхприбыли.

Политика правительства обострила его отношения не только с трудовыми массами, но и с буржуазией. В положении буржуазии в тот период происходят принципиальные качественные изменения. Под воздействием и в ходе промышленного переворота в ней все более возрастает удельный вес предпринимателей, удельный же вес финансово-торговых кругов, находившихся после 1688 года в политическом альянсе с земельной аристократией, снижается. Экономический вес промышленной буржуазии, реально изменившийся, если воспользоваться выражением Гаррингтона, "баланс собственности" в Великобритании, не подкреплялся, однако, перераспределением политической власти. Сельские избирательные округа продолжали явно преобладать над городскими, неизменно формируя подавляющее большинство парламента. Предприниматели были не в состоянии противостоять парламентским актам, ущемлявших их интересы (высокие цены на продовольствие, утвердившиеся вследствие хлебных законов, вынуждали их увеличивать заработную плату рабочих).

Земельная аристократия в первой половине XIX века объективно оказалась для промышленной буржуазии противником №1. В борьбе с ней предпринимательский класс мог опереться и опирался в первую очередь на либеральную идейно-политическую традицию. Но понимание и истолкование им и его представителями принципов либерализма означало серьезное обновление последнего. Для промышленной буржуазии оказались неприемлемы обе главные трактовки либерализма последней четверти XVII века.

Вигско-беркианская концепция аристократического, или "органического", либерализма не могла удовлетворить предпринимательский класс, поскольку освящала статус кво, в то время как он был заинтересован в серьезных политических переменах. Но его не устраивала и радикально-либеральная интерпретация, в первую очередь в силу присущего ей эгалитаризма. И хотя выразителей буржуазного либерализма первой половины XIX века от Д.Рикардо до Д.С.Милля в литературе зачастую именуют радикалами, они существенно отличались от радикалов конца XIX века и вряд ли заслуживают такого наименования.

Главное отличие либералов первой половины XIX века от радикалов конца XVIII заключалось в том, что большинство среди них были принципиальными и твердыми противниками эгалитарных реформ в пользу трудящихся классов. Положение рабочего класса Великобритании первой половины XIX века является одной из хорошо изученных в историографии тем. И хотя среди историков и сегодня нет единства в его оценке — "пессимисты" полагают, что оно стало

катастрофическим, а "оптимисты" доказывают, что промышленный переворот создавал не только предпосылки, но и реальные возможности улучшения материальных условий рабочих — большинство среди них все же сходится в том, что эксплуатация трудящихся была в тот период одной из наивысших в британской истории. И не случайно именно британский исторический материал первой половины XIX века дал основание К.Марксу и Ф.Энгельсу для самых неутешительных для капитализма прогнозов. Отношение британских предпринимателей и их идеологов к рабочему классу отнюдь не находилось в противоречии с этими прогнозами.

В исследовательской литературе распространено представление, что в первой половине XIX века британский либерализм окончательно порывает с абстрактно рационалистической методологией просветителей и в теоретическом плане полностью уверяет себя эмпиризмом и прагматизмом. Представление это, однако, уязвимо по той причине, что именно в тот период идеологи, имена которых связывают в Великобритании с либерализмом, выдвинули наибольшее количество так называемых "железных" общественных законов. Самые известные среди таких законов принадлежат Т.Мальтусу и Д.Рикардо.

Отнесение к либеральным идеологам Мальтуса может быть, конечно, подвергнуто сомнению, но дело в том, что большинство британских исследователей "вписывают" его в либеральную традицию, а, кроме того, многие стопроцентные либералы Великобритании, среди них Д.Рикардо и Д.С.Милль, считали его своим учителем. В идеологическом плане связь Мальтуса с либерализмом выражалась в признании и твердой защите главного постулата британского предпринимательского класса той эпохи — никакого государственного вмешательства во взаимоотношения труда и капитала и никакой правительственной помощи труженикам! Мальтус дал и обоснование этого постулата в своем известном трактате о народонаселении.

Мальтус сформулировал "железный" закон народонаселения: если последнее не ограничивать, то народонаселение возрастает в геометрической прогрессии, в то время как производство продуктов питания увеличивается только в арифметической прогрессии. Ответственность за катастрофическую ситуацию Мальтус возлагал на трудящиеся массы, которые воспроизводят потомство, ни в коей мере не сообразуясь со своими материальными возможностями. Жесткой критике подвергались им любые планы государственной помощи бедным семьям: это, доказывал Мальтус, только поощрит бедных к дальнейшему увеличению своего потомства и в результате нищета еще более углубится. Бедные, которые вступают в брак, создают и расширяют потомство, не имея достаточных материальных средств, должны, настаивал он, наказываться за неспособность сдерживать себя и жить в соответствии со своими реальными возможностями. И если английские трудящиеся не научатся этому, заключал Мальтус, то никакой рост национального богатства не поможет им вырваться из состояния бедности.

Мальтусовская теория народонаселения оказала сильнейшее воздействие на Д.Рикардо, самого известного британского экономиста первой четверти XIX века. В его главном труде "Принципы политической экономии и налогообложения" (1817)

выдержавшем при жизни Рикардо три издания (он скончался в 1823 году в возрасте 51 года), выводился “железный” закон заработной платы рабочих. Согласно Рикардо, существовал жесткий потолок для роста заработной платы: в случае его превышения неизбежно следует быстрый рост потомства рабочих (этот вывод сделан явно под влиянием Мальтусовской теории), в результате чего предложение рабочей силы на рынке труда резко увеличивается и зарплата возвращается к своему “естественному” уровню или даже падает ниже его. На этой основе делался вывод о тщетности борьбы рабочих за увеличение заработной платы или попыток государства каким либо образом регулировать ее. Единственным рычагом определения заработной платы мог быть рынок¹⁷.

Но могли ли рабочие надеяться на улучшение своего положения? Рикардо отвечал на этот вопрос утвердительно и даже предлагал несколько способов повышения материального уровня рабочих и ликвидации бедности. Но ни один из них не предполагал увеличения фонда заработной платы и какого либо ущемления интересов предпринимательского класса. К первым из этих способов Рикардо относил контроль самих рабочих семей за рождаемостью. Другой способ видел в совершенствовании производительных сил и улучшении условий труда. Но самым реальным и эффективным средством улучшения жизни рабочих Рикардо считал снижение цен на продовольствие, что, как доказывал экономист, делало актуальным совместную борьбу трудящихся и предпринимателей за отмену хлебных законов.

Социальному анализу Рикардо был присущ подход, который в полной мере можно назвать классовым. В случае с британским экономистом он отвечал интересам предпринимателей, а своим острием был направлен против лендлордов. Подход этот можно было бы одновременно характеризовать и как антипролетарский, но с той существенной оговоркой, что Рикардо, отвергая притязания рабочего класса на часть прибылей предпринимателей, вместе с тем не считал пролетариат антагонистом промышленников, но полагал, что у них есть как объединяющий интерес, так и общий враг — земельная аристократия. Такой подход стал не только типичным, но даже доминирующим в британском либерализме первой половины XIX века. Отвергая требования рабочих поделить с ними хотя бы часть прибылей, предприниматели и либералы активно мобилизовали их на свою поддержку в политических и экономических схватках с земельной аристократией. И немало в этом преуспели.

Первая серьезная победа окрепшей промышленной буржуазии над земельной аристократией была достигнута в 1832 году. Ее сторонники сумели с третьей попытки провести закон о парламентской реформе. Закон этот стал одним из самых знаменитых в истории, и многие справедливо ставят его по значению в один ряд с Великой хартией вольностей и Славной революцией 1688 года. Действительно, закон мирным способом привел политическую систему Великобритании в соответствие с “балансом собственности”, сложившемся в ходе промышленной революции. Согласно закону, ликвидировалось большинство “гнилых” избирательных округов. Из 143 высвободившихся депутатских мест половину получили города, выросшие в эпоху промышленной революции, но не имевшие политического представительства в высшем органе законодательной власти. Про-

мышленная буржуазия наконец-то получила солидный государственный куш. Но цензы для избирателей не были снижены, так что рабочий класс, активно поддерживавший предпринимателей в борьбе за реформу, был ограничен ролью “таскающего каштаны из огня” на стол новому экономическому и политическому хозяину.

После достижения политической победы предпринимательский класс с еще большей активностью развернул борьбу против экономических привилегий земельной аристократии. Главным объектом его критики стали хлебные законы. Кампания за их отмену активно велась на протяжении 1820 — 1830-х гг., а в 1839 г. политически активные предприниматели объединились в Лиге борьбы против хлебных законов. Ее лидерами стали манчестерские предприниматели во главе с Ричардом Кобденом и Джоном Брайтом. Лига, не ограничиваясь политическими акциями, пестовала и своеобразную идеологию, которая получила название манчестерского либерализма.

В идеологическом плане манчестерский либерализм во многом перекликался с идеями Давида Рикардо, которого не случайно зачислили не только в предшественники, но и в отцы-основатели новой школы либеральной идеологии. Манчестерство было отмечено ярко выраженным классовым эгоцентризмом: объектом его всепоглощающих забот стал предпринимательский класс. И хотя манчестерцы активно зазывали в свои союзники рабочий класс, они решительно противились любым мерам, отвечавшим собственным интересам пролетариата. Р. Кобден, ставший в 1840-ые годы главным глашатаем манчестерского либерализма, неизменно осуждал предложения о сокращении продолжительности рабочего дня пролетариата, как и любые законопроекты, стихийно регламентирующие рыночные условия найма рабочих предпринимателями. Манчестерцы отказали рабочим в праве объединяться в профсоюзы, объявляя последние образцом монополии и тирании. Свободные рабочие, как и свободные предприниматели, доказывали они, должны следовать букве экономического либерализма: их отношения могут основываться исключительно на индивидуальных контрактах¹⁸. Манчестерцы любили называть себя наследниками Адама Смита, но совершенно очевидно, что их отношение к рабочему классу, как и понимание национальных социальных интересов, отличались от смитовских.

Центральным пунктом манчестерской идеологии экономического либерализма стало фритредерство. Именно фритредерство, означающее свободу торговли с другими странами и, конечно же, отмену ввозных пошлин на зарубежные товары, объявлялось основой национального процветания. Р. Кобден в своих многочисленных выступлениях 1840-х годов настаивал на внеклассовом характере фритредерства, создающем условия материального благополучия и для предпринимателей, и для рабочих, и для земледельцев, в целом для подавляющего большинства нации. Единственно, кто проигрывал от фритредерства, так это узкий слой лендлордов, откровенно паразитирующих на хлебных пошлинах¹⁹. Риторика Кобдена и манчестерцев ни разу не приоткрывала центрального экономического мотива фритредерства: английская промышленность, ставшая самой конкурентоспособной в мире, извлекала колоссальные непосредственные барыши от режима свободной торговли между странами.

Манчестерцы и предпринимательский класс Великобритании добились отмены хлебных законов в 1846 году. После одобрения парламентской реформы 1832 года это была вторая крупная политическая победа британских промышленников. Торжество фритредерства создавало условия для дальнейшего быстрого подъема промышленности Великобритании. Политическая активность и маневры предпринимательского класса привели к серьезному ослаблению его главного соперника — земельной аристократии. В те же 1840-ые годы фритредерам удалось расколоть партию тори, и ее значительная часть (Р. Пиль и его сторонники) сомкнулась с вигами и манчестерцами в поддержку британской промышленности. Новый политический альянс означал рождение Либеральной партии, выражавшей интересы всего буржуазного класса. Поистине середина XIX века ознаменовалась триумфом буржуазной либерализма.

В исследовательской литературе именно либерализм первой половины XIX века чаще всего называют классическим. Главным основанием для этого является возвеличивание им индивидуализма, провозглашение индивидуальной независимости и успеха главным мерилom раскрепощения общества и его прогресса. Большинство исследователей вместе с тем сходятся и в том, что либерализм первой половины XIX века, признавая значение политической и духовной свободы индивидуума, все же особенно подчеркивал значение экономической свободы, считал приоритетной прежде всего ее. Такой подход в наибольшей степени соответствовал интересам буржуазии, приобретавшей "свободу рук" в процессе накопления капитала и взаимоотношениях с рабочим классом. Но он же все больше и все чаще наткался на непонимание и отторжение со стороны рабочего класса, который во второй четверти XIX века встал на путь самостоятельных политических действий и защиты собственных интересов. Созданное рабочим классом чартистское движение отчетливо обозначило линию раскола между трудом и капиталом: цели чартизма, включившего в свою программу политические и социальные реформы в интересах трудящихся классов, и фритредерства, решительно эти реформы отрицавшего, разошлись.

Социальная база классического либерализма со временем обнаруживала тенденцию не к расширению, а к сужению. Узко классовый характер либерализма создавал почву и для политических маневров британской аристократии, у которой как выяснилось все в те же 1840-ые годы, в случае определенного изменения и обновления ее идеологии, возникал шанс привлечь на свою сторону хотя бы часть рабочих. Так оформился социальный торизм, или, как определял его Маркс, "реакционный", "феодальный социализм", обещающий от имени аристократических элит государственную защиту насущных интересов рабочего класса. В случае успеха социального торизма политические завоевания либерализма становились бы весьма зыбкими, а угроза аристократической реставрации становилась бы реальной. Соперничество с социальным торизмом стало важным стимулом для "перестройки" либерализма уже в третьей четверти XIX века. Теоретический же материал для такой перестройки нарабатывался некоторыми либеральными умами еще в первой половине XIX века.

Либералов, расходившихся во взглядах с манчестерцами уже в первой половине XIX века, мыслявших более широко, в исследовательской литературе часто называют "переходными фигурами", имея в виду, что они, будучи связанными с классическим либерализмом, в то же время оказывались предтечами нового, социального либерализма. Главными среди них были И. Бентам и Д.С. Милль.

И. Бентам (1748 — 1832 гг.) написал огромное количество трудов, до сих пор порождающих разноречивые оценки исследователей. Центральным является спор по вопросу о том, был ли Бентам представителем классического либерализма или же сторонником государственного социального законодательства²⁰. Представляется, что ответить на этот вопрос однозначно в случае с Бентамом, как впрочем, и в случае с Миллем, невозможно. Их взгляды весьма амбивалентны, из них можно почерпнуть взаимоисключающие ответы по поводу идеологической принадлежности Бентама и Милля. Скорее всего, возможно только компромиссное решение этого вопроса: оба мыслителя одной ногой стоят на почве классического либерализма, а другой ногой уже ступили на почву либерализма социального. По поводу того же, к какому либерализму они больше привязаны, можно спорить до бесконечности.

Бентам известен как создатель теории утилитаризма, включающей в себя психологическое рассмотрение и обоснование индивидуализма. По Бентаму движущей пружиной человеческих взаимоотношений и общества являются заключенные в каждом индивидууме ощущения удовольствия и боли. Бентам насчитывал четырнадцать основных ощущений, приносящих индивидууму удовлетворение и удовольствие, и двенадцать основных ощущений, доставляющих ему боль. Стремление к получению положительных ощущений и снятию ощущений отрицательных, согласно его учению, составляет неизменную основу поведения человека. Теоретически наибольший эффект для человека и общества достигается, если каждый индивидуум существует и действует автономно, самостоятельно определяя свой интерес и возможности. В этом случае между интересами и устремлениями индивидуумов устанавливается естественная гармония, они действуют к своей собственной и общей пользе.

Но это по Бентаму все же оптимальная и идеальная модель. Индивидуальные интересы в реальной жизни приходят в столкновение друг с другом, поэтому для государства возникает потребность нахождения баланса между индивидуальной и общей пользой, их примирения, руководствуясь формулой нахождения "наибольшего счастья для наибольшего количества людей". Поиску этой формулы способствуют не только и не столько абстрактные рассуждения, сколько эмпирические разработки конкретных законодательных решений.

Бентам стоит на платформе классического либерализма, когда требует обеспечить каждому индивидууму максимальную свободу и суверенитет. В соответствии с этим подходом он настаивал на приоритете и неотчуждаемости прав человека на свободу слова, совести, выбора профессии, смену места жительства, в том числе передвижения в любую другую страну. Исходя из этой позиции, Бентам считал государство и государственное регулирование злом, противостоящим индивидуальной свободе. Парадокс же Бентама заключался в

положении, что это зло необходимо как противоядие от большего зла — агрессии и эгоизма тех индивидуумов, которые извлекают пользу для себя, отказывая в таком же праве всем другим. Рассматривая государственное законодательство не более, как "необходимое зло", Бентам полагал, что оно должно быть дополнением к режиму индивидуальной свободы, но не выступать в качестве самоценности. Каждый законопроект должен быть поэтому всесторонне просчитан и взвешен с тем, чтобы не нанести вреда индивидуализму и индивидуальным свободам, как общественной первооснове.

В последние годы жизни Бентам наряду с созданием теоретических трудов, таких как "Катехизис парламентской реформы" и "Церковь Англии", уделил особое внимание разработке законодательных сводов, среди которых главным стало "Конституционное уложение". У него появился целый сонм учеников и последователей, среди них не только идеологи либерализма, такие как Т. Маколей и Д.С. Милль, но также и политики, связанные с рабочими организациями, в частности с чартизмом. Влияние Бентама и его проектов нашло выражение во многих социальных законах, принятых в Великобритании в XIX веке²¹.

Джон Стюарт Милль (1806 — 1873), подобно Бентаму, считал индивидуальные права и свободы самоценными, являющимися единственно возможной основой общественного благополучия и прогресса. Его концепция индивидуализма не была равнозначна анархизму, и Милль подчеркивал, что никакое сообщество невозможно без порядка, для поддержания которого и создается государство. Но порядок в отличие от индивидуализма, являясь условием прогрессивного развития, не творит его. Отсюда афористичное высказывание Милля: "Прогресс содержит в себе Порядок, но Порядок не содержит в себе Прогресса"²². Подобно всем представителям классического либерализма, Милль полагал, что общество достигнет наивысших результатов, если предоставит каждому индивидууму возможность самому планировать свои действия и извлекать из них наибольшую пользу. Также в русле классического либерализма Милль считал первейшим право на собственность и был противником какого либо ограничения права распоряжения ею и права наследования. Он полагал также самоценными и не терпящими никакой регламентации права на свободу слова, совести, собраний, а его трактат "О свободе", написанный в конце 1850-х гг., признан классическим изложением либерализма по этой проблеме.

Отход Милля от классического либерализма обнаруживается в его отношении к демократии и социальным проблемам. Во всех своих трудах, а наиболее последовательно и убедительно в трактате "О представительной демократии" (1861 г.), Милль выступал в пользу допуска к государственному управлению, а следовательно наделения избирательным правом всего населения, независимо от имущественного положения и пола. По меркам британского либерализма то было действительно радикальное суждение, и Миллю пришлось приложить немалые усилия для того, чтобы доказать: политическая демократия не противоречит либерализму, а вытекает из него, если следовать его духу и букве.

Вместе с тем Милль вполне разделял опасения либералов его эпохи, что всеобщее избирательное право приведет к оформлению в ка-

честве политического большинства пролетариата и в целом неимущих слоев, которые утвердят свою тиранию со всеми вытекающими из нее последствиями. Он также не питал иллюзий относительно интеллектуальных способностей большинства, полагая, что невежество еще долго будет оставаться его отличительной характеристикой. А это не внушало надежд на улучшение качества государственного управления в случае введения всеобщего избирательного права. И тем не менее Милль оставался до конца жизни его горячим защитником, предлагая в то же время отыскивать способы нейтрализации возможных негативных последствий наделения избирательным правом всех своих соотечественников.

Один из таких способов Милль видел в предоставлении разным социальным классам, независимо от их численности, равных депутатских квот в нижней палате парламента. Это предотвратило бы возможность тирании большинства, обеспечивало равную защиту интересов меньшинств, уравнивало классы и делало парламент внеклассовым (господство классового интереса собственников в государственном управлении Милль считал столь же неприемлемым, как и господство классового интереса неимущих). Противоядие от невежества и некавалифицированных действий народных избранников Милль видел в создании верхней палаты нового образца, состоящей не из аристократов, а отбираемой на основе различных испытаний элиты государственных деятелей²³.

Отход Милля от классического либерализма в социальных вопросах ярче всего проявился в его отношении к рабочему движению и тред-юнионизму. Милль отверг концепцию "железного фонда" заработной платы и доказывал, что рабочие могут претендовать на часть прибыли, присваиваемой предпринимателями. Цивилизованным способом достижения этой цели являлся коллективный договор, который заключали с предпринимателями от имени рабочих тред-юнионы. Поэтому профсоюзы представлялись Миллю жизненно важным институтом общества, который должен был быть непременно признан государством. В противном случае, предупреждал Милль, у пролетариата не останется иного выхода, как только броситься в объятья революционного коммунизма²⁴.

Бентам и Милль сделали важный шаг от классического либерализма к социальному, но взгляды этих крупных либеральных идеологов в первой половине XIX века являлись все же не правилом, а исключением из него. В середине XIX века либерализм явно уступил инициативу консерватизму в борьбе за рабочие массы. Социальный торизм стал кредо Консервативной партии, во главе которой с середины XIX века выступил Б. Дизраэли. Именно консерваторы провели тогда все крупные социальные реформы, среди них запрещение ночного труда женщин и сокращение рабочего дня сначала до 12, а потом до 10 часов. В 1867 году во время пребывания у власти правительства Дизраэли в Великобритании была проведена вторая парламентская реформа, снизившая имущественный ценз и расширившая электорат на 825 тысяч человек, в которые входила и верхушка рабочего класса. Но к тому времени и либерализм существенно изменил свое кредо, прочно вписав в него идею социальных реформ.

Острое соперничество манчестерского либерализма, с одной стороны, и социального либерализма, с другой, развернулось в третьей

четверти XIX века. Великобритания, родина классического либерализма, стала и первой страной, в которой оформился новый тип либерализма. Развитие классического либерализма при этом не прекратилось, появились его новые интерпретации, в которых индивидуализм достиг крайнего выражения. Самую известную среди таких интерпретаций выдвинул социолог Г. Спенсер, распространивший на общество законы "борьбы за существование", "выживания наиболее приспособленных" и гибели "менее приспособленных" видов, которые были сформулированы в биологии Ч. Дарвином. Прогрессивное развитие общества, доказывал Спенсер в своих сочинениях 1870-х — 1880-х гг., возможно только на основе естественной эволюции, означающей полную свободу конкуренции индивидуумов и институтов, в ходе которой осуществляется "естественный отбор" наилучших и наиболее полезных для общества "видов". Любое государственное вмешательство в этот процесс, попытки издавать социальные законы или регламентировать экономические взаимоотношения наносили, как настаивал Спенсер, непоправимый ущерб обществу, грозили его гибелью.

Г. Спенсер смог добиться научного признания и стал известен в политических кругах, но популярность его идей в Великобритании оставалась весьма невысокой, по крайней мере, она даже в малой степени не могла сравниться с популярностью и даже триумфальным успехом, выпавшем на его долю за океаном, в Соединенных Штатах Америки. Спенсерианство не приостановило и даже не затормозило трансформации либерализма в более демократическую и эгалитарную идеологию.

Среди идеологов, способствовавших соединению либерализма с демократией, выделялись Д. Морлей, лорд Актон, Т. Грин. Д. Морлей в трактате "О компромиссах", увидевшим свет в 1874 г., доказывал, что общественный прогресс предполагает не только конкуренцию и острое соперничество индивидуумов и классов, но и их взаимные уступки. Идея социального компромисса должна была поэтому войти в качестве неотъемлемой составной части в либеральное кредо²⁵. В речах и переписке влиятельного либерального мыслителя и историка лорда Актона утверждалось: либералы не могут отвергать политическую демократию на том основании, что массы невежественны, а их мышление исполнено предрассудков. Элита, заключал он, должна "разделить государственное управление с рабочим классом"²⁶. Т. Грин в эссе "Свобода контракта" (1880-ый г.) убеждал либералов, что они не могут более ограничиваться "негативным" определением свободы, а должны наполнить ее позитивным смыслом, предполагающим предоставление социальных прав и гарантий индивидуумам, которые от природы не наделены способностью добиться достойного существования собственными усилиями. Полемизируя с классической либеральной политэкономией, Грин доказывал, что рабочая сила не может приравниваться к обычному товару, ее рыночное измерение недостаточно, отношение к ней должно быть гуманизировано с помощью социального законодательства²⁷.

В третьей четверти XIX века социальный либерализм уверенно заявил о себе не только в идеологии, но и в политике. Политические успехи социального либерализма связаны с именем выдающегося британского политика Уильяма Гладстона (1809 — 1898). Именно

Гладстон признан в качестве основателя Либеральной партии, объединившей в своих рядах часть вигов, манчестерцев и тори, последователей Пилля. С 1860-х гг. Гладстон начал последовательно выступать в пользу социального либерализма, критикуя классовую ограниченность манчестерских доктрин. В 1865 г. он призвал либералов сомкнуться с народом и провести ряд реформ в пользу рабочего класса²⁸. В 1868 г., после избрания его премьер-министром, Гладстон начал проводить в жизнь политику социального либерализма, которая к концу его пребывания на высоком посту (1874 г.) увенчалась весьма впечатляющими результатами.

Политика социального либерализма Гладстона включила в себя два главных направления: первое означало реформы в интересах среднего и низшего классов, а второе включило ряд реформ, реально ущемлявших позиции британской аристократии. В 1870 г. была одобрена самая передовая по тем временам в западных странах школьная реформа, благодаря которой дети рабочих смогли получать начальное образование. В 1871 г. принят закон, наделивший профсоюзы правом юридического лица и уравнивший их с правовой точки зрения с буржуазными организациями. В 1872 г. в Великобритании вводится тайное голосование. В 1874 г., укрепляя смычку с профсоюзами, Либеральная партия поддержала их выдвиженцев на парламентских выборах, в результате чего некоторые из них попали в палату общин, примкнув к сторонникам Гладстона. Наконец, говоря о гладстоновских реформах в интересах низших классов, нельзя не назвать и избирательного закона, одобренного в период вторичного пребывания его на посту премьер-министра (1880 — 1884 гг.). В 1884 г. была принята третья парламентская реформа, расширявшая британский электорат на 2,5 млн. человек преимущественно за счет представителей рабочего класса.

Среди реформ, ущемлявших интересы аристократии, выделялся билль 1870 г., который обязывал лендлордов в случае досрочного расторжения договора с арендаторами выплачивать последний компенсацию, определяемую в судебном порядке. Гладстон также покончил с монополией аристократии на офицерские и дипломатические должности. В целом реформы Гладстона положили начало практическому соединению либерализма с демократией.

Наряду с Гладстоном защитником реформ выступил и второй влиятельный лидер Либеральной партии, Джозеф Чемберлен. Настаивая на принципиальном отличии социального консерватизма, с одной стороны, и социального либерализма, с другой, Чемберлен доказывал, что если тори стремятся создать систему аристократического "патронажа" по отношению к народу, то либералы хотят помочь "всему народу научиться управлять самим собой"²⁹. Провозглашенная им линия на демократическую "спайку" с народом включила ряд приемов, характерных для американских политических партий. В своем родном Бирмингеме Чемберлен провел эксперимент американского толка: город был разделен на 16 кварталов, и в каждом из них открытое собрание местных жителей избрало низовой комитет Либеральной партии. Демократическим способом создавался и городской комитет. Чемберлен умело контролировал весь этот избирательный процесс, но все же введенная им процедура способствовала созданию либералам имиджа народной партии.

Как и Гладстон, Чемберлен полагал, что социальная политика является главной для Либеральной партии и что либералы могут успешно конкурировать с консерваторами, только опираясь на массовую национальную поддержку. Социальные реформы являлись одним из способов создания такой поддержки. Другой главный способ Чемберлен видел в цементировании Британской империи, благополучие которой, по его убеждению, только и создавало надежную материальную основу для успешной социальной политики. Вот в этом вопросе он разошелся с Гладстоном, следствием чего явился драматический раскол Либеральной партии.

В 1880 — 1890-ые годы одним из центральных в британской политике стал ирландский вопрос. И если Гладстон, следовавший либерально-реформистскому курсу как во внутренней, так и в имперской политике, считал необходимым предоставление Ирландии самоуправления, то Чемберлен твердо защищал унитарный характер государственного устройства Великобритании. В 1886-ом году сторонники Чемберлена решились на раскол с гладстоновским большинством и образование собственной юнионистской партии. Раскол либералов облегчил возвращение к власти консерваторов, находившихся во главе страны бессменно на протяжении последующих двадцати лет.

Раскол и политическое поражение Либеральной партии не означали крушения или даже ослабления социального либерализма. Большинство британских либералов продолжали связывать с ним возможность успешной идейно-политической конкуренции с противниками как справа, так и слева. Конец XIX века ознаменовался не только возвращением к власти консерваторов, но также резким нарастанием влияния левых организаций. В Великобритании возник целый сонм течений и объединений, стоявших левее Либеральной партии: Социал-демократическая федерация, Социалистическая лига, Фабиянское общество, Независимая рабочая партия, наконец, Лейбористская партия. На вызов социализма и радикализма либералы ответили углублением и расширением своей социальной программы. В конце XIX века начался новый цикл развития социального либерализма, продолжавшийся до I мировой войны и принесший британскому либерализму наибольшие политические успехи.

¹ Hill C. The Century of Revolution. 1603-1714. Berkshire, 1988. P. 109-111.

² Arblaster A. The Rise and Decline of Western Liberalism. Oxford, 1984. P. 157.

³ Gooch G.P. English Democratic Ideas in the Seventeenth Century. Cambridge, 1967. P. 249, 253.

⁴ Locke J. Second Treatise of Civil Government. An Essay Concerning the True Original Extent and End of the Civil Government. Michigan, 1971, p. 26-29.

⁵ Ibid. P. 32-34.

⁶ Ibid. P. 49-79.

⁷ Dickinson H.T. Liberty and Property: Political Ideology in Eighteenth-Century Britain. N.Y., 1977. P. 57.

⁸ Arblaster A. Op.cit. P. 170.

⁹ Kelley R.L. The Transatlantic Persuasion. The Liberal-Democratic Mind in the Age of Gladstone. N.Y., 1969. P. 67.

¹⁰ Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. NY, 1937. P. 249-250.

¹¹ Ibid. P. I vii.

¹² Burke E. Reflections on the Revolution in France. L., 1790.

¹³ Пейн Т. Избр.соч. М., 1959. С. 179, 180.

¹⁴ Dickinson H.T. Op.cit. P. 246-248, 250.

¹⁵ Пейн Т. Указ.соч. С. 384.

¹⁶ Dickinson H.T. Op.cit. P. 267.

¹⁷ Saint-Claire O. A Key to Ricardo. L., 1957. P. 110-125.

¹⁸ Ruggiero G. The History of European Liberalism. Boston, 1959, p. 127, 129.

¹⁹ Codden R. Speeches on Free Trade. L., 1903. P. 50-51, 58-59, 61, 117-119, 213-221.

²⁰ Hart J. Nineteenth-Century Social Reform: A Tory Interpretation of History//Past and Present. 1965. No. 31, p. 47-48; Conway S. Bentham and the Nineteenth Century Revolution in Government//Victorian Liberalism: Nineteenth Century Political Thought and Practice/Ed. by R.Bellamy. L., 1990. P. 74-75.

²¹ Harrison W. An introduction//Bentham J. A Fragment on Government and an Introduction to the Principles of Morals and Legislation. Oxford, 1948. P. XII-XIII.

²² Mill JS. Three Essays on Liberty, Representative Government, the Subjection of Women. L., NY, 1975. P. 163.

²³ Ibid. P. 198, 227, 237-239, 245-247, 272-275, 336-339.

²⁴ Ibid. P. 45-46; The Liberal Tradition from Fox to Keynes/Eds A.Bullock, M.Shock. L., 1956. P. 60-61.

²⁵ The Liberal Tradition from Fox to Keynes. P. 127-128.

²⁶ Ibid. P. 125-126.

²⁷ Bellamy R. T.H.Green and the Morality of Victorian Liberalism//Victorian Liberalism. P. 142-147.

²⁸ The Liberal Tradition from Fox to Keynes. P. 143.

²⁹ Ruggiero G. Op.cit. P. 151.

ГЛАВА 2 ДВА ЛИКА АМЕРИКАНСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Понятие либерализм стало широко использоваться в США только с конца XIX века. Но сам либерализм как идеологическое и социально-политическое явление начал зарождаться за два столетия до этого, а вполне оформленный вид приобрел в период обретения Соединенными Штатами независимости. Война за независимость 1775-1783 гг., или как ее еще именуют, Американская революция XVIII века, принесла с собой первую общенациональную дискуссию об общественных основах США и путях их развития. В ходе и под воздействием ее произошло оформление основополагающих идейно-политических традиций США.

По поводу характера этих традиций среди исследователей ведутся нескончаемые споры. Среди них выделяются две классические интерпретации. Первая принадлежит прогрессистской школе, главный представитель которой в изучении американской общественной мысли В.Л.Паррингтон делал вывод об оформлении в конце XVIII века двух антагонистических традиций — демократической и консервативной, которые так же определялись им как антилокковская и локковская. Суть их конфликта характеризовалась им лапидарно: "Мы пожалуй, не совершим большой ошибки, если будем рассматривать политическую историю Америки после 1790 года в основном как борьбу между идеалами "Декларации независимости", в которой провозглашались, главным образом, права человека, и положениями американской конституции, призванной служить узкопрактическим идеям защиты прав собственности"¹.

Вторая классическая интерпретация принадлежит школе консенсуса, один из лидеров которой Л.Харц доказывал, что в США с самого начала возникла и развивалась только одна традиция — либеральная, а разногласия внутри нее имели несущественный характер². Америка согласно Харцу, была верна Локку с самого рождения и сохраняла эту верность на протяжении всей своей истории. Именно безраздельное господство либерализма составляло, как доказывали представители школы консенсуса, основу американской цивилизации: ее отличие и одновременно превосходство над всеми другими цивилизациями, в том числе западноевропейскими.

Кто прав в споре разных исторических школ? Представляется, что каждой из них присущи как сильные, так и слабые черты. Согласно концепции, развиваемой в данной главе, либерализм составил ядро американского национального кредо в момент образования США. Вместе с тем различные политические силы дали разные интерпретации принципам либерализма, отразившие реальное различие социальных интересов в Соединенных Штатах. Эти различия, но не антагонистические интерпретации составили основу формирования разных идейно-политических традиций США. Главными при этом были две интерпретации: эгалитарно-демократическая и умеренно-элитарная. Со временем, а в XX веке и полностью американский либерализм стал отождествляться только с эгалитарно-демократической интерпретацией. Умеренно-элитарная интерпретация стала идентифицироваться с консерватизмом. Сове-

менные американские консерваторы объявляют родоначальниками своей традиции именно умеренных отцов-основателей США: А.Гамильтона, Д.Адамса, Д.Мэдисона, Д.Вашингтона и других. Необходимо, однако, отметить, что сами эти отцы-основатели себя консерваторами не называли, а термин консерватизм был взят на вооружение их духовными последователями только в XX веке. Поэтому если строго стоять на почве историзма, то необходимо будет признать, что в XVIII-XIX вв. две версии либерализма и выступали в качестве двух главных идейно-политических традиций США. Но то, что они представляли собой интерпретации принципов либерализма, не дает основания преуменьшать, а тем более отрицать различия между ними, говорить о господстве в США либерального единомыслия, что склонна была делать школа консенсуса. Различие между двумя интерпретациями со временем не ослабевало, а усиливалось, и то что в XX веке они выступили уже под четко отличными названиями — либерализм и консерватизм при ретроспективном рассмотрении истории США выглядит как закономерность.

Усвоение Америкой принципов либерализма в качестве национального кредо было подготовлено ее социально-экономическим и политическим развитием еще в колониальный период. В XVII-XVIII вв. среди переселенческих потоков, устремлявшихся в североамериканские колонии Великобритании, главным был буржуазный. Его представители не обязательно были буржуа по социальному положению, но они переселялись в Америку с целью стать собственниками и в большинстве своем таковыми становились. Независимые собственники — фермеры, лавочники, мастера — возобладали в колониальный период в северо-восточных и так называемых "средних" колониях. В южных колониях на ведущих экономических позициях утвердились плантаторы, которые хотя и прибегли к эксплуатации рабского труда, но обладали предпринимательским менталитетом. Так что социально-экономические особенности колонизации Северной Америки, как и их духовно-политическая связь с Великобританией, предопределили развитие в колониях буржуазного сознания, как господствующего, и создание необходимой благоприятной социально-психологической среды для усвоения принципов либерализма. Уже в колониальный период американцы восприняли основные принципы либерализма — свободное накопление и распоряжение собственностью, договорное образование власти, свободное выражение своего мнения — не только как абстрактное теоретическое кредо, но как естественные нормы существования.

Так случилось, что с 1760-х годов эти нормы стали активно копироваться в Северной Америке Великобританией. Дальнейшее свободное буржуазное развитие Америки поэтому объективно требовало освобождения от колониальной зависимости. И именно всесторонняя критика колониальной зависимости в 1760-е — 1770-е годы стала первым этапом глубокого теоретического освоения Америкой либеральной идеологии. Книжки Д.Локка, Ш.Монтескье, английских виггов и французских просветителей стали настольными для многих американцев. Из их среды выделились и собственные яркие идеологи — Д.Адамс, Д.Отис, Д.Дикинсон, Т.Джефферсон, А.Гамильтон, Б.Франклин, Д.Мейсон, Б.Раш, продемонстрировавшие утонченную

аргументацию при обосновании либеральных доктрин. Принципиальных разногласий в истолковании либеральных норм тогда еще не наблюдалось. Главным для духовных лидеров американцев было положение о том, что ни один закон не может приниматься без согласия граждан. На практике это означало, что законы в отношении американцев могут издаваться только их представительными органами, но никак не британским парламентом. Особенно важное значение придавали знаменитому принципу "никакого налогообложения без представительства", который лишил Великобританию права вводить какие-либо налоги в Северной Америке. Важное внимание уделялось теоретической защите свободного распоряжения собственностью. Приоритетными были также принципы верховенства законов над волей государственных деятелей, неприкосновенности жилища, неотчуждаемости прав личности на свободу слова, мысли, вероисповедания. Солидное теоретическое обоснование было дано принципу договорного происхождения любой публичной власти. Наконец, широкое признание получила радикальная локковская идея о праве народа на устранение деспотического правительства и смену формы государственного правления³.

Идейное единство политических лидеров североамериканских колоний нарушилось, когда возник вопрос о социально-экономическом и политическом устройстве независимых Соединенных Штатов. Этот вопрос выдвинулся во главу угла идейных дискуссий после провозглашения независимости США в 1776 году и оставался главным на протяжении четверти века. В ходе острых идейно-политических дебатов оформились две интерпретации либерализма, в целом уже прочно утвердившегося в качестве национального идейно-политического кредо. С эгалитарно-демократическими трактовками выступили Т.Джефферсон, Б.Франклин, Т.Пейн, Б.Раш, Д.Мейсон. С умеренно элитарных позиций интерпретировали либеральные доктрины А.Гамильтон, Д.Мэдисон, Д.Адамс. Обе эти интерпретации основывались на общетеоретических постулатах Просвещения, но вместе с тем американские идеологи все более уверенно обретали собственный голос, их интерпретации становились все более оригинальными. Абстрактные принципы либерализма все более тесно увязывались с защитой тех или иных социальных интересов в самих Соединенных Штатах. Доктрина естественных и неотъемлемых прав человека, составлявшая теоретическое ядро либерализма, стала основополагающей как для демократов, так и для умеренных, но если первые приспосабливали ее к интересам средних, как и низших слоев общества, то вторые брали под особую защиту интересы верхнего класса.

Главные разногласия возникали в осмыслении права на частную собственность. Необходимо отметить, что теоретической основой этих разногласий в значительной мере являлась амбивалентность естественно-правовой концепции собственности, заключавшейся в ее классических западноевропейских трактовках. Провозглашение собственности естественным правом каждого индивидуума давало основание ряду идеологов Просвещения доказывать, что люди, лишившиеся собственности в гражданском обществе, получали право на определенную компенсацию со стороны государства. Дру-

гие же идеологи утверждали, что индивидуумы, лишившиеся собственности, утратили ее также в силу "естественных причин" (из-за "лени", меньших предпринимательских способностей и т.д.), а посему никакой компенсации им не полагается. Американские демократы и умеренные во многом воспроизводили эту аргументацию: первые доказывали, что государство должно так или иначе позаботиться о восстановлении справедливости в вопросе о собственности, а вторые возможность вмешательства государства в отношения собственности категорически отрицали.

В трактовке естественных и неотчуждаемых прав индивидуума американские демократы были солидарны в том, что главными среди естественных неотчуждаемых прав человека были, как формулировал Пейн, "все интеллектуальные и духовные права, а равно и право человека добиваться своего счастья и благосостояния, если это не ущемляет естественных прав других"⁴. Особое, главное значение при этом имели свобода совести, вероисповедания, слова, а также вытекавшие из них свобода печати, собраний и т.п. Общество, доказывали американские просветители-демократы, не вправе ограничивать и отменять эти свободы, оно может только вводить и защищать их. Эта демократическая трактовка в период Американской революции завоевала широкое признание и получила законодательное воплощение в Билле о правах, который был одобрен легислатурами всех штатов, а в 1789 г. и Национальным конгрессом США.

Вместе с тем демократы не испытывали столь же трепетного отношения к свободному распоряжению частной собственностью и накоплению богатства. Они утверждали, что собственность была продуктом исторического развития, правовым установлением самого общества, которое, следовательно, могло ограничивать крайности неравенства. Б.Франклин в 1783 г. в письме к Р.Моррису, тогда главе финансов североамериканской республики, доказывал: "Вся собственность, за исключением временной хижинки дикаря, его лука, шкуры и других мелких приобретений, абсолютно необходимых для его существования, представляется мне продуктом общественного соглашения. Следовательно, общество имеет право на контроль за отступниками и всеми другими, заключившими соглашение о собственности, и даже право на ограничение его количества и способов использования"⁵. Так же рассуждали Джефферсон⁶ и Пейн⁷, как и все либерально-демократическое крыло Американской революции. Джефферсон, автор Декларации независимости 4 июля 1776 г., не считал возможным включить собственность в перечисленные там естественные и неотчуждаемые права человека. Декларация оказалась единственным среди подобного рода документов XVIII века, в котором триада естественных и неотчуждаемых прав состояла не из "собственности, жизни и свободы", а из "жизни, свободы, стремления к счастью".

Джефферсон, Франклин, Пейн, как и другие американские демократы, никогда не выступали против самой частной собственности. Протестуя против крайностей неравенства, они преследовали цель наделить правом собственности всех своих сограждан вплоть до самого последнего бедняка и некоторого ограничения состояний сверхбогатых. Такой подход согласовывался с другим их принципом

альным идеалом — развития Америки как общества, подавляющее большинство которого составлял бы средний класс. Франклин, выражая общепринятую среди демократов точку зрения, мечтал, чтобы независимая Америка превратилась в государство "золотой середины", "страну труда", где "большинство людей обрабатывает собственные земельные участки", где встретишь "единицы крупных собственников и очень мало арендаторов", где, конечно же, нет таких бедняков и таких богатеев, как в Европе⁸.

Демократы были убеждены, что развитию Америки как общества "золотой середины" благоприятствовал сам "закон природы", в данном случае естественно-географические условия США. Наличие в стране огромного количества свободных земель создавало, по их мнению, по меньшей мере в течение ста лет, возможность обращения в независимых земельных собственников-фермеров всех неимущих американцев. Создание этого среднего класса требовало соответствующего аграрного законодательства. В связи с этим демократы предложили много конкретных проектов, которые, по их мнению, могли сделать в Америке явью мечту европейских просветителей о "царстве разума".

Наиболее приближенными к американским условиям оказались проекты Джефферсона. Уже в первый год революции он предложил огосударствление всех свободных западных территорий (по площади они в десятки раз превосходили атлантическое побережье) и распределение их в последующем бесплатно участками по 20 гектаров между гражданами, не имевшими такого надела. Одновременно Джефферсон вынашивал законопроект, ограничивавшие богатства плантаторов и земельных спекулянтов. Этой цели должны были служить запрещение работорговли, отмена феодальных принципов майората и единонаследия, способствовавших концентрации земельной собственности в руках узкой горстки плантаторов, и запрещение рыночной распродажи западных земель.

Аграрный путь развития США, одобренный Джефферсоном и другими американскими демократами, поднимался ими на щит не в последнюю очередь потому, что способствовал поддержанию ведущей роли в обществе среднего класса землевладельцев, которые наделались всевозможными добродетелями. Развитие же США по торгово-промышленному пути, утверждали они, напротив создает неустранимую основу разделения общества на богатых и бедных, имущее меньшинство и неимущее большинство. В этом случае невозможно будет сохранение в стране республиканских устоев и политического равенства.

Вера Джефферсона и его единомышленников в аграрно-демократический путь развития США два века спустя может показаться безнадежной утопией. Такие суждения, однако, необходимо признать антиисторичными. Дело в том, что в течение еще нескольких десятилетий после революции аграрный путь развития в США успешно соперничал с торгово-промышленным. При этом в самом аграрном пути были заключены две возможности: первую можно определить как плантаторский путь развития капитализма в сельском хозяйстве, а вторую как фермерский путь. Последний воплощал либерально-демократическую модель экономического развития. Теоре-

тическое обоснование ему дали впервые Джефферсон и его единомышленники, вполне реалистично осветившие на многие и многие десятилетия вперед линию демократического развития капитализма в сельском хозяйстве США.

Именно в их концепции обнаруживается ядро знаменитой американской мечты, которая заключалась в вере в способность каждого индивидуума, в том числе бедняка, стать экономически независимым. Вера эта, вот уже два столетия характеризующая социальную психологию американцев, меняла идеологические формы, но первое ее идеологическое обоснование в полной мере сложилось в революционный период.

Американские демократы активно боролись за претворение своего аграрного идеала в жизнь. Джефферсон, после того как его проект о бесплатном наделении каждого бедняка участком в 20 гектаров был отвергнут буржуазно-плантаторской элитой, стал выдвигать требования снижения цены на распродаваемые западные земли. Наибольшего успеха он добился в период пребывания на президентском посту (1801-1809 гг.). Борьба Джефферсона за демократический путь аграрного развития США была продолжена его последователями, а самый выдающийся среди них, Авраам Линкольн, сумел в 1862 г. осуществить джефферсоновскую мечту: конгрессом США был одобрен закон о бесплатном предоставлении простым американцам земельных участков на Западе. И именно этот закон стал основой стремительного выхода сельского хозяйства США на ведущую позицию в мире.

Одной из центральных проблем для молодого американского либерализма оказалась политическая демократия. Благодаря усилиям Джефферсона и его сторонников соединение либерализма с политической демократией произошло в США гораздо раньше, чем в Европе. В период революции они твердо настаивали на том, что право на участие в образовании государственной власти, заключение "общественного договора" не может увязываться с имущественным положением, а должно предоставляться всем гражданам. Кроме того, Джефферсон и его последователи доказывали, что политическое право народа не может быть ограничено одним избранием руководителей государства, но должно быть гораздо более многообразным. В связи с этим была развита концепция прямой демократии, которая наделяла народ правами одобрения конституции, законодательной инициативы, референдума и рядом других⁹.

По убеждению Джефферсона в США должно было произойти соединение прямой и представительной демократии. Согласно его проектам 1810-1820-х годов государственное управление в Соединенных Штатах разделялось на четыре уровня: "общая федеральная республика для всех вопросов, относящихся к внешней и федеральной политике; 2) республика штата, ведающая всеми внутривнутриполитическими проблемами; 3) окружные республики, занятые делами и интересами округа, и 4) районные республики для мелких, но в то же время важных местных вопросов"⁹.

Особое внимание Джефферсон уделял "районным республикам", управление которыми должно было осуществляться сходами всех граждан, проживающих на их территории. Создание "районных рес-

публик", доказывал Джефферсон, превратит "каждого гражданина в активного члена правительства, сотрудничающего в тех ведомствах, которые ему ближе всего и больше всего его интересуют, и привяжет его самыми сильными чувствами к независимости своей страны и ее республиканской конституции"¹⁰.

К средствам непосредственной демократии ее сторонники какое-то время относили и право народа на насильственное низвержение неугодного ему правительства. Но в конце XVIII века они пришли к заключению, что это право исчерпало себя в США и что в республиканском обществе, где узаконено мирное волеизъявление граждан, только оно и может быть средством политических и социальных преобразований, в том числе и смены правительства.

Отвечая на критику противников политической демократии, доказывавших, что народ склонен превращаться в толпу и способен на самые непредсказуемые действия, джефферсоновцы видели единственное противоядие от "слепых страстей" масс в их самом широком просвещении. Не случайно реформа образования, в частности бесплатное начальное обучение всех американцев, была поставлена ими по важности рядом с политической реформой. Б.Раш в 1786 г. заявил о необходимости второй американской революции, означавшей самое широкое распространение знаний среди народа. Только просвещенный народ, доказывал он, выражая общепринятую среди демократов точку зрения, мог использовать политические права в интересах всеобщего блага и справедливости; забитый и невежественный народ неизбежно превращается в толпу, покорную воле искусных политических демагогов и религиозных мракобесов.

Идеологическая традиция, выпестованная Джефферсоном, Франклином, Пейном и их единомышленниками, в целом представляла собой соединение либерализма, центральным постулатом которого является приоритет прав личности, социального эгалитаризма, отвергавшего имущественные контрасты и отстаивавшего право каждого на обладание собственностью, и демократии, провозглашавшей равенство всех граждан в образовании и отправлении политической власти. Эта модель эгалитарно демократического либерализма, ставшая с течением времени ведущей в американском либерализме, существенно повлияла на весь облик американской цивилизации. Она смогла сплотить вокруг себя широкие массы американцев и резко снизила шансы на успех леворадикальных, в том числе и социалистических доктрин.

Выразители другой, умеренно элитарной концепции либерализма присягали тем же общетеоретическим принципам, что и сторонники либерально-демократической концепции. По крайней мере, концепции естественных и неотъемлемых прав индивидуума, верховенства законов, общественного договора, разделения властей, республиканства были для Гамильтона, Д.Адамса и Мэдисона столь же священны. Но в их интерпретации эти концепции приобрели иное, а порой и радикально отличное звучание.

Среди естественных и неотчуждаемых прав человека безусловный приоритет ими был отдан праву на собственность. Наиболее четко эта позиция была выражена американской элитой во время обсуждения и ратификации в 1787-1788 гг. федеральной конститу-

ции, призванной стать высшим законом страны. "Говорят, что жизнь и свобода, — подытоживал мысли участников конституционного конвента в Филадельфии Г.Моррис, — должны цениться выше, чем собственность. При более внимательном рассмотрении вопроса необходимо будет, однако, признать, что высшей ценностью общества является именно собственность". "Собственность, безусловно, высшая ценность общества", — так еще более лапидарно высказался другой делегат конвента, Д.Ратледж¹¹.

Следующий важнейший идеологический постулат американской элиты заключался в положении о неизбежности неравного распределения собственности в обществе, являвшегося следствием "естественного" неравенства способностей людей и неизбежной в свободном обществе экономической конкуренции. "Совершенно очевидна та истина, — говорил Гамильтон, — что не может существовать ничего похожего на равенство во владении собственностью, неравенство же во владении ею есть следствие существования самой свободы... Различие во владении собственностью уже существует между нами. Дальнейшее развитие промышленности и торговли будет все более увеличивать эту пропасть"¹².

Американская элита единодушно приняла идею о неизбежности разделения каждого общества на классы, неустраимости классовых различий и высмеяла, как утопию, представления джефферсоновцев о возможности развития Америки как общества "золотой середины" и преобладании в нем среднего класса. По заключению идеологов элиты двумя главными классами американского общества в условиях экономической свободы должны стать имущее меньшинство и неимущее и малоимущее большинство. В связи с этим со всей остротой был поставлен вопрос о политической защите интересов имущего меньшинства, которое в условиях политической свободы сталкивалось с постоянной угрозой уравнилельских поползновений неимущего большинства.

Идеологи элиты решительно высказывались против любых форм прямой демократии, одобрили только представительное правление, моделированию которого и посвятили себя авторы федеральной конституции весной-осенью 1787 года. Не скрывая намерения создать сильное государство, способное поддерживать прочный социальный порядок и надежно защищать интересы верхнего класса, они вместе с тем, будучи политическими реалистами, хотели придать своей политической философии и замыслам легитимный характер на основе заключения общественного договора с нацией. Компромисс классового и общенационального подходов в существенной степени воплотился в конституции.

Конституция США признала и закрепила такие популярные среди американских граждан принципы, как народный суверенитет, общественный договор, разделение властей, "сдержки и противовесы", республиканизм. Все это создавало почву для консенсуса между нацией и отцами-основателями, а еще более он упрочился в 1789 году, когда под давлением "снизу" конституция США была дополнена Биллем о правах. Вместе с тем умеренные отцы-основатели изыскивали ограниченные средства защиты в рамках общественного договора низов и верхов интересов последних. Отвергнув любые формы прямой

демократии, они смогли выработать такую модель представительного правления, которая позволяла осуществлять государственное управление с помощью политической элиты. Сенат, которому в отличие от нижней, "народной", палаты, предназначалось специально защищать интересы собственности, был наделен большими полномочиями. Вся полнота исполнительной власти была вручена президенту, который предстал в глазах критиков как "выборный монарх". В целом американское государство, созданное в соответствии с теоретическими принципами Просвещения, обрело, благодаря их препариованию умеренными отцами-основателями, способность обеспечивать экономическую и социальную стабильность.

Либерализм умеренных отцов-основателей США в целом был близок к той модели, которая в Европе выступила в качестве классической, образцово буржуазной. Приоритет среди всех прав человека права на собственность, свободное распоряжение ею, возвышение экономического либерализма, увязывание политических прав с владением собственностью — вот черты, которые объединяли их. Вместе с тем у либерализма умеренных отцов-основателей США были и определенные отличия от классического английского образца.

Взять, например, отношение американских отцов-основателей к экономическому либерализму, который стал святой святых в глазах английских либералов во главе с А.Смитом. Его американские поклонники, с одной стороны, были сторонниками абсолютно свободной, ничем не ограниченной экономической конкуренции внутри страны. Но, с другой стороны, они же потребовали от государства взять под свое покровительство интересы национальной промышленности, финансов и капиталов в их соперничестве с иностранцами, в первую очередь английскими капиталистами. Они отвергли принцип фритредерства, который в глазах А.Смита и его последователей был неотъемлемой частью экономического либерализма. И это было вполне объяснимо: если английская буржуазия, являвшаяся тогда самой мощной в мире, получала благодаря фритредерству возможность господствовать на мировом рынке, то американская буржуазия в случае принятия того же фритредерства неминуемо попадала в зависимость от английского капитала.

Экономическая программа американского капитализма была наиболее полно разработана А.Гамильтоном в бытность его министром финансов США в конце 1780-х — начале 1790-х годов. Эта программа среди прочих мер предполагала введение защитительных или даже, если необходимо, запретительных пошлин на товары — дубликаты отечественной продукции, запрещение вывоза сырья из страны и поощрение в случае его нехватки ввоза из-за границы, государственное строительство новых дорог, каналов, поощрение развития крупных промышленных предприятий, создание Национального банка и контроль за финансами страны. Гамильтон даже выдвинул требование предоставления правительству "универсальной направляющей власти" в торгово-промышленном развитии, что преследовало цель помочь американскому капитализму успешно конкурировать с английским и бороться за ведущую позицию в мире. Его концепция получила название "гамильтоновского пути развития

США", став на многие десятилетия путеводной для финансово-промышленных кругов.

В конце XVIII — нач. XIX в. элитарная модель либерализма получила развитие в идеологии Федералистской партии США. Одно из идеологических нововведений федералистов заключалось в попытке развести республиканизм, который был объявлен основой основ американской системы, и демократию. Самый утонченный их аргумент в критике демократии состоял в утверждении, что именно эта форма заключала в себе истоки всякой деспотии, в том числе и монархии. Представляя себя в качестве истинных ревнителей республиканизма, федералисты объявляли его злейшим врагом политическую демократию. Федералисты при этом ссылались на примеры античных республик, свидетельствовавшие, как те или иные демократии использовали завоеванную в народе популярность для сокрушения республиканских свобод. Но чаще всего они апеллировали к опыту великой Французской революции, метаморфозы которой, по их убеждению, доказывали: диктатура вырастает из демократии, является ее оборотной стороной.

В начале XIX века эгалитарно-демократическая и умеренно элитарная модели приобрели законченный вид. Различия между ними в глазах ряда исследователей оказались столь существенными, что они готовы были объявить их классово разнородными идеологиями. Такого вывода придерживался, например, В.Л.Паррингтон, увидевший во взглядах Джефферсона и его последователей "окончательный разрыв с учением вигов о правах собственности, заведенного Локком английской буржуазии"¹³. Это, конечно, явное преувеличение. Взгляды Джефферсона и его единомышленников представляли собой демократическую модель либерализма, которой-то с течением времени и суждено было стать в Америке образцовой, в то время как умеренная модель стала отождествляться с американским консерватизмом.

На следующем историческом этапе — 1820-1860-е годы — главное содержание американской истории составило бурное развитие капитализма "вширь" и "вглубь" и противоборство между ним и плантационным рабством. Либерализм сохранил два своих лица и на этом этапе.

Умеренно-элитарная модель либерализма была представлена в идеологии Вигской партии, сменившей федералистов в качестве выразительницы интересов финансово-промышленных кругов. Признанным лидером Вигской партии был Генри Клей, продолжатель дела Александра Гамильтона. Клей вошел в историю как автор так называемой "американской системы", которая в теоретическом плане по преимуществу воспроизводила идеи А.Гамильтона и Д.Адамса. Покровительство интересам национальной промышленности и торговли, жесткий протекционизм во внешнеэкономических связях, строительство дорог и каналов, поддержание финансовой монополии Национального банка, приоритет власти федерального правительства в отношении властей штатов, охранительная интерпретация принципа "власть законов", защита представительного правления против охлократии, — вот ее основные черты. Система Клея все же удовлетворяла новые предпринимательские слои, рождавшие

ся в ходе бурного промышленного переворота и колонизации Запада, обнаруживая консервативный характер.

Интересы нового среднего класса, молодой предпринимательской буржуазии, фермерства, как и пополнявшего их ряды рабочего класса находили выражение в эгалитарно-демократической модели либерализма. Ее дальнейшее прогрессивное развитие воплотилось в идеологии и политике Э.Джексона и Демократической партии в конце 1820 — 1830-х годов, а также А.Линкольна и Республиканской партии в 1850 — 1860-е годы.

Э.Джексон и Демократическая партия 1820 — 1830-х годов представляли разнородные социальные слои. Как и в джефферсоновской партии конца XVIII — начале XIX вв., в ней преобладали сельские жители, включая фермеров и плантаторов. Но, как и во времена Джефферсона, противоречия между ними оставались еще под спудом, а объединяла их совместная оппозиция финансово-промышленной элите страны. Но между партиями Джексона и Джефферсона были и весьма серьезные отличия: партия Джексона пользовалась более широкой поддержкой, прежде всего благодаря тем слоям из среднего и низшего классов, которые появились в ходе промышленного переворота и колонизации Запада. Если партия Джефферсона являлась аграрной, то партия Джексона была аграрно-индустриальной. Но, как и ее предшественница, партия Джексона использовала либерально-эгалитарную веру: плодами бурного промышленного развития и колонизации Запада должны были, согласно ее кредо, воспользоваться самые широкие слои населения, а задача правительства заключалась в обеспечении равных экономических шансов всем американцам.

Идеологи джексоновского движения, описывая окружавшую их действительность, пользовались понятиями "классы", "аристократия", "капитал" и "производители", свидетельствовавшими, что Америка воспринималась ими как неоднородное и конфликтное общество. Главными, как доказывал Уильям Леджет, были две силы: первая включала фермеров, рабочих, механиков, других производителей из низшего и среднего классов, вторая — узурпаторов богатства, превращавшихся в финансово-промышленную аристократию¹⁴. Джексонцы заявляли подчас, что осуждают капиталистов, но чаще всего обрушивали гнев на финансовых тузов, взращенных правительственными привилегиями. Против этих привилегий и должен был в первую очередь направляться гнев масс: отсюда и название, которое все чаще стали брать себе джексонцы — "антимонполисты". Главной монополией, которую нужно было разрушить, в их глазах был Национальный банк США.

Сторонники Джексона подхватили джефферсоновскую концепцию прав человека: право на свободу, жизнь, стремление к счастью ставилось ими выше права на частную собственность¹⁵. Право на собственность при этом не отрицалось и ими, ибо, как утверждал Уильям Гудж, не имея средств к существованию, невозможно реализовать и право на жизнь. Но чрезмерное накопление богатства рассматривалось как безусловное зло, ибо развращало человеческую душу, делало личность рабом денежного мешка. Самое главное заклю-

чалось в том, чтобы обеспечить каждому человеку обладание той собственностью, которая создавалась его собственным трудом.

Джексонское движение не исчерпывалось мелкими и средними собственниками, в нем все более активную роль играли рабочие и их организации. Первые партии рабочих появились в конце 1820-х годов: за пять лет в разных штатах возникло более 60 партий. Они протестовали против тяжелых условий на производстве, добивались ограничения женского и детского труда, введения 10-часового рабочего дня. Рабочие стали прибегать к стачкам, организовывать профсоюзы. Но по своим целям это движение все же тяготело к мелким собственникам: большинство рабочих мечтали, накопив необходимую сумму денег, обзавестись фермой или открыть собственное дело. Идеалы равенства предпринимательских возможностей, равных шансов в накоплении богатства, антимонopolизм были им не менее близки, чем сокращение рабочего дня и повышение заработной платы. Поэтому рабочие легко объединялись с мелкими и средними собственниками в джексонском движении.

В годы президентства Джексона ряд требований его партии получили практическое воплощение. Был ликвидирован Национальный банк, облегчена возможность доступа к западным землям для масс американцев, укреплен политическая демократия. При всей противоречивости эта политика расширила предпринимательские возможности массы американцев и демократические начала капитализма.

Эгалитарно-демократические черты либерализма получили дальнейшее развитие в идеологии и политике А.Линкольна и Республиканской партии в 50-60-е годы XIX века. А.Линкольн, как идеолог и политический деятель, неизменно рассматривал себя как правомерного последователя Джефферсона. Линкольн указал соотечественникам, что Декларация независимости, подготовленная Джефферсоном, не содержит в перечне естественных прав человека владения собственностью. По его убеждению, это отнюдь не случайностью, а свидетельствовало о том, что Джефферсон считал право собственности второстепенным по отношению к правам на жизнь, свободу, стремление к счастью¹⁶.

Либерализм Линкольна и Республиканской партии эпохи борьбы с рабством отразил переходное состояние американского общества, в котором сохранялись подвижные границы между буржуазией, сельским и городским пролетариатом, а среди буржуазии преобладали численно мелкие независимые предприниматели и фермеры, в значительной части вчерашние рабочие. Сам Линкольн неизменно подчеркивал, что выражает интересы именно этих независимых предпринимателей и фермеров, которых никто не нанимает, но которые и сами никого не нанимают, а работают на самих себя. Такой предприниматель и фермер, утверждал он, являются центральными фигурами американского общества, свидетельствуя, что в Америке труд стоит выше капитала и выступает в качестве главной ценности общества. Статус наемных рабочих характеризовался Линкольном как переходный, со ссылкой на свой жизненный опыт он доказывал: усердные и предприимчивые рабочие в Соединенных Штатах имеют

сто процентный шанс завести собственное дело и просто обязаны стремиться к этой цели¹⁷.

Обращение масс американцев в независимых фермеров и предпринимателей, по убеждению Линкольна и Республиканской партии, было невозможно без свободного доступа к западным землям. Этой цели нельзя было достичь, не запретив распространение на свободные территории рабства. Логичен был и их заключительный вывод: рабство и свободный труд несовместимы.

Республиканская партия эпохи борьбы с рабством не была просто антирабовладельческой партией. Она являлась выразительницей либерально-демократического кредо и своеобразного американского эгалитаризма, который сплачивал вокруг нее широкие народные слои. А то, что пестовавшаяся Линкольном либерально-демократическая "американская мечта" не была абстракцией, а была вполне реализуема, подтвердилось в период Гражданской войны. Самым крупным достижением линкольновского эгалитарного либерализма стал закон о гомстедах, одобренный конгрессом США 20 мая 1862 года.

Согласно этому закону все граждане США старше 21 года и даже претенденты на гражданство получали право на приобретение в полную собственность 160 акров (64 га) земли из общественного фонда после занятия и пользования соответствующим участком в течение пяти лет и уплаты регистрационного взноса в размере от 26 до 34 долларов. Те же, кто хотел обратить участок в полную собственность быстрее, но не ранее чем через 6 месяцев после заявки, должны были уплатить также весьма небольшую сумму — по 1,25 доллара за акр. Закон о гомстедах реализовался на практике со многими противоречиями и издержками. И все же именно он означал торжество фермерского, демократического пути в развитии капитализма в сельском хозяйстве США. А этот путь в свою очередь обеспечил американскому сельскому хозяйству передовую позицию в мире.

Эгалитаризм идейных и политических лидеров американского либерализма второй трети XIX века от Э.Джексона до А.Линкольна включает в себе в существенной мере ответ на вопрос, почему левые идеологии, в том числе социализм, не смогли тогда укорениться в Соединенных Штатах. Правда, в тот период в отличие от предшествующего, социалистические идеи все же стали известны в США. Но выдержать конкуренцию с либерализмом они были не в состоянии: эгалитаризм и демократизм американского либерализма, соответствовавшие как историческим условиям США, так и массовой психологии, легко нейтрализовали их.

Линкольн и его последователи существенно развили святая святых либерализма — концепцию естественных и неотъемлемых прав человека, распространив ее на всех небелых американцев. Наконец, они углубили доктрину политической демократии, когда признали за бывшими черными рабами право избирать и быть избранными в законодательные органы.

Все это не означает, что американский либерализм к исходу Гражданской войны стал неким совершенством. Он продолжал быть отмечен весьма серьезными противоречиями, которые объясняют многие парадоксы и загадки политической практики американского

либерализма. Не подлежит сомнению, что многие либералы готовы были распространить концепцию естественных и неотъемлемых прав человека, как и избирательные права, на черных американцев не в силу внутренних убеждений, а под давлением обстоятельств. И даже самые искренние среди них, включая Линкольна, в глубине души плохо верили или вообще не верили в возможность совместного мирного проживания белой и черной рас, тем более их интеграции, смешения в американском "плавильном котле".

Эта глубокая внутренняя противоречивость либерализма в отношении черных американцев, намного пережившая Гражданскую войну, в существенной мере объясняет, почему многие прогрессивные федеральные законы, одобренные в тот период, в первую очередь законы о наделении бывших рабов равными с белыми избирательными и гражданскими правами, так плохо "пошли" на практике. В последней четверти XIX века в южных штатах произошло утверждение режима расовой сегрегации, сводившего на нет значение 14, 15 и 16 поправок к федеральной конституции, одобренных на исходе Гражданской войны и провозглашавших равенство гражданских и политических прав черных американцев.

По окончании Гражданской войны Соединенные Штаты вступили в новый этап исторического развития. Отныне они существовали как чистое буржуазное общество: освободившийся от рабовладельческой аномалии, американский капитализм стал развиваться поистине семимильными шагами, но его блестящие экономические успехи сопровождались не менее поразительными социальными контрастами — не только между трудом и капиталом, но и между разными слоями буржуазии, в первую очередь крупной и мелкой.

На ведущей позиции в американской экономике быстро утвердились самые предприимчивые промышленные и финансовые цезари — рокфеллеры, морганы, вандербильды и карнеги. Плоды победы над рабством, добытой всем народом, все более пожинались крупным бизнесом: он постепенно подчинил себе обе главные политические партии, республиканскую и демократическую, а также законодательные, судебные, исполнительные органы власти. Как это часто бывает в истории, на смену демократической революции пришел консервативный термидор. Он получил и идеологическое выражение: эгалитарно-демократический либерализм, пестовавшийся Джефферсоном, Джексоном, Линкольном, увял, а бал стал править умеренно элитарный либерализм, приобретший откровенно антидемократический, консервативный характер.

Идейные защитники крупного капитала возвеличили принципы экономического либерализма, переложив их в доктрины "твердого", "грубого", "неограниченного" индивидуализма. Одной из главных радетелей "твердого индивидуализма" в последней трети XIX века выступила политэкономия, канонизировавшая принципы экономического либерализма. Ее единственной задачей объявлялось толкование "абсолютных" законов ничем неограниченной экономической свободы. Глава официальной политэкономии Д.Б.Кларк в книге "Распределение богатств" объявлял, что принцип "свободной игры" продолжал оставаться единственным возможным регулятором справедливого распределения национального дохода между обществен-

ными классами. Требования профсоюзов о законодательном регулировании условий труда и заработной платы, как и популярные среди масс требования о прогрессивном налогообложении доходов корпораций, регулировании тарифов и рыночных цен, Кларк считал абсолютно бесосновательными и вредными.

Ведущую же позицию среди индивидуалистических учений занял социал-дарвинизм, распространившийся на общество дарвиновские законы биологической эволюции. Родоначальник социал-дарвинизма, известный английский социолог Г.Спенсер, посетивший Соединенные Штаты в 1882 г., был поражен выпавшим на его долю триумфом: его чествовали как национального героя. Известный американский историк Р.Хофстедтер имел основания утверждать: "В первые три десятилетия после Гражданской войны никто не мог утвердиться в какой-либо из сфер интеллектуальной жизни, не будучи последователем Спенсера"¹⁸.

Главной темой американского социал-дарвинизма — и здесь он развил традицию А.Гамильтона и Дж.Адамса, впрочем, так же, как и Дж.Кэлхуна и Дж.Фицхью — было обоснование естественного, вытекающего из самой природы вещей, происхождения всех социальных явлений и противоречий капитализма, таких как разделение на классы, конкуренция, экономические контрасты, богатство одних и нищета других. Обосновывались эти явления уже при помощи модных биологических законов. Признанный глава американских социал-дарвинистов, У.Г.Самнер, утверждал, что природа предоставила человечеству только один вариант общественных взаимоотношений — войну всех против всех. Вслед за классовой борьбой воплощением естественного закона борьбы за существование объявлялась частнокапиталистическая конкуренция. У.Г.Самнер неизменно называл финансовых и промышленных магнатов, сокрушивших "менее приспособленных" конкурентов, "продуктом естественного отбора", элитой общества, выявленной самой природой.

Самнер требовал от правительства руководствоваться в своей социально-экономической политике принципами экономического либерализма и индивидуализма, в первую очередь государственного невмешательства, уходящего корнями в XVIII век: "Все возможные достижения на пути к естественному социальному порядку могут быть лишь следствием саморазвивающегося прогресса, но не результатом реконструкции общества по плану какого-нибудь социального архитектора-энтузиаста ... Общество должно быть свободно от их вмешательства, т.е. предоставлено самому себе в своем развитии. И здесь мы вновь должны довериться старой формуле — государственного невмешательства"¹⁹.

Американские монополисты, познакомившись с социал-дарвинистскими принципами, без промедления взяли их на вооружение. Все они — Э.Карнеги, Дж.Рокфеллер, Дж.Херст, Дж.Хилл и другие — неизменно изображали себя как наиболее приспособленных индивидуумов, а созданные ими финансовые и промышленные империи как высшее достижение "естественного отбора". Некоторые из них становились пропагандистами социал-дарвинистских доктрин, распространяя их через газеты, журналы, а то и в пухлых сочинениях. Э.Карнеги, создатель стальной империи, производившей металла

больше, чем вся Великобритания, был признан даже в качестве теоретика социал-дарвинизма. Одной рукой он беспощадно истреблял в своей отрасли профсоюзы, а другой писал наставления для соотечественников о способах "выживания" в условиях благословенной экономической свободы. Его книга "Триумфальная демократия" стала практическим руководством для тех, кто желал сколотить миллионы, полагаясь на силу, волю, предприимчивость.

Доктрина "государственного невмешательства" в экономику и социальные отношения оставалась на протяжении всей последней трети XIX в. и официальным кредо американского правительства, обеих ведущих партий — и демократов, и республиканцев. Президент США демократ Г.Кливленд в речи при вступлении на этот пост в 1893 г. решительно отмахнулся от социальных запросов низов, заявив: " ... хотя народ и поддерживает правительство, правительство не обязано поддерживать народ". Один из его предшественников на президентском посту, республиканец Дж.Гарфилд, твердо стоял на том, что "в функции правительства ни в коей мере не входит обеспечение занятости"²⁰.

Эта приверженность принципам твердого индивидуализма при соотношении ее с политической практикой зачастую выглядела весьма лицемерной. Ведь "капитаны индустрии" активнейшим образом использовали государственную власть, когда речь шла о покровительстве их собственным экономическим интересам. Железнодорожные империи Гульда и Вандербильда, например, были созданы благодаря щедрым подачкам из государственного земельного фонда, который согласно гомстед-акту 1862 г. предназначался исключительно для целей организации мелких фермерских хозяйств. Уже с самого возникновения первых предпринимательских объединений власти штатов соперничали друг с другом в создании наиболее благоприятных условий для развития корпораций на своих территориях. В 1875 г. в штате Нью-Джерси, известном как "родина корпораций", был принят закон, отменявший большинство ограничений на предельные размеры предпринимательских объединений, резко расширявший их возможности при получении займов и выпуске акций и облегчавший условия их ответственности перед кредиторами. Вскоре этому примеру последовали и другие штаты.

В последней трети XIX в. доктрины "трубого" индивидуализма, приобретшие консервативный промонополистический характер, преобладали в американской мысли и средствах массовой информации. С их критикой выступали социалистические и антимонаполистические движения, впервые набравшие тогда силу в США. С 1880-х годов все более весомо начинает звучать и критический голос выразителей демократического либерализма, опиравшихся на наследие Джефферсона, Э.Джексона и Линкольна. Идеалы эти были существенно преобразованы, так что многие исследователи говорят даже о рождении на рубеже XIX-XX вв. нового либерализма, соединившего прежние принципы с новыми концепциями социального реформизма. Подобная эволюция демократического либерализма позволила ему поддерживать и даже упрочить свое влияние среди масс американцев, и она же существенно расширила и углубила его отличия от

идеологии "чистого" индивидуализма, превратившегося в консервативное кредо.

В разработке теории нового либерализма в конце XIX века особенно заметную роль сыграли социолог Л. Уорд и экономист Р. Эли.

Л. Уорд решительно отверг концепции социал-дарвинистов об "естественном отборе", выживании "наиболее приспособленных" и гибели "менее приспособленных" видов как основе не только биологической, но и общественной эволюции. Согласно его оригинальной концепции общественного прогресса, последний осуществлялся на основе все более расширяющегося воздействия человека, социальных классов и групп, политических партий, государства и гражданского общества на социальную среду, ее совершенствования в направлении смягчения человеческих страданий и увеличения всеобщего благосостояния²¹.

Концепция Уорда о способности человека и общества вершить свою судьбу и выбирать альтернативы исторического развития была подхвачена многими либералами. Но одновременно они сочли принципиально важным определить, какой способ воздействия на общественное развитие является оптимальным. Либералы единодушно отвергли все революционные теории ломки общественных структур, противопоставив им концепцию их реформаторского изменения и совершенствования. При этом либеральные теоретики опирались на позитивствованное у О. Конта, других европейских социологов и ставшее к тому времени классическим учение об органическом характере общественного развития и прогресса, доказывавшее, что наработанные в ходе многовековой человеческой истории общественные структуры и взаимосвязи являются органичными и структурно-функциональными, а потому их революционная ломка является, безусловно, зряшной.

К органическим были отнесены такие общественные установления и структуры, как частная собственность, государство, классы, партии, общественные объединения, при этом новые либералы видели в органических структурах как позитивные, так и негативные стороны. Вот как, например, характеризовал противоречивые стороны разделения общества на классы Р. Эли: "Существование классов имеет свои положительные и отрицательные стороны. С одной стороны, существование нескольких классов способствует развитию различных по своему характеру дарований и способностей. Отрицательная же сторона классовых различий состоит в том, что они по мере дальнейшей дифференциации ведут к разобщению нации"²². Совершенствование и реформа органических структур и взаимосвязей призваны были устранить их негативные черты, но не их самих.

Каким образом должны были быть реформированы американские институты? Отвечая на этот вопрос, некоторые новые либералы приходили к выводу, что фундаментальные ценности либерализма и демократии должны были быть определенным образом дополнены принципами социализма. Р. Эли в 1894 г. первым заявил, что социалистическое учение обладает "могущественным характером обличения существующих институтов" и что "сила социализма объясняется не только его обличениями существующих институтов, но и его

позитивной программой". Эли предложил разработать "практическую социальную реформу", которая смогла бы добавить "консервативным и осторожным путем" к существующей системе "сильные качества социализма". Самым выдающимся среди социалистических учений Эли признавал марксизм, который по его убеждению имел все шансы реализоваться в условиях господства "естественных" социально-экономических сил и "пассивного государства"²³.

Подобное отношение к социализму и марксизму восприняли в тот период очень многие американские либералы: самые известные примеры — экономист Э. Селигман и историк Ч. Бирд. Они развернули широкий конструктивный спор-диалог с социалистическим учением, который положил начало процессу социализации американского либерализма. Но обретение либерализмом социал-реформистских черт не было только защитной реакцией на весьма быстрое распространение социализма в США. Оно было и следствием естественного саморазвития, дальнейшей реализации гуманистического потенциала американского демократического либерализма. Выдвигая способы обновления органических структур, либералы конца XIX — нач. XX вв. заимствовали и развивали аргументы, заключенные не только в социалистических доктринах, но и в национальной либеральной традиции. Ими была реанимирована идея Джефферсона, Франклина и Пейна о собственности как продукте общественного договора: обнаружив в ней не только "частный", но и "социальный" элементы, либералы декларировали право государства на социально-экономическое регулирование и планирование.

В конце XIX века в США сложилась весьма прочная модель социального либерализма. Она опиралась как на наследие демократического либерализма Джефферсона, Джексона, Линкольна, так и на собственные наработки выразителей так называемого нового либерализма. Однако поколебать позиции элитарно-индивидуалистического либерализма либерализму социальному тогда не удалось. XIX век заканчивался в США под знаком экономического, политического и идеологического господства монополистического капитала.

Но уже в начале следующего века соотношение сил сторонников двух ветвей либерализма резко поменялось. В последующем же именно социальный либерализм стал идентифицироваться в США с либерализмом в целом. Что же касается элитарно-индивидуалистического либерализма, то он в XX веке стал прочно отождествляться с американским консерватизмом.

1 Партингтон В.Л. Основные течения американской мысли. В 3-х т. М., 1962-1963. Т. 3. С. 355.

2 Hartz L. The Liberal Tradition in America. An Interpretation of American Political Thought Since the Revolution. NY, 1955 (рус.пер.: Харц Л. Либеральная традиция в Америке. М., 1993).

3 См. подробно: Согрин В.В. Идеиные течения в Американской революции XVIII века. М., 1980, глава 2.

4 The Complete Writings of Thomas Paine. Vols. 1-2. Ed. by P.S. Foner. NY, 1945, Vol. 1. P. 275-276.

5 The Writings of Benjamin Franklin. 10 vols. Ed. by A.H.Smyth. New York — London. 1905-1907, Vol. 9. P. 138.

6 The Papers of Thomas Jefferson. Vols. 1-21. Ed. by J.P.Boyd, Ch. T.Cullen. Princeton, 1950-1983. Vol. 1. P. 292; Vol. 8. P. 682; Vol. 11. P. 49.

7 The Complete Writings of Thomas Paine. Vol. 1. P. 610-612.

8 The Writings of Benjamin Franklin. Vol. 8. P. 604.

9 Американские просветители. Избр.произв. В 2-х т. М., 1968-1969. Т. 2. С. 119.

10 Там же.

11 The Records of the Federal Convention of 1787. 4 vols. Ed. by M.Farrand. New Haven-London, 1966. Vol. 1. P. 422-423.

12 The Papers of Alexander Hamilton. 25 vols. Ed. by H.C.Syrett. NY-L., 1961-1979. Vol. 4. P. 218-219.

13 Паррингтон В.Л. Указ.соч. Т. 1. С. 423.

14 Leggett W. The Devision of Parties. — Social Theories of Jacksonian Democracy. Ed. by J.L.Blau. NY, 1947. P. 67.

15 Schlesinger A.M., Jr. The Age of Jackson. NY, 1963. P. 312.

16 The Collected Works of Abraham Lincoln. 9 vols. Ed. by R.F.Basler. New Brunswick (NY), Vol. 2. P. 249; Vol. 3. P. 296, 375.

17 Ibid. Vol. 3. P. 462, 477, 479; Vol. 5. P. 52.

18 Hofstadter R. Social Darwinism in American Thought. NY, 1944. P. 33.

19 Sumner W.G. What Social Classes Owe to Each Other. NY, 1920. P. 119-120.

20 История США. В 4-х т. М., 1983-1987. Т. 2. С. 28.

21 Ward L. Applied Sociology. A Treatise on Conscious Improvement of Society by Society. NY, 1906.

22 Ely R. Studies in the Evolution of Industrial Society. NY, 1903. P. 85.

23 Ely R. Socialism. An Examination of Its Nature, Its Strength and Its Weakness with Suggestions for Social Reform. NY, 1894. P. 254, 256.

ГЛАВА 3 ТРУДНЫЕ СУДЬБЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Изучая французский либерализм, его сильные и слабые стороны, исследователи обычно сопоставляют его с английским вариантом: так, для Д.Шапиро различие между ними вытекает из особенностей исторического развития, хотя системообразующие принципы и в том, и в другом случае почти идентичны. Во Франции либеральное движение нашло свое выражение преимущественно в деятельности философов-просветителей. Реальные же достижения либерализма в Англии заключались в постоянном обновлении социального организма посредством реформ и в создании особого организма, позволившего обеспечить стабильное управление страной. Основное различие между обеими разновидностями европейской либеральной традиции Д.Шапиро видит в том, что "английский либерализм отмечен печатью компромиссов, французский же, наоборот, является абстрактным, доктринерским, бескомпромиссным"¹.

Отметим, что эта верность изначально провозглашенным принципам и доктринам имела для французского либерализма двойные последствия: она снискала ему репутацию негибкого, чуждого духу реформ, в первую очередь социального плана, но это же доктринерство позволило ему избежать конъюнктурных изменений на крутых поворотах истории (назовем среди них излишества социального либерализма и растущее пренебрежение принципом формальных свобод, едва не стершие грань между либеральной и социалистической мыслью; забвение этических начал ради экономической эффективности, важности свобод в первую очередь ради развития творческих способностей индивида, а не только ради уровня его благосостояния).

Идеи, легшие в основание либерального течения, появились, как известно, гораздо раньше самого термина. Главная из них — идея свободы, автономии индивида относительно общества, государства и его институтов. Свобода была отнесена к числу "естественных", "неотчуждаемых" прав человека. Для либерального мировоззрения, в том числе французского, характерно представление о свободе как о самоценном благе, которое не может служить каким-либо чисто утилитарным целям. Высказывая такую точку зрения, самый известный французский либеральный мыслитель XIX века, А.де Токвиль, писал: "Не думаю, чтобы истинная любовь к свободе когда-либо порождалась одним лишь зрелищем доставляемых ею материальных благ... Что во все времена так сильно привязывало к ней сердца некоторых людей, это — ее непосредственные преимущества, ее собственные прелести, независимо от приносимых ею благодеяний: это — наслаждение, заключающееся в праве говорить, действовать, дышать без стеснения, повинаясь только богу и законам. Кто ищет в свободе чего-либо другого, а не ее самой, тот создан для рабства"².

Либерализм, как воплощение стремления к свободе индивидуума, не следует смешивать с социальным строем, в рамках которого он сформировался, и с классом буржуазии, который сыграл первостепенную роль в развитии и утверждении либеральной доктрины. В период с XVI по XVIII вв., когда новый класс только еще боролся за политическую власть, его идеологи не стремились тесно связывать

свободу и независимость индивида с уровнем его экономического процветания, как в более позднее время. Умственные способности, воображение, упорство и настойчивость в достижении цели — вот те черты личности, которые составляли источник ее свободы и индивидуальности.

Своим оформлением либерализм повсюду обязан в первую очередь Просвещению, а самых ярких своих выразителей Просвещение обрело во Франции. Существенное влияние на политическую и культурную жизнь Франции и Европы эпохи Просвещения оказал Шарль-Луи де Монтескье (1689-1755), один из родоначальников и европейского либерализма, писатель, философ и историк. В своих произведениях "Персидские письма" (1721 г.), "Рассуждение о причинах величия и падения римлян" (1734 г.), "О духе законов" (1748 г.) он излагал философию истории, как основанную на определенных закономерностях, а не только на воле отдельных лиц. В законах французский мыслитель видел не произвольное создание людей, а следствие данных условий. Законы в смысле человеческих установлений несут на себе отпечаток мирового разума, как и естественные законы, управляющие миром. Закон есть постоянное отношение между известными явлениями, вытекающее из природы этих явлений. Эти постоянные отношения видоизменяются сообразно с условиями, в которых живут люди — физическими свойствами страны, ее климатом, качествами почвы, образом жизни населения, степенью свободы, допускаемой государственными учреждениями, религией населения, его благосостоянием, торговлей, нравами и привычками.

В "Духе законов" Монтескье изложил свое учение о государственных учреждениях, обеспечивающих политическую свободу. В связи с этим следует отметить, что Монтескье способствовал развитию историзма. В XVIII в. господствовал рационализм, рассматривавший действительность с точки зрения отвлеченного разума, под который подгонялись факты. Так государство выводили из естественного состояния людей, у Монтескье же естественное состояние изображается как низшая ступень культуры. Общий закон разума предомыслился у него под влиянием местных условий: законы отдельных народов не только крайне разнообразны, но и не везде приложимы.

Особенно весомым было влияние политической теории Монтескье. Более всего его тревожил процесс перерождения старинной феодальной монархии в абсолютизм. Вместо восходящего к Аристотелю деления форм правления на монархию, аристократию и демократию, Монтескье давал иную классификацию: республика в двух видах — аристократическая и демократическая, а так же монархия и деспотия. Отличительным признаком монархии он считал существование посредствующих властей между монархом и народом в виде привилегированных сословий и самостоятельных корпораций (французские парламенты). Именно они препятствовали превращению монархии в деспотию. Ему принадлежит глубокое наблюдение, согласно которому всякий образ правления тесно связан с нравственным мировоззрением народа, руководящим стремлениями и поведением граждан.

Монтескье был не только поклонником свободы, но и отличался глубоким пониманием ее сущности: он проводил разграничение между властью и свободой народа, подчеркивая, что демокра-

тия сама по себе не служит гарантией свободы и что последняя царит там, где власть умеренна. Заимствовав учение о разделении властей у Локка, Монтескье видоизменил его, подразделив государственную власть на законодательную, исполнительную и судебную. Кроме этого, он считал необходимой гарантию против злоупотребления властью, то есть такой порядок вещей, при котором одна власть может сдерживать другую.

Все эти гарантии он находил в английской конституции, которую изображал скорее как идеальную модель. Едва ли Монтескье желал применения английской конституции во Франции: этому противоречит его основная мысль, согласно которой лучшие законы — те, которые соответствуют характеру и привычкам народа. Как и другие либеральные философы Просвещения, Монтескье стремился не к ниспровержению старого порядка, а к исправлению вкравшихся в него злоупотреблений, ведущих к деспотизму. Конституционная схема стала главным в наследии Монтескье: она открыла глаза самим англичанам, до того мало интересовавшимся теоретической стороной своих учреждений, повлияла на организацию власти США (что касается французских либералов, то лишь спустя полвека они смогли претворить в жизнь его теорию). Вместе с тем институты имели для него лишь относительную ценность: монархия или республика, аристократия или демократия — можно принять любой из этих режимов, если это продиктовано обстоятельствами и нравами.

В его сочинениях можно найти не один пример приспособления принципов к обстоятельствам. Так, по столь серьезному для того времени вопросу, как религиозная терпимость, он писал: "Когда от нас зависит, принимать ли в государстве новую религию, или не принимать — вводить ее не стоит; когда же она введена, ее следует терпеть"³. В целом то, что существует, предпочтительнее перемен. Это станет аксиомой политики Ф. Гизо и либералов-орлеанистов в следующем веке, как и чувство политического релятивизма, обнаружившееся в их гибком приспособлении к изменениям режима. К концепциям Монтескье восходит, прежде всего, "аристократическое" направление во французском либерализме, привязанное к традициям и склонное к постепенным изменениям: оно отличается от либерализма "третьесловного", опиравшегося на "права человека" и готового искоренять злоупотребления и привилегии даже революционным путем.

Произведение столь грандиозного масштаба, как "Дух законов", отсутствует в литературно-философском наследии другого идеологического гиганта XVIII века, Ф. Вольтера (1694-1778), однако его влияние на современников было так велико, что подчас его именем называют всю эпоху Просвещения. Вольтера мало интересовали вопросы общественного устройства и конституционной реформы: разумное правление просвещенного монарха — вот его идеал: оно останавливает злоупотребления и несправедливые привилегии, откроет дорогу талантам, но сохранит сословную иерархию. Вольтер сам надеялся стать советником просвещенных монархов — Фридриха II, затем Екатерины II, написал сочинение о преобразовательной деятельности Петра I. На протяжении всей жизни он пылко отстаивал основные требования индивидуальной свободы: свободу мыслить и писать, религиозную терпимость, судебные гарантии от произвола

Его влияние на современников определялось не только интеллектуальными построениями, но и духом вольномыслия, скептицизма и насмешливого сомнения в нормах и законах старого мира.

Мощный толчок развитого Просвещения и либерализма дала "Энциклопедия", вокруг которой Дени Дидро (1713-1784) объединил видных ученых и философов своего времени; ее замысел проникнут жаждой знания, рационального объяснения явлений. Обличая пороки управления, ее авторы стремились устранить уклон монархии к деспотизму. 28 томов "Энциклопедии наук, искусств и ремесел", из них 11 томов иллюстраций и гравюр, выходили с 1751 по 1772 гг. Этот компендиум знаний эпохи нес на своих страницах мировоззрение рационалистическое, отвергавшее сословные предрассудки, подчеркивавшее вклад торгового и промышленного сословия в процветание нации.

С "Энциклопедией" был тесно связан кружок физиократов, крупнейшие из которых — Ф.Кенэ, А.Тюрго — оставили значительные труды, первыми провозгласили принципы экономического либерализма — *laissez faire, laissez passer*, то есть "предоставьте свободу действовать". Физиократы осудили корпоративную организацию труда, таможенные препятствия в торговле; согласно их теории, сельское хозяйство — единственный источник чистого продукта, должно развиваться фермерским путем. В 1758 г. было опубликовано "Экономическое табло" Ф.Кенэ, где обосновывалась эффективность "естественного порядка", который основывается на собственности и свободе, не предполагая вмешательства властей. Новая экономическая программа должна была сопровождаться реформой политических институтов: она изложена в трактате Ф.Кенэ и М.де ла Ривьера "Естественный и основополагающий порядок человеческих обществ". Согласно ему, общественная власть имеет в качестве основной миссии обеспечение естественных законов, безопасности и собственности. Для их лучшего понимания подданными она должна обеспечить образование и свободу прессы, а также общественные работы. "Общий интерес" наилучшим образом обеспечивается частными интересами, а последние состоят в обладании индивидуальными правами; при этом "все права, на которые разумное существо может претендовать, заключены в правах собственности"¹. Собственность и свобода ею пользоваться — вот естественные основы социального порядка.

Философы XVIII в. не стремились к разрушению существующего порядка. Революцию 1789 года делали представители другого поколения: аристократы или буржуа, извлекающие из чтения просветителей определенные воззрения, которые подверглись радикализации в ходе самой революции. Основополагающая для французских философов-либералов концепция "естественного порядка", который даровал человеку его природные и неотчуждаемые права, имеющие универсальную ценность и значение, легла в основу принятой в 1789 г. Декларации прав человека и гражданина.

Ее текст состоит из краткого введения, в котором заявляется, что единственными причинами общественных бед и упадка правления являются незнание, забвение и пренебрежение естественными, священными и неотчуждаемыми правами человека; далее следуют 17 статей, основанные на двух идеях политической философии естест-

венного права — идее индивидуальной свободы и идее народовластия. Все люди свободны и равны в правах. Цель общества — сохранение прав личности: свободы собственности, безопасности и сопротивления угнетению. Верховная власть принадлежит нации. Закон есть выражение общей воли: участвовать в издании законов имеют право все граждане лично или через представителей. Особые статьи обеспечивали личную неприкосновенность, судебные гарантии личности, свободу совести и мысли, слова и печати. Общественная власть существует для всеобщего блага; налоги для ее содержания должны быть распределены равномерно, через своих представителей граждане имеют право сами определять их размер и способ взимания. Общество имеет право требовать отчета у своих представителей: гарантия прав и разделение властей — первое условие конституции. Историческое значение Декларации и ее вариаций 1793 и 1795 гг. заключалось в стремлении дать законодательную санкцию самым важным принципам политической философии естественного права, которая произвела переворот в политических взглядах и отношениях нового времени.

Конституционные акты Франции, как и прежние конституционные акты Великобритании (Билль о правах 1689 г.), США (конституция 1787 г.), объединяла общая идея — вера в уникальность индивида, "который является одновременно источником своих прав и конечной целью всех политических и социальных институтов"². В то же время в этих документах в качестве "основы свободы", наряду с автономией индивида и его личной безопасностью утверждалась частная собственность.

В истории французского либерализма его первая стадия была гораздо более революционной, чем все последующие. Несмотря на давние и богатые историко-философские и политические традиции, французский либерализм созревает позднее, чем в англосаксонских странах: в начале XIX в. он все еще остается аристократическим, склонным к компромиссу с королем и дворянством. В ходе революции на первое место вышло понятие "равенство", нанесшее понятию "свобода", равно как и реальным свободам предшествующего времени, немалый ущерб. Развитие либерализма, идеями которого отмечена первая фаза революции, было прервано в годы Террора. Именно этим ранним столкновением "свободы" и "равенства", обнаружившим их несовместимость, мотивирует известный французский историк Пьер Шоню "консервативный" характер французского либерализма и его последующую трудную судьбу: "Революция, избрав путь равенства, перестает быть либеральной. Либералы станут монархистами и отправятся в эмиграцию. На многие годы революция закрыла двери либерализму"³.

Период с 27 июля 1794 г. по 9 ноября 1799 г., в ходе которого термидорианский Конвент установил режим Директории, принявшей новую конституцию (1795 г.), называют "буржуазной республикой". В это неустойчивое, переходное время группа либерально настроенных деятелей — "идеологи" — попыталась омолодить философию XVIII в. и дать более прочные основы миру, возникшему в результате революции. Все они осуждали ее якобинскую фазу, но тем не менее искренне поддерживали республику и стремились развить принципы 1789 г. в прочные институты власти, приняв с этой целью ак-

тивное участие в подготовке конституции 1795 г. Была сохранена Декларация прав человека и гражданина (из которой, правда, исключалась статья "все люди рождаются свободными и равными в правах"); она была дополнена Декларацией обязанностей, в которой подтверждалось нерушимое право собственности ("обработка земель, все производство, весь общественный порядок покоится на сохранении собственности")⁷.

Поколение либералов, так называемых "идеологов", во многом связано с XVIII веком и его мыслью. Аббат Сийес родился в 1748 г. — в год появления "Духа законов" Монтескье. Дестют де Траси, 1754 г. рождения, — современник Лафайета. Младший среди "идеологов" — Дону (1761-1840) — современный следующего поколения либералов, связанного с именами Жермены де Сталь и Бенжамена Констана.

Аббат Сийес (1748-1836) знаменит своими брошюрами, в которых отождествлял третье сословие со всей нацией и выступал против привилегий, проповедуя созидание "новой Франции". Соблюдение прав человека — первостепенная забота общества. Для Сийеса, как и для остальных "идеологов", прямая демократия соответствует первичной стадии цивилизации. Политическое же представительство следует доверить компетентной элите. Представительство есть единственное выражение нации, поскольку без него не было бы возможно собрать все сообщество. Благоразумие требует ограничить представительские полномочия как во времени, так и в целях. После 1803 г. роль Сийеса была исчерпана. Однако в некоторых отношениях он является предшественником Констана, настаивая на необходимости гарантировать гражданину достаточно обширную сферу, куда политической власти запрещено вмешиваться.

Траси (1754-1836), пожалуй, самый известный из "идеологов", — это позитивист, утилитарист, радикал и антиклерикал. История представлялась ему "музеем человеческих заблуждений". Эволюцию нравов ускорить невозможно, но государство должно создавать для нее условия, устраняя привилегии и гарантируя индивидуальную свободу. Конституционная монархия еще долго будет лучшим из правительств в Европе и особенно во Франции. "Чистая демократия" и "чистая монархия" (прямая демократия античности и деспотия) свойственны младенческому состоянию обществ. Современное правительство есть репрезентативное: оно зависит от состояния нравов и от продуманной конституции.

Дону (1761-1849), как и Сийес, во многом разделял идеи 1789 г. Умеренный член Конвента, затем Совета Пятисот, он стал профессором в Коллеж де Франс, а после Реставрации избирался депутатом, затем стал пэром Франции. Его "Эссе о личных гарантиях, которых требует нынешнее состояние общества", было опубликовано в 1818 г. и многократно переиздавалось. В нем защищались институты, гарантирующие безопасность личности, собственности, промышленности, мнений и т.д. Развитие частной сферы деятельности отвращает от политики, которая поглощает невежественные и грубые народы, поэтому забота о практических делах становится "подлинным патриотизмом, залогом спокойствия государства, как и его процветания". Граждане, далекие от погони за общественными должностями, рассматривают их как неизбежное зло. Государственные дела ин-

тересуют лишь немногих, и то в экономическом аспекте. Представительное правление — благо потому, что избавляет гражданина от подобной заботы; ибо лучше всего быть собственником, на этом основана личная независимость.

Традиции старого порядка и после революции еще очень долго жили в умах, сердцах и позициях целого поколения. Режим Реставрации, установившийся в 1814 г., стал политической опорой для всех, чьи симпатии были на стороне старого порядка. Реставрация привела к возвращению династии Бурбонов, а вместе с нею — идеи монархии божьей милостью. Вместе с королем вернулись из эмиграции старая аристократия и двор, изгнанные их страны в период якобинского террора. Именно эти группы, желавшие возвращения им всех привилегий, стремились по возможности перечеркнуть все, что совершила революция и наполеоновская империя. Однако от начала революции прошло уже 20 лет, и некоторые ее завоевания невозможно было уничтожить. Нельзя было отменить принцип равенства перед законом, нельзя было не согласиться с новым разделом собственности. Переход значительной части феодального имущества в руки крестьян и буржуазии стал необратимым.

Поэтому несмотря на возвращение, казалось бы, к старому порядку, шло дальнейшее формирование государства и общества французской буржуазии, которая шла к осуществлению своих политических замыслов, овладевая ареной парламентской игры. Можно было бы назвать период 1815-1848 гг., особенно первое пятнадцатилетие до революции 1830 г., дальнейшим столкновением двух эпох, знаменовавшим вторую фазу послереволюционного процесса.

Традиционные институты после 1814 года должны были сосуществовать с новыми. Король "божьей милостью" сам признал необходимым поделить свою власть с представителями общества, приняв хартию-конституцию, которая стала неизбежной уступкой принципиальным переменам в общественных мнениях и позициях. Конституционная хартия закрепляла многие важные результаты революции — отмену сословных привилегий, всеобщее обложение граждан налогами, свободу личности и некоторые другие буржуазно-демократические свободы. Особая статья гарантировала неприкосновенность распроданных церковных и эмигрантских земель, перешедших в руки буржуазии и зажиточного крестьянства.

Хартия превращала Францию в конституционную монархию с двухпалатной системой. Члены палаты пэров назначались королем, это звание становилось наследственным. Палата депутатов была выборной, но избирательными правами пользовались только лица, платившие не менее 300 франков прямых налогов и достигшие 30-летнего возраста. Еще уже был круг лиц, из которых выбирались депутаты: здесь имущественный ценз составлял 1000 франков, возрастной — 40 лет.

Монарх формально сохранял полноту власти, но законодательную функцию осуществлял совместно с парламентом. Таким образом, конституционная хартия 1814 г. была компромиссом между разными общественными силами, между дворянско-аристократической партией и партией умеренной крупной буржуазии, допущенной к участию в руководстве политической жизнью. Около короля, как символа традиции и прошлого, и около парламента — символа ре-

волюционных перемен и послереволюционного будущего — сосредоточились основные темы и проекты будущего государственного устройства Франции.

Либеральная мысль той эпохи была сосредоточена в группе интеллектуалов, игравших довольно активную роль в политике: это были Г. де Барант, П. Руайе-Коллар, Ф. Гизо, Ш. Ремюза, В. де Брولли и др. Их называли доктринерами. Цель их заключалась в проведении теоретических положений либерализма в практику управления государством. Доктринеры пережили революцию и принимали сложившееся в ее результате новое общество, однако собственно революционный способ действия ими решительно осуждался. Ремюза писал: "Террор сыграл роковую роль в Революции. Он затормозил ее ход, обратил его вспять; однако есть люди, считающие, что он был ее неизбежным следствием: это ложная и опасная идея, как раз напротив, террор был случайностью. Его причиной явились обстоятельства, которых могло бы и не быть, а вовсе не дух времени, которого не могло не быть"⁸. Ни революция, ни империя не сумели создать правительство, которое стабилизировало бы ее результаты, закрепило бы добытые свободы: создать такое правительство и поставили своей задачей доктринеры. Общая для них идея, которую провозглашал с кафедры университета Ф. Гизо, состояла в следующем. Революция есть высшая стадия вековой эволюции, ведущей к обществу равных прав, а фактически — к преобладанию средних классов. Средние классы заметно приблизились к высшим, вторил ему Руайе-Коллар. Богатство создает досуг, досуг ведет к просвещению; люди из средних классов вплотную подошли к занятиям общественными делами, считая их своим кровным делом.

В аристократическом либерализме Реставрации господствовала личность Ф. Шатобриана. Автор "Опыта о революциях", "Гения христианства", он сосредоточился на осмыслении недавней истории. В 1814 г. Шатобриан опубликовал трактат "О монархии согласно Хартии", где оправдывал новый парламентский режим, хотя большинство в нем тогда занимали ультрароялисты. В нем было живо чувство аристократической свободы, которая противостоит всякому произволу, в том числе чрезмерно централизованной, бюрократизировавшейся монархии. Вернуть былое значение духовенству и знати с помощью представительных институтов — значит создать систему противовесов королевской власти. Король царствует, но его подданные должны быть вне досягаемости для его администрации и двора. "Этот либерализм скорее вдохновлялся понятиями рыцарской чести, нежели Декларацией прав. Явившись из отдаленного прошлого, эпохи вольностей и привилегий, — пишет Жирар, — он противостоит в равной мере абсолютной монархии, как и революционному равенству... Эти либералы продолжают тенденцию децентрализации. Токвиль вышел из их среды"⁹.

В основном их журнале "Консерватор", "Исторических исследований", "Загробных мемуарах" Шатобриан проводил мысль, согласно которой каждая политическая форма, подобно живому существу, должна пройти цикл своего развития. Суть процессов нашего времени — упадок абсолютной монархии и наступление века республики. Нереально игнорировать этот факт, химерична всякая попытка реставрировать старый порядок, но столь же химерична опасна для

свободы и человеческого достоинства всякая попытка ускорить неминуемый ход исторического процесса. Для наступления республики необходимо улучшение нравов, распространение образования. Революция и Империя пытались преждевременно осуществить подобный режим — первая с помощью Террора, вторая — войной в погоне за славой. В обоих случаях свобода, высшая ценность, была принесена в жертву.

Шатобриан отвергал революционные действия, он верил в историческую преемственность, которую не следует прерывать: к живому телу традиции следует бережно прививать ростки нового.

В эпоху Реставрации весьма широким было влияние знаменитой пары — Жермены де Сталь и Бенжамена Констана, воплощавших самый дух либерализма. Де Сталь (1766-1817) была дочерью банкира Неккера, ставшего министром Людовика XVI. Ее мать принимала в своем салоне последнее поколение философов. Жермена с энтузиазмом встретила движение 1789 г., когда ее отец был членом Учредительного собрания. Этот период закончился с падением короля; Жермена вместе с отцом отправилась в изгнание в Швейцарию, где на берегу Женевского озера в замке Коппе ожидала конца Террора. Здесь в 1794 г. она знакомится с Констаном; после Термидора они вместе возвращаются в Париж, где она становится умеренной республиканкой и вновь открывает знаменитый салон. По мере проявления характера власти Наполеона все более обнаруживалась его несовместимость с протестантским либерализмом дома Неккеров. Мадам де Сталь изгнана из Парижа; ее резиденцией вновь становится замок Коппе, где собирается вся интеллектуальная Европа, независимая от Наполеона. Коппе становится прибежищем либерализма, как и романтизма, его обитатели черпают вдохновение в культуре Англии, Германии — стран, сопротивлявшихся наполеоновскому влиянию.

"Размышления об основных событиях французской революции" написаны де Сталь в начале эпохи Реставрации, когда взоры вновь обратились к наследию революционной эпохи. Де Сталь хотела прежде всего защитить память своего отца: якобинскому террору и империи она противопоставляет конституционную монархию на английский лад и дает свою интерпретацию Хартии. Монархисты обвиняли Неккера в том, что он способствовал революции. Де Сталь показывала, что событие подобного масштаба не могло быть делом рук одного человека, это результат постепенной эволюции идей. Неккер стремился установить во Франции представительные институты при короле: он потерпел поражение, но Учредительное собрание тоже потерпело поражение! Объясняя неудачу, автор указывала на неопытность конституционного правительства, но главную причину видела в поведении двора. Эмиграция сделала конституционную монархию невозможной, поскольку лишила ее поддержки консервативных элементов. "Поскольку вельможи не оказали никакой поддержки свободе, демократические силы неизбежно одержали верх... Революция изменила предмет и сферу действия: уже не свобода, а равенство стали ее целью, и низший класс общества начал с этого дня брать верх над теми, кто призван управлять благодаря просвещению"¹⁰. Де Сталь, как и все либералы той эпохи, являлась сторонницей цензового подхода. Кроме того, она больше доверяла

институтам, нежели уникальным личностям, вроде Наполеона, противопоставляя ему опыт своего отца. Неккер, писала она, был убежден, что гениальный человек должен трудиться, чтобы сделать себя ненужным, основывая институты, способные выдержать испытание временем.

Автор ставила в пример французам Англию, неизменно ее идеализируя. Французов же она сравнивала со вчерашними англичанами: распространение представительных институтов, и прежде всего Хартии, должно было исцелить их от рабского преклонения перед властью, улучшить общественную мораль. Будучи убежденной протестанткой, де Сталь полагала, что католицизм менее благоприятствует духу свободы. Ссылаясь на тех же англичан, она писала, что религия есть опора государства и морали. Вслед за ней все либералы станут связывать мораль, религию и политику, и это заметно отличает их от "идеологов", которые в духе философии Просвещения проводили резкую грань между "добродетелью" и "предрассудками", как именовалась ими религия. Для де Сталь "именно потому, что французы не соединили религию со свободой, их революция столь рано уклонилась от своего первоначального направления"¹¹.

Центральной темой для послереволюционного либерализма Франции была проблема свободы личности. Государственный строй должен был быть для этой свободы только гарантией. Главным теоретиком свободы среди либералов был Бенжамен Констан. "Индивидуальная независимость — самая важная потребность современного человека. Поэтому никогда нельзя приносить в жертву эту независимость при установлении политических свобод"¹² — такова была ведущая идея рассуждений Констана, центральный пункт его расхождений с демократической концепцией Ж.Ж.Руссо. Для Констана концепция народного суверенитета и демократии, содержащаяся в трудах женевого философа, означала навязывание современному человеку свободы, которой могли удовлетвориться лишь древние люди. Зависимость личности от общества в античных условиях была полной в экономическом, политическом и духовном смысле. Свобода древних означала поэтому только право на участие в политической жизни общества, соучастие в принятии важных решений, в обмен на что личность легко и охотно отказывалась от индивидуальной самостоятельности.

Концепция свободы Констана относится к так называемой "негативной" свободе, свободе от вмешательства властей в автономную область личных свобод. "Граждане обладают индивидуальными правами, независимыми от всякой общественно-политической власти, а любая власть, нарушающая эти права, становится незаконной", — писал Констан. В обосновании этого он видел смысл своей деятельности: "В продолжение 40 лет я защищал один и тот же принцип — свободу во всем: в религии, философии, литературе, в промышленности, политике, подразумевая под свободой защиту личности от власти, желающей управлять посредством деспотизма, и от масс, настаивающих на подчинении себе меньшинства"¹³. Политическое общество современности не имело целью равенство, которое связано с архаической концепцией свободы у древних и которое утратило смысл и стало опасным в условиях нового времени. Задача состояла в разделении власти в обществе между всеми гражданами.

но при этом они считали совместимым с этой коллективной свободой полное подчинение индивида власти общества, так что индивид, суверенный в общественных делах, являлся как бы рабом в частной жизни. Новое понимание свободы означало прежде всего гарантии прав личности (защита от произвола властей, право высказывать свое мнение, распоряжаться собственностью, оказывать влияние на решения властей, и т.д.). Независимость индивида в частной жизни возможна, только если власть государства ограничена, неважно при этом, зависит ли ее суверенный характер от народа или от монарха.

И наоборот, всякая власть, нарушающая права личности, становится незаконной. Поэтому концепция "общественного договора" Руссо "служит деспотизму, не принимающему в расчет, что там, где начинается независимое существование личности, юрисдикция суверенной власти останавливается" и что "одобрение большинства ни в коей мере не делает эти акты легитимными". Новые требования управления наилучшим образом обеспечивает представительная система правления, посредством которой "нация поручает нескольким индивидам то, что не хочет делать сама"¹⁴. Такая система логически означает, согласно Констану, осуждение всякой формы всеобщего голосования: участие в выборах должно быть ограничено кругом граждан, удовлетворяющих имущественному и образовательному цензу. Рассуждая в духе времени, Констан утверждал, что для занятий политикой необходим досуг как условие просвещения, который могут себе позволить только состоятельные граждане.

Слева от этого умеренного крыла де Сталь-Констана находилась группа политиков и идеологов, называвшая себя радикалами или республиканцами. Принадлежность многих из них к либеральному лагерю сомнительна потому, что некоторые из них провозглашали тезисы утопического социализма. Но значительная часть этой группировки до революции 1848 г. являлась крайне левым крылом либералов в их борьбе против деспотизма. Но в целом в тот период преобладал аристократический либерализм.

Интеллектуальный перелом во французской либеральной мысли совершил Алексис де Токвиль, заявивший об исторической неизбежности перехода к демократическому либерализму. Если ранние либералы, классические представители аристократической его версии, — Б.Констан, Ф.Гизо, Н.Руайе-Коллар — надеялись, что наилучшей защитой прав и свобод личности послужат институты, ограничивающие государственную власть и препятствующие участию масс в политике, то А.де Токвиль, признавая наступление века демократии неизбежным, сосредоточивался на поиске способов, предназначенных помешать развитию деспотизма и сохранить политическую свободу, или на том, по выражению Р.Арона, как совместить равенство и свободу. Эти вопросы поставлены в работе "О демократии в Америке" (1835) — итоге путешествия ее автора в Соединенные Штаты и продолжены в исследовании "Старый порядок и революция" (1850).

Алексис де Токвиль принадлежал к чрезвычайно старинному нормандскому дворянству. Арестованные во время террора, его родители были спасены лишь благодаря перевороту 9 Термидора, но кое-кто из родни погиб на эшафоте. Рожденный аристократом, он имел все основания ненавидеть тот эгалитаризм, кровавые последствия которого ему довелось наблюдать во Франции, а в США — раз-

мышлять над его негативным воздействием на нравы. Однако он не стал защитником аристократии, поскольку она разрушена; что касается демократии, то ее остановить невозможно, но следует попытаться ее "воспитать", сделать "полезной людям". Следует ясно представлять себе те негативные тенденции, которые ей присущи, чтобы нейтрализовать их.

Согласно рассуждениям Токвиля, на смену прежним аристократическим обществам приходят демократические. Отличительной чертой демократии по мере ее развития является стремление не к свободе, а к равенству, из чего следует, что такая демократия может привести к деспотизму. Поскольку Токвиль является ярким приверженцем свободы и поскольку он одновременно был убежден, что старая Европа вслед за юной Америкой вступает в демократический век, то основная проблема, в его глазах, состояла в том, как сохранить свободу в рамках неотвратимой демократии.

Превосходство Токвиля над Констаном и аристократическими либералами его времени выражается в признании неизбежности и неотвратимости демократического развития: "Великая демократическая революция совершается среди нас: все ее видят, но не все имеют о ней одинаковое мнение. Одни считают это новым явлением и, принимая его за случайность, надеются, что сумеют остановить процесс, тогда как другие считают его неодолимым, поскольку он представляется им феноменом, берущим начало в глубине времен, самым устойчивым и непрерывным из известных в истории"¹⁵. Если Констан возлагал надежды на цензовое избирательное право, то с точки зрения Токвиля утверждение народного суверенитета неизбежно: "Разумно ли предполагать, что общественное движение, развивающееся со столь давних пор, может быть приостановлено усилиями одного поколения? Можно ли думать, что, разрушив феодальный строй и победив королей, демократия отступит перед буржуазией и богачами? Остановится ли она теперь, когда она стала сильной, а ее противники такими слабыми?"¹⁶.

Изучая "действующую модель демократии" на примере Америки, Токвиль, по его собственному признанию, постоянно проецировал ее на Францию. "Хотя я редко упоминал Францию" — признается он позднее. "я не написал ни единой страницы без того, чтобы ее образ не был у меня перед глазами". И на страницах своего труда, и в последующих работах он постоянно возвращался к анализу ее общественных пороков и недостатков, их глубинных причин, как и перспектив ее политического развития. Он находил их в истории старого порядка и революции, которая "соединила в себе обе тенденции — и к республике, и к централизации". То, что демократический процесс во Франции развивался столь противоречиво, объяснялось им в первую очередь последствиями административной централизации и классовым расколом, приведшим к созданию институтов, не способных к сочетанию свободы и равенства. Изучая многочисленные материалы по истории предреволюционной Франции, Токвиль приходил к выводу, что такое характерное явление французской политической жизни, как централизация, порождено отнюдь не революцией. Он убедительно показывал, что при старом порядке административная опека, парализовавшая общественную жизнь страны,

подчеркивал он, — не погибла в революцию благодаря тому, что сама была началом этой революции и признаком ее"¹⁷.

Главной причиной централизации при старом порядке было стремление монархии лишить родовую аристократию всякой политической власти и опираться на чиновничество, формируемое из буржуа. Тем самым доказывал Токвиль, монархия сама подрывала свою собственную социальную основу. Объективную роль препятствия на пути деспотизма и произвола, которую "историческая аристократия играла до своего нынешнего упадка", Токвиль определил следующим образом: "В сумерках будущего можно различить три очень ясные истины. Первая из них та, что все современные люди увлечены какой-то неведомой силой, которую можно надеяться регулировать и замедлять, но не победить и которая то подталкивает, то с силой мчит их к уничтожению аристократии; вторая — та, что из всех обществ в мире всего труднее будет надолго избежать абсолютного правления тем, в которых аристократии уже нет и не будет; наконец, третья истина состоит в том, что нигде деспотизм не ведет к более губительным последствиям, чем в таких именно обществах"¹⁸.

Анализируя демократический процесс, автор "Демократии в Америке" ясно видел две его движущих силы — свободу и равенство: хотя конфликт между ними не был неизбежным с логической точки зрения, некие роковые силы постоянно вели к нему в реальной жизни. Токвиль замечал, что люди ищут свободы, чтобы избежать неравенства, создающего отношения зависимости, но едва они свержали тиранию, как им угрожала другая, на этот раз с их собственного согласия. В самом деле, уравнивание условий с каждым днем усиливается благодаря демократизации нравов, присущей развитию буржуазной цивилизации. Люди при этом, несомненно, приобретают вкус к политической свободе, но эта свобода будет все более выражаться в общей воле, источнике единообразного законодательства, тем более обременительного, что оно будет санкционировано всей мощью представительного органа. Тирания ассамблей возникнет, таким образом, из желания индивидов возложить на коллективную власть заботу о сохранении равенства. Так может возникнуть поражение индивида с добровольного согласия массой. В заключительных главах "Демократии в Америке", особенно в главе "Какого рода деспотизма должны опасаться демократические нации", содержится анализ, проницательность которого особенно восхищает сегодня. Токвиль описывает "новый режим", который нельзя назвать ни деспотизмом, ни тиранией, с его политическим механизмом — "абсолютным, детальным, все регулирующим, все предусматривающим и мягким", который под предлогом осуществления народной воли изгоняет всякую свободу. Это не тоталитарное государство, если понимать под этим термином жесткость, нищету, цинизм, но это, пожалуй, еще хуже. Это государство, где уже нет необходимости подавлять свободу, поскольку люди утратили само желание быть свободными. Это деспотизм, при котором люди "деградируют, не будучи к этому подготовлены"¹⁹.

Рецепты, предлагаемые Токвилем, чтобы сделать демократию либеральной, в основном заимствованы из американского опыта. Он подчеркивал необходимость сильной и независимой судебной власти, учреждения различных ассоциаций и поиска децентрализации

всеми возможными способами. "Сила свободных народов находится в коммуне. Коммунальные институты для свободы — то же, что начальные школы для науки... Без коммунальных институтов народ может создать свободное правительство, но он не имеет духа свободы". Демократия, состоящая из равных индивидов, независимых друг от друга, разделяет людей, оставляет их без связей, как бы "распускает" общество. Поэтому следует попытаться возродить местные свободы и свободные ассоциации граждан. Что касается ассоциаций (политических, промышленных и торговых или даже научных и литературных), число и разнообразие которых поразило его в Америке, то он сравнивал их с просвещенными гражданами, которых власть не может ни подчинить своей воле, ни уравнивать. Защищая от посягательств свои частные права "зубами и когтями" (на манер аристократов прошлого), эти ассоциации спасут общественные свободы. Так, благодаря участию граждан в управлении у них появляются чувства взаимной ответственности и долга, которые ломают индивидуалистическую самоизоляцию.

На практике Токвиль проявлял себя и как либерал, и как консерватор. Его либеральный консерватизм в литературе иногда именуется "аристократическим", но обращение Токвиля к дореволюционному опыту, когда ограничителем государственной власти объективно выступали аристократы и корпорации, в действительности означало лишь поиск каких-то аналогий, создания на основе апелляции к ним общественных организаций, которые бы облегчили гражданам защиту их коллективных прав и интересов перед центральной властью.

С установлением режима июльской монархии в результате революции 1830 г. власть во Франции перешла в руки либералов-орлеанистов — сторонников Луи Филиппа Орлеанского. Эта группировка, представлявшая собой либеральную оппозицию режиму Реставрации, с самого своего возникновения поставила целью соблюдать позицию центра по отношению к крайностям. Р.Ремон характеризует орлеанизм как "режим золотой середины", господство средней партии, поиск среднего пути. Однако, оказавшись у власти, орлеанизм, имевший справа от себя легитимистов, слева — республиканцев, не сумел остаться центром, а эволюционировал вправо. По замечанию того же Р.Ремона, "этот интеллектуальный и парламентский либерализм имеет мало общего с демократией... Демократия — это равенство, а орлеанский либерализм означал неизбежное превосходство социальных элит."²⁰

Общим местом стало отождествлять июльскую монархию с царством буржуазии: действительно этот класс, располагавший богатствами, образованием, выходит на политическую арену. Миф короля — буржуа, символа гаранта ее могущества, увеличивает здание и дополняет картину. Однако само понятие буржуазии нуждается в уточнении: в обществе XIX века оно соответствует различным социальным реальностям. Французское общество, продукт весьма древней истории, политической эволюции и сложной экономики, сугубо дифференцированно: множество градаций отделяет мелкого лавочника-зеленщика и торговца от крупных буржуа, обитающих в дворцах и особняках и обращающихся на равных с министрами. Орлеанизм представлял самые почтенные и самые богатые слои буржуа-

зии, точнее — буржуазные династии, наложившие, в свою очередь, отпечаток на режим. Этим руководителям буржуазной монархии чужд, однако, идеал процветания на американский манер, среди них нет крупных промышленников. Промышленные предприятия носят семейный характер. Главным богатством по-прежнему считается земля: именно земельная рента является источником капиталов для возникающей промышленности. Когда Адольф Тьер, выходец из мелкой буржуазии, захотел "обуржуазиться", он купил не акции, а недвижимость. Это буржуазное общество весьма близко по своим вкусам, нравам, взглядам миру землевладения.

Знаменательной чертой этого общества является и значительная доля тех, кто допущен в него благодаря уму и талантам. Так Тьер, который не мог похвастаться ни происхождением, ни богатством, сделал карьеру благодаря журналистике, открывшей ему доступ к власти. В годы Реставрации нельзя было и помыслить о том, чтобы министерский портфель был доверен университетскому профессору. Июльская монархия делала это регулярно, она черпала свои кадры в Сорбонне до такой степени, что историк А.Тибодэ назвал ее "монархией профессоров". Наиболее известными среди них являются Ф.Гизо, Ф. де Вильмэн, В.Кузен. Карьера Гизо была столь блестящей, что его отождествляли с режимом. Виктор Кузен, член королевского совета по образованию, директор Эколь Нормаль, министр общественного образования в правительстве Тьера 1840 г., имел в университете огромное влияние интеллектуального и административного плана. Между политикой и университетом, министерствами и академией устанавливаются широкие связи. Режим расточает почти талантам: король дарует звания пэров профессорам, писателям, художникам. В свою очередь, известные политические деятели становятся членами Французской Академии.

Итак, было бы поверхностным сводить орлеанизм исключительно к представительству деловой или финансовой буржуазии. Богатство важно не само по себе: оно принимается в расчет скорее как знак личных заслуг, умственных способностей или моральных качеств. Таков подлинный смысл высказывания Гизо, понимаемого подчас искаженно и неверно: "Обогащайтесь трудом и сбережением". В нем выражено убеждение, что обогащение является естественным вознаграждением за труд и что спонтанная эволюция условий жизни надежнее, чем произвольные преобразования и революционные потрясения.

Отличительный характер орлеанизма — это правление элиты. Однако если для роялизма элитой была только аристократия по рождению, то для орлеанского общества это — нотабли, именитые граждане: они могут быть выходцами из аристократии по рождению, по богатству и по способностям.

Орлеанизм, столь широко опиравшийся на университетские круги, был также школой мышления, отличавшейся вкусом к философско-политическим спекуляциям, определенным умонастроением либерального толка. Его представители прежде, чем участвовать в правительствах, нередко были издателями. Редакция журнала "Глоб" пополнила кадры нового режима; в 1828 группа молодых людей основала журнал "Ла Ревю франсез" и среди них — Ф. Гизо, В. де Брольи, Г. де Барант, Ф. де Вильмен, В. де Кузен — короче, те, кто вскоре

занимал высокие государственные должности. Июльский режим открывал дорогу власти прессы. "Журналь де деба" на 18 лет стал рупором орлеанисткой доктрины. Это интеллектуальный и парламентский либерализм, имеющий мало общего с демократией. Демократия — это равенство, а орлеанистский либерализм предполагал неизбежное превосходство социальных элит. Взоры демократов обращены к США, орлеанистов же — к Англии. Политический либерализм и социальный консерватизм, признающий лишь естественную эволюцию общества, порядок и свобода определяют облик орлеанской либеральной правды.

После 10 лет, в течении которых сменяли друг друга недолговечные министерства, целое семилетие — 1840-1848 гг. — отмечено министерством Гизо. Правда, его конец — это одновременно конец режима. Можно было предположить, что в эти годы либеральный парламентаризм обрел свое равновесие. Гизо предполагал доверием короля и опирался на верное большинство, которое выглядело, как партия на пути к становлению. К ней присоединяются разочарованные легитимисты, а католическая партия в конце концов склонилась к поддержке Гизо. Токвиль, ставший членом Палаты в 1839 г., мечтал примирить дух либерализма и религии. Четырьмя годами позднее он выразил свое разочарование: "Вместо того, чтобы признать общее право и ограничиться тем, чтобы потребовать его исполнения, церковь вы казывает склонность подчинить себе все образование в целом", духовенство стремится "к устройству такого рода, которое сделало бы из правительства и церкви двух союзников за счет свободы"²¹.

Подчиняясь духу времени, эволюционировал сам Гизо: своей задачей он считал установление подлинного морального порядка, удовлетворение стремления к безопасности обогащающихся буржуа, усваивающих привычки аристократии. В 1842 г. он писал: "Я чувствую тесный союз, слияние самого себя с этой монархией. Король есть подлинный король страны, а я — истинный министр короля"²².

Как представлял себе Гизо парламентское правление? Права всех гарантируются прямой и непосредственной деятельностью части нации, способной осуществлять политическую власть, — средним классом. Гизо определял средний класс так же, как и его предшественники (Констан, Руайе-Коллар): этот класс не занимается физическим трудом и не живет на зарплату, его имущественное положение и просвещение обеспечивают ему независимость. В отличие от аристократии он остается открытым, доступным для всех, кто благодаря личным заслугам и усилиям способен подняться до его уровня. Гизо возражал против демократического нивелирования, устраняющего идею заслуг. Поэтому он никогда не допустил бы всеобщего избирательного права: каковы бы ни были недостатки цензового избирательного корпуса, первое много хуже.

Оригинальность его концепции проистекала из долгого опыта пребывания в правительстве. Гизо рано почувствовал потребность в сильной партии и приложил немало усилий, чтобы создать ее, а точнее, группировку, солидарность которой проявлялась бы в голосовании в поддержку кабинета министров. Эту партию он назвал либеральной, консервативной и антиреволюционной, — в продолжение традиции доктринеров, правда, с акцентом на второй части триады.

Осуществив равновесие властей, необходимо было установить сотрудничество с королем. Все это преследовало целью установить во Франции свободное правительство, о котором мечтала нация в ходе социальной революции — и, таким образом, покончить с эрой революции. Правда, Гизо в 1849 г. признавал несовершенство своего орудия — этой либерально-консервативной партии, "со слишком узкой базой, слишком малодушной, слишком холодной и малочисленной, искренне желающей порядка в свободе, но не принимающей ни принципов порядка, ни последствий свободы"²³.

Оппозиция режиму нарастала: правительство выглядело в глазах нации "промышленной компанией", осуществлявшей операции ради прибыли участников. В мире политики отсутствовала политическая жизнь. Все обсуждалось между членами политического круга, без подлинных дебатов и без участия нации в целом. Токвиль писал о среднем классе, подчинившем себе все и в своей непосредственности мало интересующемся либеральными свободами. Правда, следует отметить успешную политику экономического развития, а в области внешней политики — отсутствие войн. Самым слабым местом было отсутствие в парламентской системе чередования правых и левых, как отражения колебаний общественного мнения. Этого чередования Гизо не предусмотрел. Он основал долговечность своего министерства на устойчивом большинстве, прочном центре. Его борьба была направлена против "духа зла", разрушительных сил: однако его система не нашла достаточной опоры в стране. Требовалось провести избирательную и парламентские реформы, но даже ограниченная реформа была рискованной для министерства, которое уравнивало враждебные голоса крупных городов с помощью "гнилых местечек". Либеральное решение, найденное Гизо, оказалось слишком непрочным для нации, обретавшей зрелость в революционных потрясениях.

На следующем историческом этапе, в годы второй империи (1850-1870) орлеанисты оказались в оппозиции, стремясь навязать бонапартистскому режиму эволюцию в либеральном направлении. Быстрое развитие промышленности, сети железных дорог укрепляло позиции и буржуазии, и пролетариата. В 60-е годы происходит явная либерализация режима и внутренней политики империи, укрепляется также и либеральное движение и его печать. Журналы становятся влиятельной трибуной либерализма.

В 60-е годы либеральная мысль, оздоровленная оппозицией, переживала обновление. Свидетельством этого обновления стала книга Э.Лабуле "Либеральная партия, ее программа и ее будущее" (1863 г.). Ее автор, ученик Констана и Токвиля, станет одним из вдохновителей конституции 1875 г. и бессменным сенатором Третьей республики. "Либеральная партия, которая формируется мало-помалу, но крепнет день ото дня, — заявлял Лабуле, — это не узкая секта, буквалистически трактующая свой символ веры, это всеобщая церковь, где есть место для каждого, кто верит в свободу и желает ею пользоваться". Свобода представляет собой индивидуальную жизнь, а государство — общие интересы общества. Когда порядок установлен, страна желает свободы: кризис империи неизбежен. Все режимы терпели крах, выживают лишь принципы 1789 г.

Отсюда следует определенное безразличие к форме режима, лишь бы он был либеральным. Либеральная партия, о которой пишет Лабуле, не имеет прошлого: она должна появиться на ближайших выборах 1869 г., приспособленная к системе широкого голосования. Поэтому необходимо в условиях демократии изыскивать способы распространения образования, в том числе для бедных. Правда, автор не скрывал своих социальных предпочтений: "Сила гражданственности в средних классах, живущих трудом своего ума и своих рук". В собственности он верил так же, как и либералы 1820 г.: только собственник обогащает общество. "Свобода есть средства производства, собственность его надежда, собственность есть плод свободы, или, если угодно, осуществленная свобода... Какие страны свободны? Те, где уважается собственность. Какие страны богаты? Те, где уважают свободу"²⁴

Современный режим согласно Лабуле, это достаточно широкое избирательное право национальное представительство, свободно избранное, контролирующее правительство, имеющее последнее слово в области законодательства, финансов, войны или мира; это независимый суд и свободная пресса. Лабуле настаивал на серьезном народном образовании, дабы всеобщее избирательное право было благом, а не угрозой. Он не высказывал династических предпочтений, а приглашал все прежние партии войти в Либеральный союз, чтобы объединить всю массу честных людей, "любящих свободу и ненавидящих революцию"

В 1866-1865 гг. в мелу вошла идея децентрализации. Само правительство подумывало о ней, чтобы разгрузить себя от ответственности в некоторых вопросах, например, в сфере общественных работ. Либеральный союз начал кампанию в пользу этой идеи, ссылаясь на опыт нидерландско-саксонских стран, "не знавших ни социализма, ни деспотизма", что приписывалось силе местных институтов власти.

Вторая империя пала в результате военного поражения 1870 года. После парижской манифестации 4 сентября 1870 г. была провозглашена республика. Только республиканцы представляли собой организованную силу. Возникло новое временное правительство из либеральных республиканцев самых разнообразных оттенков. Лабуле писал в октябре 1871 г. в предисловии к 8-му изданию своей "Либеральной партии": "Это конституционалисты возродили Францию, подавленную нашествием. Объединимся же под трехцветным знаменем и гостаремся, наконец, под именем Республики учредить такое конституционное правление, которое одно в силах обеспечить царство справедливости и свободы"²⁵.

После подавления Коммуны последующая история Франции фактически свелась к борьбе за признание установившейся республики законной формой правления. После заключения Франкфуртского мира в 1871 г. Национальное собрание присвоило себе права Учредительного собрания. Избранный президентом республики Тьер, понимая невозможность восстановления монархии, был убежден, что новая идея республики может объединить нацию и сделать ее сильнее. Поэтому он взял курс на установление умеренной республики, создавая "республику без республиканцев" и без монарха, но с традиционными галлами. Тьер и его сторонники искали компромисс с их "режимом ассамблеи". Так воз-

никла идея второй палаты — сенат как возможного арбитра конфликтов между палатой, избранной всеобщим голосованием, и президентом. Если бы нижняя палата стала радикальной, президент смог бы опереться на вторую палату, чтобы противостоять ей. Это была новая идея в истории Французской республики: только в США существовал сенат, но то была федеральная республика. О таком сенате, состоявшем из именитых граждан, как о краеугольном камне республики, ставящем ее вровень с монархическими учреждениями, писал в 1870 г. В. де Брольи. Напротив, левые всегда отвергали идею сената, верхней палаты — прибежища привилегированных, препятствия народному волеизъявлению на всеобщих выборах. В крайнем случае они могли согласиться на выборы сената всеобщим голосованием. В целом это понятие было глубоко чуждо республиканской традиции, служило основным пунктом ее расхождения с традицией либеральной.

Политика Тьера стремилась объединить умеренные элементы противостоящих сторон — умеренных республиканцев с консерваторами, поддерживавшими республику. Так, посредством соединения двух центров учредилась "большая либеральная партия, объявившая войну всем крайним мнениям под знаменем умеренной республики" возродившая Либеральный союз 1863 г. Принцип наследственной власти утратил значение во Франции: так не лучше ли поставить консервативно-либеральные принципы под защиту республиканских институтов, обеспечив равновесие властей? — таковы были рассуждения сторонников Тьера.

Со времени Ж. де Сталь и Б.Констана либеральная традиция рассматривала дилемму "монархия-республика" как вторичную. Это безразличие к природе режима мы находим у Токвиля, оно свойственно и Либеральному союзу, объединившему в 1863 г. легитимистов, орлеанистов, республиканцев. Эти люди, наблюдавшие в течении трех четвертей века смену разных политических режимов видели серьезную опору лишь в общественных свободах и парламентских институтах. Поэтому с возникновением республики в 1875 г. прежние орлеанисты заняли место среди умеренных республиканцев.

Следует подчеркнуть, что их монархические чувства питала отнюдь не привязанность к государю. Основным мотивом был страх всеобщего голосования, "слепой силы", абсолютного преобладания количества, массы, которая во Второй республике (1848-1850) послала в парламент значительное количество "красных", а во Второй империи предпочло деспотизм Либеральному союзу²⁶. Как приручить эту грубую силу? Это пытались сделать посредством цензового голосования, других ограничений, но единственным решением было интегрировать ее в систему, где другие силы будут служить ей противовесом.

Третья республика 1875 года завершила долгую эволюцию либералов. Давние противники демократии, они выработали сложную форму правления, которая обезопасила их от суверенитета как народных масс, так и государей. В течении XIX века монархическая власть изжила себя во Франции, и им пришлось считаться с ростом демократии. Из взаимодействия республиканской и парламентской традиций возникла парламентская демократия. В этом значении республиканских институтов 1875 г., завершивших долгий этап разви-

тия. Отныне борьба классов и партий будет разворачиваться не в революционных, а в конституционных формах. В этом плане задача либералов была достигнута. С избранием на пост президента Жюль Гриви и председателя палаты депутатов Леона Гамбетты (1879 г.) "республика без республиканцев" уступала место "республике республиканцев". Их идеалом была свобода, причем только республика обеспечивала свободу, всеобщую и равную для всех. Имелась в виду свобода политическая, традиционные права человека и гражданина, согласно Декларации 1789 г. Одновременно лидер радикалов Гамбетта заявил: "нет социального вопроса", то есть не следует изобретать механизма устранения социальных язв; только опираясь на развитие промышленности, на энергию добровольных товариществ, на чувства человеческой солидарности, можно противостоять отдельным случаям нищеты, болезней, безработицы.

Представитель радикалов Ж. Ферри в речи в парламенте в 1884 г. провозгласил было идею государственной помощи обездоленным слоям, но при одном условии — чтобы взносы оставались добровольными, не приобретали бы принудительного характера, обязательной повинности. Единственной приметой социального либерализма у этого поколения французских радикалов была враждебность крупному капиталу, трестам, монополиям. Государственное вмешательство было необходимо только против этих "индустриальных вотчин".

Последнее 20-летие XIX в. привело к осуществлению программы демократического либерализма. Всеобщее голосование, отделение церкви от государства, введение всеобщего государственного образования, как основного средства воспитания в республиканском духе, расширение традиционных свобод личности, гарантии свободы прессы — вот важнейшие достижения либералов. Однако сами либералы, отцы конституционных законов, вскоре после 1880 г. были оттеснены от власти, обречены на статус оппозиции. Объяснение относительно консервативного характера французского либерализма, оставшегося чуждым социальному эгалитаризму, во многом связано с особенностями национальной буржуазии, противоречиями между ее различными слоями на протяжении XIX столетия. После 1830 г. к власти пришла крупная буржуазия: установленная ею парламентская система опиралась на весьма узкую базу благодаря цензовому избирательному праву. Мелкая и средняя буржуазия, сражавшаяся на баррикадах вместе с городским плебсом, после 1830 г. не получила никаких преимуществ — все они достались крупным буржуа. Каждая из этих социальных групп имела свое представление о том, что такое демократия. Для крупных буржуа парламентаризм, установившийся при Луи-Филиппе, и был подлинной, либеральной демократией.

Отождествление собственности со свободой поставило перед теоретиками либерализма довольно сложную проблему. Из этой концепции логически вытекало, что люди, не обладающие собственностью, не вполне свободны. Во Франции эта проблема была отчасти обойдена с помощью известного лозунга Гизо: "Обогащайтесь, граждане, и вы будете избирателями". Однако с бурным развитием капитализма и ростом пролетариата этот лозунг все более восприни-

тельной частью трудовых слоев призыва Гизо как лицемерного, либерализм сохранил социальную опору. "Своим выживанием, — пишет известный политолог Ж.Бюрдо, — либерализм был обязан не столько аргументам, выдвигавшимся теоретиками, сколько укоренившейся в массах приверженности к собственности. Массовое сознание до сих пор видит в собственности залог относительной свободы и определенного благосостояния. Наиболее опасным противником марксизма являлся не крупный капитал, а страсть к накоплению"²⁷.

1 Shapiro J.S. Liberalism and the Challenge of Fascism. Social Forces in England and France. — L., 1949, p.22.

2 Tocqueville A.de. De la démocratie en Amérique. — Oeuvres complètes de A.de Tocqueville. T.1, p.14.

3 Montesquieu Ch.-L. Oeuvres divers. — Oeuvres complètes. — P., 1816, p.112.

4 Jardin A. Histoire du libéralisme politique: de la crise de l'absolutisme à la constitution 1875. — P., 1985, p.44.

5 Burdeau G. Le Libéralisme. P., 1979, p.7.

6 Chaunu P. La liberté. — P., 1987, p.271-272.

7 Jardin A. Op. cit., p.140.

8 Girard L. Les libéraux français. 1814-1875. — P., 1985, p.73.

9 Girard L. Op. cit., p.70

10 Staël G.de. Considérations sur les principaux événements de la Révolution Française. — P., 1816, p.231.

11 Ibid., p.257.

12 Constant B. De la liberté chez les modernes. / Oeuvres. — P., 1957, p.567.

13 Constant B. Principes du politique. — P., 1986, p.1075.

14 Châtelet F., Duhamel O., Pisier-Kouchner E. Histoire des idées politique. — P., 1982, p.73.

15 Tocqueville A.de. De la démocratie en Amérique. — Oeuvres complètes, T.1, p.4.

16 Ibid., p.5

17 Tocqueville A.de. L'Ancien Régime et la Révolution. — Oeuvres complètes, T.1, p.67.

18 Chevalier J.-J. Histoire de la pensée politique. — P., 1984, T.3, p.180.

19 Tocqueville A.de. De la démocratie en Amérique — Oeuvres complètes, T.1, p.615.

20 Rémond R. La droite en France. De la première Restauration à la Cinquième République. — P., 1967, p.75.

21 Girard L. Op. cit., p.153.

22 Ibidem.

23 Ibid., p.155

24 Laboulaye E. Parti libérale. Son programme, et son avenir. — P., 1863, p.9.

25 Laboulaye E. Op. cit., 8-ed., 1871, p.5.

26 Jardin A. Op. cit., p.408.

27 Burdeau G. Op. cit., p.80.

ГЛАВА 4 ПУТИ И ДРАМЫ НЕМЕЦКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Немецкому либерализму с момента его оформления были присущи специфические особенности. В Германии выразителем либерализма выступал сравнительно узкий круг интеллигенции, прежде всего — университетской профессуры. В студенческих аудиториях, на страницах историко-философских книг и журналов дискутировались наиболее актуальные общественно-политические проблемы. Не политические деятели, а историки и философы оказывали определяющее влияние на формирование общественного сознания в стране. В связи с этим приведем мнение американского ученого Георга Иггера, заметившего, что "история Германии и немецкого либерализма может быть написана только тогда, когда будет принята во внимание центральная роль в ней историков"¹.

Долгая политическая раздробленность Германии определила и ту особенность немецкого либерализма, что он так и не оформился в общенациональное движение с единым центром, каким, например, был Лондон для либералов в Англии. Более того, впервые либерализм заявил в полный голос о себе и стал не теорией, а реальной политической силой не в экономически наиболее развитой Пруссии или Саксонии, а на сравнительно отстающем юге Германии, где он охватил довольно широкие общественные круги. Конституционные порядки, утвердившиеся в государствах южной Германии после эпохи наполеоновских войн, стали опорой и своеобразным испытательным полем новых идей. Именно представители южнемецкой либеральной мысли разработали достаточно реалистическую программу общественно-политических преобразований, осуществление которой в первой половине XIX века могло бы принципиально изменить общий процесс исторического развития Германии и, возможно, направить его более удачным путем. Немецкий историк Вольфганг Шидер отметил в связи с этим, что только обращаясь к раннему этапу в развитии германского либерализма, можно правильно понять его сущность, значение, социальное содержание и политическую программу².

Общее отставание Германии по сравнению с западноевропейскими странами, замедленная ломка традиционных феодальных отношений и замена их новыми буржуазными определяли особенности социального положения и идей главной движущей силы общественных преобразований — либеральной демократии. Она не имела широкой социальной базы в виде развитой буржуазии. Поэтому, как реальная политическая сила, немецкий либерализм отличался слабостью и аморфностью, что приводило к необходимости постоянного поиска союзников, прежде всего в лице государственной власти. В таких условиях многие принципы классического западного либерализма оказывались для Германии непригодными и требовали значительного переосмысления.

Ситуация осложнялась и тем, что воззрения классического либерализма означали для Германии XIX века революционное разрушение основных социально-политических структур при несозревшей для этого адекватной замены. Исходя из этого, немецкая либеральная мысль стремилась разработать особую концепцию, характерную

для традиционного общества, вступившего на путь ускоренной модернизации.

Рассматривая германский либерализм, следует иметь в виду наличие в нем разных направлений и оттенков. Так, исследователи этих проблем в зависимости от угла зрения и критериев подхода различают доктринерский и исторический, этический и экономический, социальный и манчестерский либерализм, ориентированный на Францию и по своей сути демократический, и консервативный, образцом которому служила Англия, наконец, южногерманский и северогерманский варианты либерализма.

Следует отметить, что широко распространенное представление о раннем либерализме в Германии, как своего рода сколке с английской или французской модели, страдает явной односторонностью, ибо не учитывает конкретной исторической ситуации в домартовской Германии, выдвинувшей большое количество разнообразных раннелиберальных программ. Учет социально-исторических предпосылок этого явления позволяет понять противоречие между относительной прогрессивностью политических идей и сравнительно отсталыми представлениями об общественных целях.

Организационная неразвитость раннего либерализма в Германии влекла за собой преимущественно мировоззренческо-доктринерский характер либерального движения и его недостаточную ориентацию на практическую деятельность в сравнении с другими европейскими странами. Причинами этого являлись как отсутствие сколько-нибудь развитого парламентаризма, так и в еще большей степени запрет на создание политических организаций в основном по настоянию реакционного австрийского канцлера Клеменса Меттерниха. Да и само либеральное движение выдвинуло теорию, согласно которой политическая партия должна представлять собой не что иное, как неформальное сообщество единомышленников.

Но не следует абсолютизировать это положение. И до мартовской революции 1848 г. либерализм, несмотря на объективные и субъективные препоны, имел определенные организационные формы в виде различных обществ просветительского характера. В противном случае невозможно объяснить ту быстроту, с которой либералы в ходе революции сумели осуществить совместные политические действия на общенациональном уровне. Правда, речь идет о том, что "не столько организации, сколько личности обеспечили до 1848 г. нарождавшемуся либерализму политический контингент..."³.

Специфика германского либерализма определялась и тем, что немецкая буржуазия никогда не была вполне фритредерской. Не случайно излюбленной идеей единственного крупного экономиста Германии того времени Фридриха Листа (1789 — 1846), изложенной им в работе "Национальная система политической экономии" (1841), было убеждение в том, что путь к процветанию и объединению Германии лежит через рост промышленности, а она нуждается в защите от сильной иностранной, прежде всего английской, конкуренции с помощью высоких импортных пошлин и других средств активной торговой политики.

Относительно проблемы фритредерства в Германии надо также учесть, что требование свободы предпринимательской деятельности в тот период было практически равнозначно требованию свободы

эксплуатации рабочей силы. Но немецкие предприниматели всегда испытывали явную неприязнь к конкурентной борьбе, особенно со стороны зарубежных государств. Сама германская буржуазия охотно уступала политическое руководство другим слоям, если они обеспечивали ей наиболее благоприятные условия для экономического процветания и мелкодержавного деспотизма на своих предприятиях.

Германская аристократия в сущности спасла свое политическое господство предоставлением буржуазии экономических свобод. В результате в Германии наблюдается уникальное явление — сочетание экономического либерализма и политического консерватизма, несмотря на их, казалось бы, взаимоисключающий характер. Но именно такое сочетание во многом определило быстрое экономическое развитие Пруссии в 50-е — 60-е гг. XIX в. В итоге же в Германии так и не сформировался мощный социальный носитель либеральных идей. Органично вписаться в германскую действительность либерализму не удалось вообще, он постоянно ощущал свое бессилие и проблематичность существования.

Теоретические основы

Как заметил видный немецкий исследователь конституционных проблем Э.-Р. Хубер, под либерализмом следует понимать политическую теорию, которая была сформулирована еще в XVIII веке и восторжествовала в XIX веке и которая обосновывала природные и неотъемлемые права личности, а все надындивидуальные, прежде всего государственные связи допускались лишь постольку, поскольку они не противоречили принципу индивидуальной свободы⁴.

Ключевыми же понятиями германского либерализма стали "общность", "личность" и "свобода". В теории либерализма эти понятия рассматривались как взаимосвязанные. Только в государственном союзе, понимаемом как некая общность, личность получает условия для свободного развития. Гражданин может реализовать себя в политическом отношении только как свободная личность, а его взаимоотношения с другими индивидами свободны лишь в условиях государственной общности.

Разрабатывая учение об отношениях общества и государства, немецкие либералы исходили из органической теории государства. Суть ее в том, что правовое государство трактовалось не как суверенитет государя или суверенитет народа, а как государственный суверенитет. Может показаться, что такая интерпретация противоречит основополагающему принципу либерализма о свободе личности. Но противоречия здесь нет, ибо свобода индивида мыслилась только при наличии суверенитета государства, которое возвышается и над народом, и над правителем.

Заметной чертой политической теории и программы немецкого либерализма являлся национализм. Либералы исходили из того, что создание правового государства окончательно может быть завершено только в условиях единого национального германского государства. Если либерализм эпохи Просвещения выступал с критикой абсолютизма и сословного устройства и считал своими идеалами представительное правление и свободу личности, то немецкий либерализм исповедовал теорию публичного правового порядка, в основе которой лежала идея дуализма государства и общества. Отсюда

вытекало и отличное решение проблемы соотношения монархического правления и народного суверенитета. На первый план выдвигалась национальная специфика германской государственности, упор делался на "органический" характер ее развития, в чем явно ощущалось влияние "исторической школы права" Савиньи и Эйхгорна⁵. Таким образом, специфической чертой либерализма немецкого типа выступала его общая ориентация не на современные общественно-политические процессы, а на исторически обусловленные и традиционные отношения, соответствующие национальному немецкому духу.

В связи с этим находится разделение немецкого либерализма на два основных направления — парламентское и конституционное. Первое имело в качестве своей теоретической основы главным образом французскую философию эпохи Просвещения, образцом для нее являлась парламентская монархия по типу французской или бельгийской. Более умеренные позиции занимало конституционное направление, ориентированное на английскую модель политического строя. Немецкие конституционалисты рассматривали французский режим конца 1789 г. как созданный искусственно, и противопоставляли ему английский вариант, как выросший органически из потребностей общества. Конституционные либералы Германии выступали против резкого революционного переустройства общества, за плавное эволюционное развитие. Поэтому они являлись сторонниками реформ, которые должны были проводиться на основе компромисса с традиционными правящими элитами. Это направление идеализировало отчасти английскую конституционную монархию, считая, что там власть равномерно распределена между монархом и избранными представителями народа.

На заре немецкого либерализма

В политической сфере либеральная идеология отстаивала принцип независимости общества от государства. Именно в данном контексте можно понять прусские реформы начала XIX века. Они были непосредственно связаны с появлением внутри прусской бюрократии новой группы молодой бюрократической элиты. Для нее было характерно политическое сознание, сформировавшееся под влиянием философско-юридических принципов Просвещения, но в еще большей степени под воздействием идей Канта и немецкого романтизма.

Либеральные реформы, проведенные в Пруссии в 1807 — 1811 гг., несли явный отпечаток влияния Французской революции, которое проявлялось уже в том, что взгляды руководителей реформ Штейна и Гарденберга включали в себя в качестве неотъемлемого компонента идею необходимости принятия конституции. Главная задача реформ состояла в укреплении Пруссии и уменьшении явного разрыва между феодальными верхами государства и формирующейся буржуазией на фундаменте мощного национального и либерального подъема, вызванного борьбой с Наполеоном.

Важно отметить парадоксальную ситуацию, заключавшуюся в том, что традиционная монархическая власть, чтобы сохранить свою легитимность, приступила к реформам, опираясь на глубоко ей чуждые и даже враждебные теории общественного договора и естественного права. Однако договорная теория подвергалась в герман-

ском либерализме существенной модификации с позиций господствующей историко-романтической школы. Проявилось это прежде всего в стремлении обосновать принцип народного представительства на основе прошлых прецедентов участия сословных ландтагов в обсуждении государственных дел. В трудах таких крупных представителей раннего немецкого либерализма, как Фридрих Кристоф Дальман (1785 — 1860) или Роберт фон Мольте (1799 — 1875), идея конституционного государства обосновывалась не потребностями настоящего или будущего времени, а как раз давней традицией германских сословно-представительных учреждений.

У истоков немецкого либерализма возвышается мощная фигура прусского государственного деятеля, аристократа и космополита, большого друга Гете и особенно Шиллера, выдающегося ученого в области философской антропологии и лингвистики Вильгельма фон Гумбольдта (1767 — 1835). В разгар Французской революции он, будучи очевидцем ее начального периода, опубликовал сочинение, которое считается классическим трудом немецкого либерализма — книгу "Идеи к опыту установления пределов государственной деятельности" (1791). В духе ортодоксального либерализма Гумбольдт рассматривал государство не как самоцель, а как "подчиненное средство, в пользу которого нельзя жертвовать истинной целью — человеком"⁶.

Смысл государства, по Гумбольдту, состоит в защите наиболее полной свободы всех индивидов, а его функции должны быть сведены к минимуму, который необходим для того, чтобы защитить права индивидов от нарушений внутри страны и гарантировать их безопасность от внешней угрозы. Поскольку Гумбольдт отвергал представление, будто государство обязано заботиться о счастье граждан, он вообще не усматривал за ним никаких созидательных функций ни в воспитательной, ни в религиозной, ни в нравственной областях. Такие функции он отводил гражданскому обществу, состоящему из различных групп, создаваемых по свободному выбору индивидов.

Однако теоретические основы представлений Гумбольдта о государстве и его роли явно отличались от принципов классического либерализма, исходившего из учения об естественном законе индивидуальной свободы как абстрактном всеобщем принципе. Гумбольдт же следовал за идеалами немецкой классики в лице Гете, Гердера и Шиллера, которая усматривала идеал гуманизма в осуществлении каждым человеком своей собственной и присущей только ему индивидуальности.

Его книга представляла собой теоретическое осуждение патерналистского государства как в его просвещенно-абсолютистском, так и в революционном варианте. Из опыта Французской революции Гумбольдт принимал лишь идею свободы. Стремление же установить полное равенство он уже в 1789 г. рассматривал с явным недоверием, полагая, что оно будет препятствовать осуществлению индивидуальной сущности отдельного человека.

Еще более разительным отличием от идеалов классического либерализма является позитивное отношение Гумбольдта к войне, которую он считал ускорителем исторического прогресса. В этом вновь проявилась специфика немецкого либерализма, усматривавшего

смысл истории не в счастье каждого индивида, а в развертывании его духовных сил и патриотическом стремлении "всегда быть готовым сражаться за отчизну"⁷. Конечно, в контексте борьбы против Наполеона такое утверждение понятно, но тем не менее подспудно в нем скрывалась и весьма опасная тенденция.

Наконец, Гумбольдт отличался от классического либерализма особой трактовкой соотношения теории и политической практики. У либералов-просветителей общество могло быть фактически изменено перенесением теории на социальную реальность. Гумбольдт в этом отношении был более скептичен. Не отвергая в принципе роли идей в истории, он постоянно указывал на весьма узкие пределы применения теории к конкретному обществу. В качестве аргумента Гумбольдт вновь ссылаясь на то, что личность можно измерять только по ее собственному индивидуальному масштабу, но не внешними абстрактными принципами и нормами.

Проблема гражданского общества

В германской мысли проблема гражданского общества впервые была поставлена Иммануилом Кантом в работе "Метафизика нравов" (1797). Однако Кант не противопоставлял общество и власть, рассматривая последнюю как в целом объединяющую силу. По сути, теория политических отношений Канта являлась теорией постоянного прогресса и союза народов, чтобы в итоге придать идее единого человечества политическую реальность. Ее характерной чертой выступало не простое наблюдение и анализ социальных явлений, а их рассмотрение с этической и ценностной точки зрения, причем сам Кант выступал в ипостаси судьи и выносил свой вердикт.

Иной была трактовка Гегеля, понимавшего гражданское общество как феномен современного мира, определяемый господством индивидуализма, частных интересов. Другими словами, гражданское общество — это свободная игра индивидуальных интересов. Это приводило к отчуждению индивидов друг от друга и от общества в целом. Источник отчуждения Гегель связывал с особенностями социального неравенства в эпоху промышленного капитализма. В целом политическая философия Гегеля, как синтез естественного права и немецкого идеалистического историзма, выступила в качестве концепции взаимосвязи гражданского общества и правового государства. Именно эта проблема и стала центральной для либеральной мысли XIX века⁸.

Основы гражданского общества формировались в Германии постепенно. Его зарождение можно отнести ко времени разработки и принятия общего кодекса социального законодательства — Прусского Земского уложения в 1791 — 1794 гг., в котором были унифицированы различные области права, прежде разрозненные. Уложение пыталось совместить старую сословную структуру общества с новыми всеобщими принципами права, которые в перспективе вели к уничтожению сословных отношений и привилегий путем равенства всех индивидов перед законом.

Вместе с тем следует отметить, что феодальный сословный порядок долгое время способствовал поддержанию консенсуса между государством и обществом. Сословная система помогала обществу сохранять некоторую степень независимости и давала определенные

гарантии от угрозы полного его огосударствления. Но уже в ходе либеральных реформ Штейна и Гарденберга наметилась тенденция расхождения путей общества и государства в Пруссии. Первое медленно, но неуклонно эволюционировало в направлении буржуазной организации и торжества индивидуализма, а правящие круги, бюрократия и армия окостенели на позиции традиционализма.

Целями немецкий либералов на протяжении XIX века являлись достижение национального единства и создание правового государства. Поэтому в революции 1848 — 1849 гг. социальный и политический вопросы тесно переплетались, а разделение общества на сторонников республики и конституционной монархии было расколом не только по политическим взглядам, но в еще большей степени — по линии социального вопроса и методов его решения. Разумеется, либералы, демократы и республиканцы расходились по многим проблемам, но в общегерманском Национальном собрании (Франкфуртском парламенте) они единым фронтом выступали против правоконсервативного крыла в защиту принципа народного суверенитета, из которого они выводили законное право Национального собрания единолично разработать конституцию государства, что и произошло в 1849 году.

Вместе с тем, как показал видный исследователь этих проблем Рейнхардт Козеллек, либеральное общественное движение в Пруссии и во всей Германии было чрезвычайно разрозненно и многолико. А отсюда вытекало и неоднородность трактовок путей создания гражданского общества, необходимых для этого преобразований и используемых для этого средств⁹. Тем не менее к 40-м гг. XIX века либеральное движение по созданию гражданского общества проявилось во всей полноте в сфере экономики и культурной жизни. При всей своей неоднородности оно исходило из единого требования ликвидации сословных структур старого общества и введения буржуазного права, гарантирующего свободу личности, собственности и свободу обмена земли и капиталов.

При этом специфической чертой модернизации Германии и создания в ней гражданского общества было то, что организатором этого процесса в конечном счете выступил не либерализм, а сама монархическая власть и ее бюрократия. Процесс этот осуществлялся в отличие от Франции не революционным насильственным путем, а постепенным проведением реформ сверху при поддержке либеральных элементов общества, хотя, конечно, не без их определенного добавления снизу. Но такой путь содержал в себе трудноразрешимое противоречие: если целью являлось создание основанного на либеральных принципах гражданского общества, то средством ее осуществления стала авторитарная государственная власть, упорно старавшаяся сохранить свои традиционные прерогативы в той мере, в какой это только было возможно. Итогом же явилось глубокое несоответствие между социальными порядками и политической системой, которое неизбежно вело к перманентным конфликтам.

Другая сторона проблемы заключалась в том, что если конституционными свободами немецкое общество было обязано милости властей, то вполне естественно, что надежды на дальнейшие преобразования либералы все более связывали с реформаторской деятель-

ностью правительства и все менее оказывались субъективно способными к самостоятельным решительным действиям.

"Государственный Лексикон" — библия либерализма.

Значительную роль в становлении и развитии теоретических представлений о государстве и обществе сыграл подготовленный большой группой деятелей либеральной оппозиции юго-запада Германии под руководством их идейных лидеров, профессоров Карла фон Роттека (1775 — 1840) и Карла-Теодора Велькера (1790 — 1869), знаменитый многотомный труд "Государственный Лексикон или Энциклопедия государственных наук" (1834 — 1843 гг., 15 томов).

Характер и направленность "Лексикона" во многом были определены временем его создания. 30-е гг. XIX века — сложный и противоречивый этап немецкой истории. С одной стороны, реакция и свирепые преследования любых проявлений свободомыслия и оппозиционности, с другой, явное усиление буржуазии в условиях начавшегося промышленного переворота, бурный рост и распространение либерально-конституционных идей, прежде всего на юге Германии.

Авторы энциклопедии задумывали ее как своего рода систематизирующее учебное пособие по либерализму и пропаганде его идей среди немецкого народа, где можно было найти ответ на наиболее актуальные для страны общественно-социальные и историко-политические проблемы. Как писал Роттек, главная цель "Лексикона" заключается в том, чтобы "показать сущность конституционной монархии как наиболее совершенной формы государственной жизни, а кроме того, условия справедливого равновесия между естественным и историческим правом"¹⁰.

Идеальное государственное устройство основывается, по мнению авторов энциклопедии, на двух началах — конституции в противовес абсолютистскому принципу и естественном праве в отличие от права исторического. Поэтому существующее в Германии общественно-политическое положение рассматривалось в "Лексиконе" как противоречащее правам каждого человека.

Основной принцип естественного права для Роттека состоит в максимальной свободе членов общества. При этом членом общества являлся лишь тот, кто состоит в нем и представляет собой элемент общей воли. Критерии же для определения степени этого участия — обязанности индивида перед обществом, тот вклад, который он вносит в реализацию общей цели, и степень участия в обсуждении общественных дел. Однако из-за материальных условий и социального положения индивиды различны. Поэтому необходим общий формальный признак, соединяющий их в единое целое. Таким признаком является равенство всех перед законом, обеспечивающим их свободы.

В энциклопедии четко проводилось различие между разумной политической свободой, в основе которой лежит разделение властей, и неограниченной демократией, когда политическая свобода в виде "власти всех" обычно легко подавляет права и привилегии одного, а опьянение такой свободой ведет к тирании и варварскому деспотизму.

Значительное внимание уделит "Лексикон" центральной для предреволюционной Германии проблеме — вопросу о национальном

единстве. Многовековая раздробленность страны неминуемо ставила перед ее политическими мыслителями вопрос: как совместить насущную необходимость создания сильного централизованного государства с максимальной свободой всех его граждан? Мнение Роттека по этому поводу было широко известно и популярно: "лучше свобода без единства, чем единство без свободы". А свобода может быть обеспечена правовым объединением Германии на основе принципов федерализма и максимальной политической самостоятельности отдельных территорий. Такое правовое государство рассматривалось Роттеком как антипод "государства силы", поскольку последнее неизменно основывалось на ограничении свободы личности.

В этом отношении авторы энциклопедии резко расходились с постепенно вызревавшими в общественно-политической и исторической мысли Германии противоположными тенденциями. В недалекой перспективе для большинства немцев ценность отдельной личности как раз будет определяться исключительно интересами государства, даже не существуя вне этих интересов.

Противоречия времени и позиция авторов по проблеме: национализм или космополитизм? Они безусловно следовали традициям Просвещения и противопоставляли свой космополитизм утверждениям о преимуществах национально-самобытного пути исторического развития Германии. Доказывая необходимость конституционного преобразования страны, южнонемецкие либералы ссылались на успешный опыт конституционного правления, его институтов и законодательства в Англии и Франции.

Здесь содержалась существенная ошибка раннего немецкого либерализма. На протяжении столетий историческое развитие Германии значительно отличалось от тех процессов, которые протекали в странах Западной Европы. Можно ли пренебрегать исторической спецификой каждой страны и стремиться механически пересадить на ее почву иностранные порядки и учреждения? Ведь неудачный исход германской революции 1848 г. как раз убедительно и наглядно продемонстрировал, что ни немецкое общество в целом, ни сами либералы отнюдь не были готовы к конституционным преобразованиям по западноевропейской модели. Именно поэтому южнонемецкий либеральный сходит со сцены, а на первый план выдвигается пропрусски ориентированная либеральная мысль, для которой лозунг "через свободу к единству" представлял очевидную химеру и которая отказалась от идей космополитизма и естественного права.

Проблема конституционализма

Конституционализм отличается от двух форм правления — абсолютизма и парламентаризма. От первого — тем, что представляет собой правовое государство, где законодательно определены и закреплены отношения между обществом и государством. Труднее провести разграничение между конституционализмом и парламентаризмом, потому что они не различные формы государства, как в первом случае, а только особые формы правления. Можно сказать, что при конституционализме правительство независимо от парламента, а в парламентарной системе дело обстоит как раз наоборот.

Конституционализм в Германии был конкретной своеобразной формой общеевропейского явления. Это видно уже из того, что пред-

ставители немецкого "домартовского" либерализма Велькер и Дальман исходили из системы конституционной монархии, разработанной Шатобрианом и основанной на легитимном дуализме монархического строя и свободы, воплощенной в народном представительстве, хотя не исключено, что к этим сходным идеям они пришли самостоятельно¹¹.

Сама идея народного представительства в парламентской форме до революции 1848 г. прослеживается в Германии крайне слабо. Но уже и в домартовский период резкое противопоставление конституционализма и парламентаризма становилось анахронизмом. Теория немецкого конституционализма была очень гибкой и содержала элементы, позволяющие плавно переходить от одной концепции к другой. Однако, ни исход революции 1848 г., ни результаты конституционного конфликта 60-х гг. не создали реальных предпосылок для торжества парламентского правления.

Конфликт парламента и монархического режима принял в Пруссии необычайно острую форму в начале 60-х гг., когда развернулся спор о военной реформе. Он перерос в конфликт по вопросу о бюджетных ассигнованиях, когда палата депутатов отказала правительству в финансовых средствах, необходимых для реорганизации армии.

Постепенно конфликт переместился в чисто конституционную плоскость: как следует поступать, если между частями законодательной власти — монархической и представительной — возникают разногласия по проблеме бюджетного законодательства? Оказалось, что в прусской конституции 1850 г. никаких разъяснений по этому поводу не имелось. С 1861 г. либералы начали громко требовать расширения прав нижней палаты. Король Вильгельм I дважды распускал строптивую палату, но оба раза победу на новых выборах одерживала либеральная прогрессистская партия, лидеры которой — крупный ученый-естествоиспытатель Рудольф Вирхов (1821 — 1902), юрист Франц Вальдек (1802 — 1870), публицист Франц Дункер (1822 — 1888), юрист и экономист Франц Шульце-Делиг (1808 — 1883) — с триумфом были избраны в нескольких округах сразу. Практически политическая система Пруссии оказалась парализованной. Растерянный король подумывал уже об отречении, но нашелся человек, готовый идти напролом. Им был Отто фон Бисмарк (1815 — 1898), "бешеный юнкер" и будущий "железный канцлер" империи.

Придя к власти, Бисмарк в знаменитой речи 30 сентября 1862 г. перед бюджетной комиссией ландтага открыто заявил о намерении Пруссии взять в свои руки дело национального объединения: "Не на либерализм Пруссии смотрит Германия, а на ее мощь; Бавария, Вюртемберг, Баден могут исповедовать либерализм, потому что им не отводится роль Пруссии; Пруссия должна увеличивать свою мощь и держать ее для благоприятного момента, который уже несколько раз упускался; границы Пруссии по Венским договорам неблагоприятны для здоровой жизни государства; не речами и постановлениями большинства решаються великие вопросы эпохи — это было ошибкой 1848 — 1849 гг., — а железом и кровью"¹².

В ходе конституционного конфликта произошло лобовое столкновение двух теорий — теории апелляции и теории пробелов. Бисмарк, сформулировавший вторую теорию, заявил, что во всех случа-

ях, когда в законе имеется "пробел", то есть отсутствует юридическая формула, предписывающая власти порядок действий, решение вопроса переходит в компетенцию не парламента, а короля как носителя высшей власти.

В противовес этому прогрессисты выдвинули теорию апелляции, по которой, если закон отвергался палатой, король должен был либо заменить министерство, либо распустить ландтаг и назначить новые выборы. В последнем случае решающее слово принадлежало избирателям. Однако проблема эта так и не была решена в юридическом отношении, а последнее слово осталось за Бисмарком, готовым управлять без бюджета и согласованных с парламентом решений. В итоге возник специфический тип германской конституционной монархии с сильными элементами авторитаризма.

Другой чертой такой системы явилось оформление в Германии псевдоконституционализма, ключевым моментом которого стало положение исполнительной власти в политической структуре. Правительство назначалось монархом и выполняло его волю. Поэтому для либерализма в Германии наиболее актуальной стала идея ответственного министерства, согласно которой правительство было обязано отчитываться перед парламентом за свою деятельность. Идея ответственного министерства оформилась у немецких либералов как раз во время конституционного конфликта. Но в системе ответственного министерства, которая так и не была реализована в Германии, скрывался один весьма негативный момент. Если министры проводили неправильную с точки зрения парламента политику, они вовсе не были обязаны уходить в отставку в ответ на вотум недоверия. Ответственность за их действия принимал на себя канцлер, и от него цепочка переходила еще на одну ступень — к монарху.

Следовательно, идея ответственного министерства на практике могла означать только усиление личной власти монарха, становившегося верховным арбитром при трениях, которые возникали между парламентом и правительством. Это давало кайзеру возможность единолично определять в конечном счете политический курс государства. Особенно проявилось это позднее, в период так называемого "личного правления" императора Вильгельма II.

Феномен причудливого германского конституционализма убедительнее всего объясняется при помощи теории модернизации как определенной закономерности для стран, переживающих период ускоренного догоняющего развития. Германская социально-политическая либеральная теория выступала поэтому как теоретическое обоснование необходимости скорейшей рационализации традиционных социальных отношений. Главной проблемой становился при таком типе развития вопрос об отношениях общества и государства в процессе быстрых социально-экономических изменений, а также определение позиции государства в отношении этих перемен.

Либерализм и создание империи

После триумфальной победы Пруссии над Австрией, решившей вопрос об объединении Германии во главе с Пруссией, часть либералов решила отказаться от оппозиции и пойти на компромисс с правительством. В 1866 г. она покинула прогрессистскую партию и образовала новую национально-либеральную партию во главе с адво-

катом Рудольфом Беннигсеном (1824 — 1902), ставшую на следующие десять лет главной опорой Бисмарка в парламенте. Прогрессисты во главе с литератором Ойгеном Рихтером (1838 — 1906) продолжали отстаивать принципы свободного правового государства и остались в оппозиции правительству Бисмарка. Такой раскол заметно ослабил и без того не слишком мощный прусский либерализм.

Провозглашение Германской империи в январе 1871 г. после разгрома Франции вызвало грандиозный подъем национальных чувств, которые едва ли не сразу стали обнаруживать тенденцию к переходу к национализму и шовинизму.

Золотой дождь пятимиллиардной контрибуции, грандиозные авантюры и грязные махинации Германия не смогла переварить, ибо после грюндерской горячки 1871 — 1873 гг. разразился сильный экономический кризис, а в 1875 г. и кризис аграрный. Виновник был обнаружен быстро: политика свободной торговли, основанная на экономической доктрине либерализма. В обществе усиленно пропагандировались протекционистские идеи. В связи с этим национал-либералы отодвинули на задний план идеи построения правового государства и достижения демократических свобод и обратились к проблемам экономическим. В их рядах началась борьба между протекционистами и фритредерами, приведшая к образованию левого крыла партии во главе с юристом Эдуардом Ласкером (1829 — 1884).

Отношения Бисмарка и фритредеров резко охладели. Канцлер все более внимательно прислушивался к агитации протекционистов и склонялся к мысли о том, что укрепить подорванное кризисом хозяйство может только протекционистская экономическая политика. Препятствием этому было либеральное фритредеровское большинство депутатов рейхстага, продолжавшее защищать свободу торговли. К тому же, задуманная Бисмарком финансовая реформа значительно сужала бюджетные права рейхстага, что больно задевало политические амбиции либералов¹³.

В изменившихся условиях союзником Бисмарка могли быть только консерваторы. Но прежде, чем этот поворот осуществился, произошел эпизод, дававший шанс Германии пойти по другому пути. Летом и зимой 1877 г. канцлер несколько раз вел переговоры с Беннигсеном о возможности вхождения того в правительство. Переговоры в конце концов закончились неудачей, ибо либералы требовали два-три министерских поста и ставили вопрос об ответственных имперских министерствах. Но если для Беннигсена речь шла о принципиальных вопросах, то Бисмарк скорее всего просто проводил политический зондаж. Требования либералов были для него неприемлемы, и он окончательно отбросил идею продолжения сотрудничества с ними. Теперь Бисмарк пришел к выводу, что либерализм изжил себя, и в государстве следует строить новый порядок. А ведь и десяти лет не прошло после создания этого самого государства.

Любопытно и далеко не случайно фактическое совпадение трех важнейших для Германии событий: в 1876 г. образуется Центральный союз немецких промышленников во главе с одним из наиболее ярых реакционеров и активных протекционистов Вильгельмом фон Карддорфом (1828 — 1907), усиленно проводивший политику картелизации тяжелой промышленности; в 1878 г. принимается исключительный закон против социалистов; в 1879 г. вводится новый про-

тектионистский таможенный тариф. Происходит далеко идущая перестройка всей политической и экономической системы государства.

Это был поворотный момент в истории Германии. Если до этого империя имела некоторые шансы перейти на путь постепенной либерализации, то теперь они были утрачены окончательно. Закон против социалистов "исключил" из общества рабочий класс, не только левые либералы, но и национал-либералы были выброшены из большой имперской политики, в общественном сознании возросло стремление к "твердой руке" и сильной власти, сложилась типичная система авторитаризма, характерная для доиндустриальной эпохи и все более входившая в противоречие с быстрорастущей и в высшей степени современной экономической системой. Поэтому датой рождения подлинной Германской империи был не 1871 год, а год 1879, как бы парадоксально это не звучало.

Итог был весьма печален. Политическое наследие Бисмарка совершенно точно определил в 1918 г. Макс Вебер: "Он оставил нацию, лишенную какого бы то ни было политического воспитания, стоявшую гораздо ниже того уровня, которого она в этом отношении достигла уже двадцать лет назад. И прежде всего — нацию без всякой политической воли, привыкшую к тому, что возглавляющий ее великий государственный деятель сам позаботится о политике"¹⁴. Нация дорого заплатила за это наследие "железного канцлера".

Либерализм в эпоху империализма

После образования германской империи в ней к 80-м гг. XIX века происходит постепенное вызревание нового явления — империалистической идеологии. Это было характерно для всех развитых индустриальных стран, но особого размаха феномен этот достиг именно в Германии, где охватил широкие массы и крайне негативно повлиял на либеральные круги буржуазии и интеллигенции.

Один из крупнейших современных немецких историков Вольфганг Момзен справедливо считает в связи с этим, что поворот к империализму "был наиболее тяжким грехопадением либерализма за всю его полную перемену историю"¹⁵. Немецкий либерализм, как никакой другой, впитал в себя империалистические идеи прежде всего потому, что они были тесно связаны с национальной идеей, которая была одним из главных лозунгов либералов Германии.

Пафос сильного национального государства, который пустил особенно глубокие корни в Германии из-за ее специфически насильственного объединения сверху, возвысил силу над правом и культурой. Националистический характер немецкого либерализма привел к тому, что именно он в лице национал-либеральной партии стремился стать главной внутриполитической опорой экспансионистскому курсу Германской империи и рассматривал его как логическое продолжение событий 1866 — 1871 гг. Не случайно лидеры национал-либеральной партии эпохи Бисмарка Рудольф Беннигсен и Иоганнес Микель (1828 — 1901) играли далеко не последнюю роль в одной из первых крупнейших пропагандистских организаций германского империализма — "Немецком колониальном обществе". Национал-либеральная партия с самого начала немецкой мировой политики энергично выступала за ее расширение и создание крупной колониальной империи, необходимость которой для будущих интересов

германской промышленности партия подчеркнула в своем берлинском заявлении 5 октября 1896 г., где говорилось, что "национал-либеральная партия окажет поддержку правительству, вступившему на путь прочного и целесознательного обращения к колониальной политике"¹⁶.

Только небольшая часть леволибералов выступила в целом последовательно против колониальной политики Германии и насаждения духа милитаризма, поскольку это было несовместимо с их убеждением в необходимости мирного сотрудничества народов и ликвидации военных союзов в Европе. Но это были лишь изолированные выступления таких идеологов старого либерализма, как лидер Демократического объединения Хельмут фон Герлах (1866 — 1935) или председатель берлинского социал-либерального союза Рудольф Брейтшайд (1874 — 1944)¹⁷. К ним примыкали такие либерально-буржуазные пацифисты, как мюнхенский историк Людвиг Квидде (1858 — 1941) и геттингенский правовед Вальмер Шюкинг (1875 — 1935), которые выступали против гонки вооружений и агитировали за создание международной организации в защиту мира. Однако подобные взгляды не были распространены в условиях активной империалистической агитации, подавившей слабый голос либеральных демократов. Другая часть леволибералов, группировавшаяся вокруг лидеров Свободомыслящего объединения Людвиг Бамбергера (1823 — 1899), Теодора Барта (1849 — 1909) и Генриха Риккерта (1833 — 1902), политически была более влиятельной и заметной. Они в принципе не отвергали колониальной политики, но полагали, что главным ее содержанием должна стать цивилизаторская миссия в Азии и Африке. Однако поддержка свободомыслящими германского проникновения в Африку и Китай, их активная пропаганда строительства Багдадской железной дороги объективно ставили их в разряд сторонников империалистической экспансии. Грань между ними и либеральными сторонниками открытой колониальной политики все более стиралась.

Идейным лидером группы так называемых "либеральных империалистов" являлся Макс Вебер (1864 — 1920), убежденный, что в условиях нарастания противоречий между ведущими империалистическими странами энергичная мировая экспансия Германии становится не только важной, но и просто обязательной. С его точки зрения, политика экономической экспансии представляла безусловную предпосылку успешного роста немецкого народного хозяйства и должна была быть увязана с сохранением экономической и политической свободы отдельных индивидов. Тем не менее, национальная идея в политических взглядах Вебера в целом превалировала над либеральными принципами. Либеральные внутриэкономические реформы и демократизация являлись для него не самоцелью, а прежде всего необходимым условием успешной мировой экспансии.

На такой же платформе стоял и близкий к Веберу идеолог "национально-либерального социализма" Фридрих Науман (1860 — 1919), с именем которого связан поворот немецкого либерализма к социальным проблемам. Науман проявлял большой интерес к проблеме индустриально-экономического развития, которое, по его мнению, должно было постепенно привести к смене правящей аграрно-консервативной элиты и приходу рабочего класса и политически со-

знательной буржуазии к рычагам политической власти. Науман связывал эту концепцию с надеждой на создание прогрессивной в общественно-политическом отношении монархии, носившей плебисцитарные черты.

Науман целиком взял на вооружение провозглашенное еще в 1897 г. Теодором Бартом кредо: "Либерализм должен проводить большую национальную политику, тогда массы с ликованием будут приветствовать его". В связи с этим мировая политика рассматривалась Науманом как социально мобилизующий внутри и внешнеполитический ориентир, направленный против экономической опоры традиционных властвующих элит.

Национальное обоснование империалистической экспансии особенно привлекало либералов именно потому, что они в большей степени, чем другие политические силы, претендовали на выражение интересов всей нации. Науман в 1906 г. писал, что "идея нации всегда и везде в ее лучшие времена была либеральной демократической идеей, она была идеей всего народа, державшего свою судьбу в своих руках, идеей государства, не как машины для использования массы в интересах меньшинства, а как организации всех для всех"¹⁸. Исходя из такого представления он и выдвинул свой известный лозунг о создании единого оппозиционного лагеря "от Бассермана до Бебеля", что только шокировало национал-либералов, стремившихся, наоборот, к сплочению буржуазии против социал-демократии, и лишь углубило раскол правого и левого либерализма.

Левوليбералы упорно пытались добиться политического сближения буржуазии и пролетариата, полагая, что общность либерализма и социализма неизмеримо больше, чем консерваторов и либералов, для которых, по утверждению юриста и в будущем автора веймарской конституции Гуго Пройса (1860 — 1925), "решительная борьба против юнкерства несравненно важнее и настоятельнее, чем поход против социал-демократии"¹⁹. Также мыслил Квидде, который стремился сохранить гуманистические традиции классического либерализма и полагал, что "демократия может включить в себя так много из идейного содержания либерализма, а он — из идейного содержания демократии, что они почти сливаются; чистая демократия является во всяком случае либеральной, последовательный либерализм — демократическим"²⁰.

Часть дальновидных идеологов либерализма, прежде всего Барт, Вебер и Науман, осознала, что в изменившихся условиях следует по-новому продумать традиционный идейный багаж либерализма. Замена капитализма свободной конкуренции все более отчетливым давлением монополистических объединений не укрылась от их взора. Прежние представления о том, что общество является организацией автономных индивидов, действующих без вмешательства государства, на рубеже веков стали превращаться в анахронизм.

Отражая эти изменения, Науман при поддержке лидера левых кагедер-социалистов Луйо Брентано (1844 — 1931) и Макса Вебера выступил за такую переориентацию либерализма, при которой тот смог бы превратиться в социальный либерализм. Науман справедливо считал ошибочными все попытки изолировать рабочее движение как средство стабилизации отжившей системы. Он постоянно отстаивал идею "прогрессивно-интервенционистского государства",

которое будет выступать не с патриархальной опекой ширившегося рабочего движения, а сможет его интегрировать в свою систему отношений и ценностей. На это надеялись Барт и Брентано²¹.

Непосредственным поводом для критической переоценки Науманом наследия либерализма послужил полувековой юбилей революции 1848 г., по случаю которого он выступил в январе 1898 г. во Франкфурт-на Майне с большим докладом. В нем Науман попытался объяснить раскол либерального лагеря в империи и его малое влияние на массы исторически ошибочным путем немецкого либерализма.

Первую ошибку Науман увидел в капитуляции большей части либералов перед объединительной политикой Бисмарка, что и привело к расколу на "либеральную партию правительства" и "либеральную партию оппозиции". Вторая заключалась, по его мнению, в пренебрежении со стороны либерализма социальными проблемами. Науман со всей определенностью и прямоотой заявил, что "политически самой большой глупостью, которую только мог совершить либерализм, было то, что он оттолкнул от себя начинавшееся рабочее движение именно тогда, когда он мог одолеть консервативное контрреформаторство только вместе с ним. Отвергнув Лассалю, как национал-либералы, так и прогрессисты отделились от социалистического движения как движение буржуазное, потеряв тем самым руководство массами в крупных городах"²². Выдвинув далее задачу обновления либерализма, он подчеркнул, что традиционные либеральные лозунги следует наполнять социальным и национальным содержанием, чтобы поставить рабочее движение в Германии под идейное влияние либерализма.

Утопизм попытки Наумана поставить рабочее движение под контроль либерализма и тем самым возродить последний, как влиятельную политическую силу, с самого начала был ясен Максу Веберу. В отличие от Наумана он рассматривал шансы либерализма на возрождение крайне скептически. Раскол внутри левого либерализма и ориентация национал-либералов в Пруссии на союз с консервативными кругами давали для этого Веберу все основания. Он не видел в Германии политической партии, которая отвечала бы его идеалам национального империализма и внутриполитического либерализма. В христианско-социальных идеях Наумана о возможности гармонии интересов предпринимателей и рабочих Вебер находил лишь безнадежную отсталость от духа и принципов новой эпохи. Патриархальщина окончательно ушла в прошлое и "современное развитие" ставило на место личности отдельного хозяина "безличное господство класса имущих", писал Вебер в рецензии на книгу Наумана "Что значит христианско-социальное?"²³.

В конечном итоге Вебер пришел к выводу, что на длительно обозримый период шансы на самостоятельную и успешную либеральную политику в условиях Германии окончательно потеряны²⁴. "Либеральный империализм" не смог завоевать рабочих на свою сторону. Надежды на внутреннюю либерализацию государства бесповоротно растаяли. В кайзеровской империи "не оказалось места для империализма с либеральными чертами"²⁵. Оказались неадекватными все расчеты вывести кайзеровский рейх из тупика, опираясь на демократическое избирательное право, программное и организаци-

онное обновление либеральной партии, парламентскую систему и союз рабочего движения с либералами. Бисмарковско-вильгельмовская империя оказалась нерепарированной.

ГЛАВА 5 ИТАЛИЯ: ОТ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ИДЕЙ К ЛИБЕРАЛЬНОМУ ГОСУДАРСТВУ

Распространено мнение, что итальянские либералы, как до, так и после объединения нации, черпали свои концепции, идеологический и политический потенциал в культурно-политическом багаже политиков и идеологов других европейских стран, особенно Франции. Как полагают некоторые историки, они были в определенном смысле как бы оторваны от социальных и экономических реалий своей собственной страны. Это, согласно их интерпретации, и послужило причиной того, что итальянские либералы не сумели вплоть до 20-х годов XX века создать собственной политической партии, а оставались на уровне групп, союзов и ассоциаций. Итальянский средний класс не сумел, таким образом, выполнить свою роль политического и социального организатора, которая была ему предназначена историей.

Другая особенность итальянской либеральной идеологии, согласно широко распространенной концепции, – ее тесная связь с процессом национального объединения страны. Либеральные идеи служили цементирующей основой для понимания итальянской нации, итальянского народа. С другой стороны, политическая раздробленность страны препятствовала глубокому укоренению в сознании народов либеральных идей, или, по крайней мере, идея свободы часто смешивалась с понятием независимости. Можно с уверенностью сказать, что в конце XVIII – первой половине XIX века в Италии преобладала негативная форма либерализма: свобода понималась как освобождение, независимость от иностранного господства.

Слабость либеральных идей в Италии вытекала и из особенностей ее экономического развития. Отсталость итальянской экономики – по сравнению с другими европейскими странами и Соединенными Штатами Америки, отсутствие промышленности в современном понимании этого слова, слабые торговые связи, как внешние, так и внутренние, преобладание латифундий в сельском хозяйстве, особенно в южных и центральных районах страны – все это препятствовало формированию среднего класса, класса буржуазии, который главным образом (хотя и не исключительно) является носителем и выразителем либеральной идеологии.

Общепризнано также, что развитие итальянского либерализма тесно связано с проблемами религии и церкви: понятиями религиозной свободы, вопросами взаимоотношений церкви и государства и т.д., что естественно в стране, где в самом центре находилось экономически и политически независимое папское государство, представляющее собой в то же время центр мирового католицизма.

Зарождение предлиберального политического мышления в Италии относится к первой половине XVIII в. и связано с работами итальянских илюминистов – по преимуществу юристов, экономи-

¹ Iggers G.G. Deutsche Geschichtswissenschaft. München, 1971, S.121.

² Schieder W. Der deutsche Liberalismus und die Gesellschaft des Vormärz. — Liberal, 1985, Jg. 27, S.77.

³ Liberalismus in der Gesellschaft des deutschen Vormärz, hg.v. W.Schieder. Göttingen, 1983, S.13.

⁴ Huber E.-R. Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789, Bd.2. Stuttgart, 1960, S. 374.

⁵ Liberalismus im 19. Jahrhundert. Deutschland im europäischen Vergleich, hg. v. D.Langenwiesche. Göttingen, 1988.

⁶ von Humboldt W. Ideen zu einem Versuch, die Grenzen der Wirksamkeit des Staates zu bestimmen. — Gesammelte Schriften, hg. v. A.Leitzmann. Berlin, 1903, S.180.

⁷ Ibid., S.140

⁸ Подробно эту проблему рассмотрел А.Н.Медушевский в статье "Гражданское общество и правовое государство в политической мысли Германии". — Вестник Московского университета. Сер.12: социально-политические исследования, 1992, №5, С.21-59.

⁹ Koselleck R. Preussen zwischen Reform und Revolution. Stuttgart, 1975.

¹⁰ Staats-Lexikon oder Encyclopädie der Staatswissenschaften, hg. v. C.V.Rotteck und C.-Th.Welcker, Bd.1. Altona, 1834, S.17

¹¹ Ewers F. Die Staatstheorie Chateaubrians im Spiegel der deutschen Konstitutionalismus — Diskussion. Frankfurt a. M., 1987, S.224-225.

¹² Bismarck O. Die Gesammelten Werke, Bd.10. Berlin, 1828, S. 139-140.

¹³ Подробнее см.: Оболенская С.В. Политика Бисмарка и борьба партий в Германии в конце 70-х гг. XIX в. М., 1992.

¹⁴ Weber M. Gesammelte Politische Schriften. München, 1921, S.138.

¹⁵ Mommsen W.J. Wandlungen der liberalen Idee im Zeitalter des Imperialismus. — Liberalismus und imperialistischer Staat, hg. v. K.Holl und G.List. Göttingen, 1975, S.110.

¹⁶ Mommsen W. Deutsche Parteiprogramme. München, 1960, S.166.

¹⁷ Gerlach H. Von rechts nach links, hg. v. E.Ludwig. Zürich, 1937; Breitscheid R. Der Bülowblock und der Liberalismus. München, 1908.

¹⁸ Naumann F. Auferstehen der liberalen Partei. — Die Hilfe, 1906, H.36, S.2.

¹⁹ Preuss H. Die Junkerfrage. Berlin, 1897, S.6.

²⁰ Quidde L. Die demokratische Idee. — Patria. 1912, Bd.12, S.17.

²¹ Barth Th. Was ist Liberalismus? Berlin, 1905; Brentano L. Die liberale Partei und die Arbeiter. Berlin, O.J.

²² Naumann F. Warum haben wir keinen Kräftigen Liberalismus. — Die Hilfe, 1898, H.13, S.1.

²³ Christliche Welt, 1894. 8. Jg., S.472-477.

²⁴ Weber M. Gesammelte Politische Schriften, S.454-455

²⁵ Theiner P. Sozialer Liberalismus und deutsche Weltpolitik: Friedrich Naumann im Wilhelminischen Deutschland (1860-1919). Baden-Baden, 1983, S.307.

стов и историков. Характерной чертой этого мышления была переоценка ценностей: во главу угла новыми мыслителями ставилась не власть, как таковая, а условия жизни общества и отдельных граждан, существующие при данной конкретной власти. Итальянские иллюминисты испытывали определенное влияние со стороны французских просветителей, поскольку подобные идеи получили распространение во Франции раньше, чем в Италии. Вместе с тем, как замечает итальянский историк-либерал Л.Сальваторелли, “в то время эти идеи носились в воздухе”: это были идеалы гуманизма, на основе которого развивалась мысль Просвещения.

В конце XVIII века носителями либеральных идей в Италии, особенно на юге, в Неаполитанском королевстве, выступали, по преимуществу, представители аристократии. Причем, первоначально речь шла о сохранении и оживлении феодальных экономических, политических и юридических порядков. И эта задача, по представлению южных либералов, могла быть выполнена разумным и просвещенным монархическим правительством, каким и было в их представлении правление Бурбонов.

В распространении идей просветительства большую роль играли два виднейших представителя итальянского иллюминизма – Джамбаттиста Вико и Лудовико Муратори. Последний основал и в течение почти полувека возглавлял журнал “Анналы”, способствуя распространению исторических и философских знаний. Муратори был противником авторитаризма. Он выдвигал идею противопоставления политики и морали, но в то же время был реалистом, весьма далеким от революционных идей. Его идеалом была просвещенная монархия, возглавляемая разумным государем и разумным правительством. Его программа ясно просматривается уже из названия его основного труда – “Об общественном благополучии, предмете забот хороших государей”¹.

В мышлении Вико также преобладала идея просвещенного абсолютизма. Его концепцию отличало, однако, представление о том, что монархия должна явиться спасением от анархии народной свободы. Реформизм Вико, как и у его предшественников, носил государственный характер.

В период, предшествовавший Французской революции, идеи иллюминизма получили дальнейшее развитие в работах ряда итальянских философов и политиков: Пьетро Верри и Чезаре Беккариа в Ломбардии, Г.Филанджери, М.Пагано, В.Куоко в Неаполе. К этим идеям добавляется критическое отношение к существующему строю.

Идея противопоставления либеральной формы правления просвещенному абсолютизму присутствовала в работах группы северных интеллектуалов, группировавшихся вокруг миланского журнала “Caffè” (Пьетро и Алессандро Верри, Чезаре Беккариа и др. Журнал выходил в 1764-1766 гг.). Чезаре Беккариа утверждал, что критерием любого законодательства должно быть “максимальное благополучие, поделенное на наибольшее число лиц”². Этот принцип, по его

мнению, должен лежать в основе необходимых социальных реформ, обновления законодательства.

С этим принципом был согласен и Пьетро Верри, который считал, что интересы общества – это сумма, слагаемая из интересов отдельных граждан. Таким образом, между требованиями разума и стремлением к счастью не существует противоречия. Разум торжествует там, где существует свобода дискуссии, которая в свою очередь невозможна без свободы печати. Верри требовал в своих статьях свободы для всех видов человеческой деятельности, которую просвещенный абсолютизм, по его мнению, был не в состоянии обеспечить. Верри был сторонником конституционного правления: конституции, вводящей в силу нерушимые законы и нерушимый принцип частной собственности.

В работах Г.Филанджери и М.Пагано просматривается четкое определение гражданских свобод и своего рода “обожествление” законов. Законность противопоставляется хаосу, при этом хаос отождествляется со старыми феодальными порядками. Филанджери, впрочем, различал “абсолютную ценность законов” (если они находятся в соответствии с законами природы) и “их относительную ценность” (если они находятся в соответствии с состоянием государства и нации). По Филанджери, основной целью законодательства должно быть предоставление возможностей “увеличения, улучшения и сохранения собственности”. И хотя он отдавал предпочтение просвещенному абсолютизму, как форме правления, способной обеспечить осуществление необходимых реформ, он признавал, что современным ему монархиям недостает многих достоинств, в том числе четкого определения прав короны, разделения функций различных форм власти, четко сформулированного законодательства.

М.Пагано также высказывал разочарование в монархическом строе, поскольку, как он полагал, один человек не в состоянии осуществить реформы, необходимые обществу.

Одним из первых, реально поднявших голос против абсолютизма, против любой деспотической формы правления, в пользу прав индивидуума, был писатель Витторио Альфьери со своим трактатом “О Тирании”. В центре внимания Альфьери – свобода и права индивидуума. Те, кто не пользуются индивидуальными свободами и даже не ощущают потребности в них, недостойны, по мнению Альфьери, имени человека. Тираническая форма правления плоха прежде всего потому, что подавляет свободы индивидуума. Под тираническим Альфьери понимал любое правительство, которое вместо того, чтобы осуществлять исполнение законов, отменяет их или издает по своему усмотрению. Тиранической является и такая форма правления, при которой законодателями и исполнителями законов являются одни и те же лица, либо не существует контроля за исполнением законов. У Альфьери, таким образом, уже четко прослеживается идея разделения властей.

Уничтожение тирании должно происходить, по Альфьери, революционным, а не реформистско-эволюционным путем. Однако яркими красками обрисовывая отрицательные стороны тирании, Альфьери гораздо менее отчетливо характеризует "правительства свободы". Идеальное равновесие между интересами одной личности, меньшинства и большинства достигнуто было, по мнению Альфьери, в Англии, однако, перенести английский опыт на почву другого государства Альфьери не считал возможным. К позитивным идеям Альфьери можно отнести его мысль о несоответствии существования наследственной аристократии и республики. Пристрастие Альфьери к республике является логическим выводом из его ненависти к тирании. Монархия является тиранией, считал Альфьери, если законы в ней не имеют силу сами по себе, независимо от воли монарха. Но если они имеют такую силу, то форма правления уже не будет монархией.

Надо сказать, что на Альфьери и на современных ему либералов большое влияние оказали и события Американской революции. В конфедерации американского типа Альфьери видел отражение самого принципа свободы, а Бенджамин Франклин он считал выдающимся деятелем, который нашел формулу социального и гражданского состояния общества, наиболее близкого принципам свободы и обеспечивающего гражданам достоинство и права личности.

С началом Великой французской революции ее идеи и лозунги в самом скором времени проникли в Северную Италию, где утвердились убеждения в необходимости обеспечить народу независимость, свободу и единство. Вместе с тем в Северной Италии эти размышления падали на практическую почву: кругам аграрной и торговой буржуазии этих регионов независимость (от Австрии) и единство были необходимы для создания единого рынка на территории полуострова, для облегчения сбыта продукции и так далее.

С началом Французской революции распространение подобных идей во многом облегчалось введением в Северной Италии принципа свободы печати, в которой в эти годы активно дискутировались проблемы экономической свободы, усовершенствования законодательства, делались открытые сопоставления между республикой и монархией и т.д.

Последовавшие за революцией наполеоновские завоевания и наполеоновское господство в Италии благоприятствовали укреплению идеи национального единства – этому способствовало объединение большей части страны в некое административное единство, пусть и под французским владычеством – и понятий свободы, равенства, неприкосновенности частной собственности (благодаря распространению на всей этой территории французского правового кодекса). В Италии уже широко распространились убеждения в необходимости создания единого государства, независимого от иностранного господства, обеспечивающего гражданам социальный и гражданский прогресс.

В то же время буржуазия начинает выступать открыто против привилегий аристократов и требовать гражданского равенства.

Сторонником свободы и равенства был Мелькиорре Джойя, который в своей работе "Какое из свободных правительств более всего может благоприятствовать счастью Италии"³ защищал равенство всех людей и всех народов и высказывал симпатию к единой национальной республике. Однако Джойя не отрицал естественного неравенства, заложенного в людях природой. Он был лишь противником неравенства, созданного людьми, такого как привилегии отдельных лиц и слоев в обществе. Он требовал одинаковой оценки одинаковых способностей и достоинств. Этому, по его мнению, лучше всего соответствует представительная, не прямая, демократия с разделением и равновесием властей.

Главная идея работы Джойя – обоснование необходимости свободы слова и печати. Без них невозможно, как он полагал, разрушение старого строя и укрепление нового.

Зарождение движения, имевшего демократический и республиканский характер, относится к 90-х годам XVIII века. В различных областях Италии идеи радикального характера проникают и пускают глубокие корни. По всей Италии (в Ломбардии, Венеции, Неаполе и др. местах) возникают радикальные клубы, в которых дискутируются проблемы социальных преобразований, необходимых в Италии. Эти радикальные клубы имели связи со французскими якобинцами и сами именовались якобинскими. В 1791 г. в Риме (хотя на издании стояли выходные данные Ассизи) была опубликована работа Николо Спедадьери "Права человека". Осенью 1793 г. неаполитанец Карло Лауберг перевел на итальянский язык якобинскую конституцию 1793 г. и "Декларацию прав человека и гражданина", ставшую на долгие годы символом, образцом и идеалом для итальянских либералов.

Отличие демократической от умеренной формы либерализма в Италии состояло не столько в вопросе о форме правления будущей Италии (республика или монархия), но, главным образом, во взглядах на пути создания этой Италии, на пути объединения страны в независимое государство. В конце 90-х годов республиканское движение возглавляли демократы Дж. Ранца и Карло Сальватор. Но и демократическое течение итальянских либералов настороженно относилось к народным массам, хотя и признавало необходимость социальных преобразований и демократизации общества.

Особенности социально-экономического развития Италии обусловили преобладание в ней умеренного течения либерализма. Воцарение Наполеона принесло Италии, как и Франции, стабильность и спокойствие после турбулентных лет революции, якобинства и т.д. Итальянские идеологи отдают предпочтение конституционной монархии без республиканского представительного органа и провозглашают гражданские свободы более необходимыми, чем свободы политические. П. Верри, например, отводил выборному органу в

стране лишь информативную функцию при монархе. В основе избрания этого органа должно было лежать обладание земельной собственностью. По-прежнему Верри противопоставлял гражданские свободы, отождествляемые с индивидуальной свободой, свободам политическим.

Революционные события вызвали у итальянских идеологов и своего рода реакцию. Даже В.Альфьери, который раньше обосновывал необходимость революции, теперь с ненавистью отзывался о якобинской диктатуре. Дж.Романьози в двух своих работах ("Что такое равенство" и "Что такое свобода") утверждал, что подлинным равенством является равенство возможностей, которое неизбежно порождает фактическое неравенство состояний. По мнению Романьози, общественный интерес складывается как средний результат деятельности отдельных индивидуумов, которые, имея равные возможности и свободы, сталкиваются и соревнуются между собой.

Эту идею Романьози отстаивал и в работе 1815 г. "Об образовании представительной монархии". Причем в создании национального представительного органа должны принимать участие только высшие и средние классы общества, а избирательное право должно быть ограниченным.

Один из крупнейших теоретиков умеренного либерализма Винченцо Куоко, который в 1799 г. принимал участие в разработке конституции Партенопейской республики, представительной форме правления предпочитал такую, которая основывалась бы на муниципальной местной власти. В теории Куоко был сторонником реформизма и конституционной монархии. Революции, по его мнению, имеют узко ограниченное значение. Смена правительства революционным путем приносит стране огромные бедствия. Конституционная монархия – его идеал – должна быть основана прежде всего на частной собственности, так же как и законы должны в первую очередь защищать частную собственность. Первостепенную ценность имели в глазах Куоко индивидуальные свободы.

Позднее, главным образом после реставрации, в умах итальянцев начинает вызревать идея необходимости политических свобод, представительной формы правления, как гарантии для гражданских свобод. Итальянские философы приходят к этому перед лицом восстановления раздробленности итальянских государств, воссоздания таможенных барьеров, возрождения различных феодальных привилегий и т.д.

Таким образом, начало периода итальянского конституционализма относится к годам реставрации. Реставрация принесла итальянской буржуазии глубокое разочарование. Хотя многие завоевания наполеоновского периода остались неприкосновенными (к ним относились, главным образом, перемещения в землевладении и укрепление в Италии буржуазной концепции собственности), пробудившееся национальное самосознание итальянского общества не было удовлетворено. Это сохранило почву для дальнейшего распрощания

либеральных идей. В это время возникают такие журналы, как "Кончилиаторе", "Антология" и другие, послужившие рупором идей либеральной интеллигенции и буржуазии. Интеллектуальное движение этих лет приняло форму романтизма, получившего в те годы широкое распространение.

В то же время итальянская буржуазия начала создавать подпольные организации (движение карбонариев), имевшие целью восстановление провозглашенных в предшествующий период свобод (этот подпольный характер отличал итальянский либерализм от европейского, в частности от французского).

Карбонарские организации отличало стремление совершить "верхушечную революцию", они были движением, имевшим чисто политический характер. Как писал известный историк-итальянист В.С.Бондарчук, "речь шла о том, чтобы обуздать неограниченный абсолютизм и полицейский произвол, добиться упорядочения финансов и налогообложения и устранить вопиющие препятствия для предпринимательской деятельности... Эти задачи надеялись разрешить, ограничив всевластие монархов конституцией и парламентом. Поэтому требование конституций было главным лозунгом... Карбонарское движение носило в целом конституционно-монархический либеральный характер"⁴. Лишь немногие карбонарии были республиканцами, и совсем немногие из них выдвигали требования социально-экономических реформ.

Кульминацией этого движения были революции 1820-1821 гг., которые были подавлены. Одной из причин слабости итальянского либерализма этих лет, а следовательно его неудачи в восстании была несогласованность действий между организациями Северной и Южной Италии.

Начиная с 20-х годов XIX века итальянские умеренные либералы отказываются от мысли насильственных действий и отдают предпочтение идейной борьбе, апеллируя к общественному мнению. Общественное мнение должно было оказывать давление на правительство с целью осуществления политических реформ.

М.Д'Адзелио утверждал, что насильственные действия и конспиративные организации вдохновлялись "верой в материальную силу", что являлось следствием Французской революции и господства Наполеона. Стремление к умеренности объясняется верой "в моральную силу". Создавая программу партии умеренных в 1847 г., Д'Адзелио, высказывал мнение, что государство должно зиждиться на праве, основанном на торжестве разума.

Умеренно-элитарное течение либерализма было глубоко враждебно демократическим идеям: народ, по убеждению А.Росмини, В.Джоберти и др. – это инертная масса, которой можно придать любую форму. Умеренные либералы этого периода не признавали никакого самоуправления народа, приняв в то же время формулу "все для народа, но ничего руками народа"⁵.

Эта формула включала определенное внимание к "материальному благосостоянию" низших классов. Умеренные проводили довольно широкую благотворительную деятельность, создавали приюты для детей, кассы помощи для крестьян. К этому нужно добавить их активную работу по созданию вечерних и воскресных школ, чтению лекций, словом всего того, что могло способствовать народному образованию, профессиональному обучению. Этим вопросам итальянские умеренные либералы уже в то время придавали большое значение.

30-е годы были годами расцвета итальянских либеральных идей, испытавших сильный импульс с французской стороны. Тогда были основаны новые либеральные журналы "Ривиста еуропа", "Политехника" и другие.

Главной характеристикой итальянского модератизма была его вера в реформизм в противопоставлении революционным сдвигам. Отказываясь от революционных действий, умеренные предлагали введение в каждом из итальянских государств конституций, которые бы законным путем гарантировали, с одной стороны, права монарха, с другой стороны, политические права народа. Парламенту приписывалась функция посредника между этими двумя силами. Таковы идеи, высказанные в трактате Дж. Романьози "Наука конституций" – вторая часть работы, опубликованной в 1815 г. Идеалом умеренных был английский либерализм XVIII века, с некоторыми поправками в пользу усовершенствования социальной справедливости. Романьози, кстати, был одним из первых, кто высказал идеи о необходимости демократического участия народа в управлении государством. Непосредственно прямое демократическое правление должно было воплощаться в системе автономного управления регионами.

По представлению умеренных либералов, будущее государство должно было быть федералистским (это был первый пункт их программы), составными частями его должны были стать существующие монархические государства полуострова.

Еще одной характерной чертой философии этого поколения умеренных было соединение рационализма и догматов религии и церкви. Собственно эта черта также не была оригинально итальянской – идеи эти уже высказывались такими идеологами, как Де Местр, Шлегель и др. В Италии они попали на благодатную почву, поскольку католическая церковь часто воспринималась как единственный общенациональный институт, объединяющий в идеологическом плане весь полуостров. Отсюда появилась и весьма распространенная в эти годы идея: выхолостить революционное содержание рационализма с одной стороны, и обновить, лишить реакционной сущности католическую церковь, которая и должна возглавить движение к объединению Италии, с другой. Папа, таким образом, как бы олицетворял собой либеральное движение Рисорджименто.

Идеи на Пия IX имели под собой серьезные основания. Именно Пий IX, избранный на папский престол в 1846 г., начал в Пап-

ском государстве эпоху либеральных реформ, прокатившихся затем (в 1846-48 гг.) волной по многим государствам Италии. В числе этих реформ были закон о печати (смягчение цензуры), судебные и административные реформы (выборность муниципальных советов, гласность судопроизводства и т.д.). Вершиной этих реформ стало провозглашение конституций в Сардинском королевстве, Королевстве Обеих Сицилий, в Тоскане и других государствах Италии. Характерной особенностью этих конституций было то, что они были составлены по образцу французской конституции 1830 г.

На умеренное течение либерализма (и особенно на сторонников неогвельфизма) огромное влияние оказала книга Винченцо Джоберти "О духовном и гражданском первенстве итальянцев" (1843 г.). За 20 лет эта книга выдержала 15 изданий. Джоберти утверждал, что возрождение Италии возможно при условии, что националистическое движение будет возглавлено папой и католической церковью. Он предлагал конфедерацию итальянских государств под эгидой Папского государства. Утверждение идей прав личности должно было осуществиться не революционным путем (Джоберти категорически отвергал политическую революцию), а путем внутренних реформ. И эти реформы (только гражданские, а не политические) должны осуществляться постепенно, "умеренно". Умеренность для Джоберти – политический идеал. Осуществление реформ, писал он в более поздней работе, единственная возможность преградить путь революции. Свобода и законность для Джоберти должны неизбежно сопутствовать историческому процессу: свобода стимулирует прогресс, законы обеспечивают порядок.

Неогвельфистские идеи имели и своих противников. Пьемонтский генерал Джакомо Дурандо в работе 1846 г. "Della nazionalità italiana" противопоставил этим гвельфистским концепциям традиции гибеллинов с их монархическим принципом. Сам Джоберти в более поздних взглядах основную роль в деле объединения Италии отводил буржуазии и части аристократии.

Чезаре Бальбо, как и Джоберти, выдвигал идею федерации монархических государств Италии. Итальянский историк П.М.Тоеска назвал книгу Бальбо "О надеждах Италии" "учебником итальянского модератизма". Бальбо посвятил ее Джоберти и неоднократно подчеркивал, что его работа лишь развивает идеи последнего. Правда, в отличие от Джоберти, Бальбо провозглашал необходимость свободы печати, создания политических партий. Подверглась его критике и та часть концепции Джоберти, которая имела неогвельфистский оттенок. Главные цели Бальбо – независимость и конфедерация. Конфедерация (которой непременно должна предшествовать независимость) наиболее соответствует, по мнению Бальбо, истории и положению Италии. Среди "надежд" Бальбо центральное место занимала его надежда на поражение Турецкой империи и ее уход с европейской территории, что в свою очередь вынудило бы Австрию

оставить ее владения в Италии и позволило бы осуществить единство итальянского полуострова.

В книге "Представительная монархия" Бальбо подчеркивал, что независимость, единство и свобода должны быть присущи любой нации. Идеолог свободы, Бальбо различал свободу политическую и свободу частную, или индивидуальную. Под политической свободой Бальбо в первую очередь подразумевал ограничение власти государства. Им принималась также необходимость таких свобод, как свобода собраний и ассоциаций. То, что отличало Бальбо от современных ему либералов, это признание пользы политических партий.

Консерватизм умеренных проявился в полной мере в вопросах о путях достижения независимости и о форме государства. И Джоберти, и Бальбо отвергали революционный путь объединения и идею народного суверенитета. "Суверенитет народа, – писал Джоберти, – ...противоестественен и безрассуден"⁶. Джоберти был противником самоуправления народа и сторонником авторитаризма. Вокруг монарха должны группироваться "мудрые советники", считал он. И в этом случае Джоберти ссылаясь на "национальное общественное мнение". Дело объединения Италии должно привлекать к себе противников насилия, революций, тотального разрушения.

Идеалом Джоберти была монархия и правление аристократии. Но под аристократией он понимал не наследственный класс дворянства, не аристократию крови, а "лучших представителей нации", избранных выражать общественное мнение.

Бальбо, как и Джоберти, был сторонником монархии и отвергал идею республики. Но в отличие от Джоберти, он считал представительное правление одним из главных завоеваний современной цивилизации. Оно обеспечивает, как он полагал, систему равновесия между монархом и народом.

Единственным, кто принимал идею народного суверенитета, был Сильвио Спавента, представитель итальянского меридионализма. Для Спавента государство не являлось институтом, зависимым от воли одной личности, пусть и монарха: нем должна была быть выражена общая воля всех граждан. Спавента принимал и революцию, считая, что зло и разрушения, приносимые революцией, сопровождаются в то же время благом, в отличие от зла, приносимого деспотизмом.

Организующим центром североитальянских либералов стало "Аграрное общество", основанное в 1842 году в Пьемонте. Вообще пьемонтская либеральная буржуазия превратилась в ведущую группу умеренно-либерального движения всей Италии.

Наиболее плодотворным оказалось то течение либерализма, которое развивалось главным образом в русле экономических концепций. Итальянские либералы, особенно пьемонтские, все большее внимание начинают уделять экономическим проблемам. Их основные требования – ликвидация таможенных барьеров, признание принципа свободной торговли, строительство единой железнодо-

рожной сети, введение единой денежной системы, унификация торгового законодательства. Все эти меры в конечном счете имели целью превращение узких внутригосударственных рынков в единый итальянский общенациональный рынок. Первым шагом на этом пути, по мнению многих идеологов либерализма, могло бы стать создание таможенного союза итальянских государств, сторонником чего были и Чезаре Бальбо и Дж. Вьессе и другие. В том же ряду и в той же связи итальянские либералы рассматривали и проблему железнодорожного строительства, которому уделялось особое внимание.

Под влиянием экономических концепций проходило формирование таких крупнейших представителей либерализма Северной Италии, как Камилло Кавур и Карло Каттанео.

Граф Камилло Кавур был выходцем из старинной дворянской пьемонтской семьи. Его политические идеи были по сути дела типичными для итальянского умеренного либерализма тех лет. Он олицетворял собой "золотую середину", то есть умеренный либерализм банкиров и промышленников. Его политические взгляды в этом были созвучны доктринам французов Кузена и Гизо. Кавур писал о себе: "Я долго оставался в нерешительности между этими двумя противоположными движениями (революционным и реакционным – Е.Т.)... и дело кончилось тем, что я, как маятник, остановился как раз посередине. Итак, я заявляю, что я честный человек "золотой середины", жаждущий прогресса и работающий для него не покладая рук, но считающий, что этот прогресс не должен быть куплен ценой общего политического и социального переворота"⁷.

Кавур был типичным представителем западноевропейского обуржуазившегося дворянства. Будучи крупным землевладельцем, он управлял своим хозяйством "по-американски", применял искусственные удобрения, основывал фабрики по их производству и сахарорафинадные заводы, ввел в Пьемонте культуру свекловицы, занимался импортом-экспортом овец, лошадей, рогатого скота, гуано, спаржи, наконец, он стал финансистом-практиком и вошел пайщиком в различные кредитно-банковские предприятия.

Кавур много путешествовал по Европе, в том числе был в Англии и вернулся оттуда поклонником английской конституции. Идеи свободной торговли (фритредерства), которые были важны для Англии, добивавшейся ввоза дешевого хлеба, его совершенно покорили. Свобода торговли, говорил Кавур, "необходима для развития промышленности и торговли страны, разделенной ныне многочисленными таможенными границами, где продукты земли и труда на каждом шагу встречают налоговые преграды, которые они не могут преодолеть"⁸.

Преодолению таможенных барьеров должна была служить созданная Кавуром программа развития железных дорог. Железнодорожное строительство Кавур рассматривал и как важный этап на пути создания единого итальянского государства и его независимости. "Будущее, – утверждал он, – это завоевание национальной

независимости"⁹. Проблема независимости занимала в его мыслях все большее место. "Там, где... слабо национальное чувство, никогда не будет сильной промышленности"¹⁰, – писал он.

Кавур выражал свою твердую веру в индивидуальную инициативу и в частное предпринимательство. В целом он считал, что будущее Италии – в земледелии. Дело, конечно не в том, что сам Кавур был вообще против создания в Италии более мощной промышленности. Он полагал, что в Италии, разумеется, может быть развит целый ряд отраслей, для процветания которых существуют объективные условия. К таковым он относил шелкопрядение, а также промышленное использование сицилийской серы. Но земледелие – это основа итальянской экономики. Этот взгляд пользовался большим распространением среди итальянских умеренных либералов, которые зачастую были сами крупными землевладельцами.

Довольно сложной была точка зрения Кавура на вопрос об административном устройстве государства. С одной стороны, он был против бюрократического централизма, с другой – предостерегал против дробления нации на массу "мелких политических ассоциаций, независимых друг от друга".

Обдумывая пути к независимости, Кавур утверждал, что демократическая революция не может иметь успеха. По отношению к объединению Италии Кавур формулировал позицию либеральных помещиков и буржуазии Севера: "Цель ясна и не подлежит дискуссии: связать единство самой развращенной и самой слабой части Италии. Насчет средств тоже нет больших сомнений: моральная и (если ее окажется мало) физическая сила"¹¹.

Кавур не колеблясь применял политические меры, которые никак не согласовывались с принципами либерализма. Так, после покушения Орсини на французского императора Наполеона III он, опасаясь ответных действий со стороны Наполеона против Италии, заставил пьемонтский парламент принять ряд мер против прессы, а также выслал в Америку несколько тысяч политических эмигрантов из других частей Италии, нашедших убежище в Пьемонте.

В 1842 г. Кавур стал одним из руководителей "Аграрного общества", а в 1852 г. возглавил правительство Пьемонта и оставался на этом посту вплоть до самой своей смерти в 1861 г. В 1847 г. Кавур создал газету "Рисорджименто", ставшую идейным центром умеренных либералов всего полуострова.

Кавур, как это ни парадоксально, явился одним из основоположников не только элитарно-либеральной, но и либерально-демократической традиции в итальянской политике. Это объясняется сложностью и неоднозначностью его мировоззрения. С одной стороны, деятельность Кавура неотделима от мифа "старой Правой", но с другой, она включала гены джолиттианского либерально-демократического режима, причем не в последнюю очередь такого его важного аспекта, как тенденция вводить в правительственное большинство наиболее склонные к компромиссу элементы левой оппозиции ("брачные

союзы" по итальянской терминологии). Кавур утверждал, что "человечество стремится к двум целям – политической и экономической", причем первая состоит в "изменении учреждений таким образом, чтобы все большее число граждан пользовалось политической властью", а вторая состоит в "улучшении положения низших классов, более правильном распределении продуктов земли и капиталов"¹².

Улучшение положения низших классов было, по мнению Кавура, необходимо еще и для того, чтобы поддерживать моральное влияние на них "имущих классов", ослабив таким образом их тягу к революционным действиям. "Сделаем так, – писал Кавур, – чтобы все наши сограждане, как богатые, так и бедные (последние еще в большей мере, чем богатые), выигрывали бы от развития цивилизации, от роста богатств, и тогда мы сможем мирно, по-христиански разрешить великую социальную проблему, которую иные хотели бы разрешить путем страшных возмущений и ужасающих разрушений"¹³.

Эта идея "обращения к народу" прекрасно сочеталась с централизаторской традицией, заимствованной Кавуром у французских доктринеров. В переписке Кавура до 1848 г. встречается немало число восторгов по адресу Гизо.

Не менее важной для последующего развития итальянского государства была политика, выработанная Кавуром по отношению к церкви. Кавур был автором широко распространившейся формулы "свободная церковь в свободном государстве". Кавур считал, что церковь, будучи одной из культурно-идеологических ассоциаций государства, должна подчиняться юридическим нормам государства, но в то же время он считал необходимым предоставить церкви полную свободу в разработке ее доктрин и в осуществлении ее религиозных функций. В основе этих идей лежали его убеждения в необходимости свободы ассоциаций и свободы совести. Политика Кавура по отношению к церкви считалась его современниками всего лишь компромиссом, впрочем так же как и его политика "брачных союзов".

Умеренно-элитарному течению либерализма противостояло демократическое крыло. Крупнейшим представителем этого направления был Джузеппе Мадзини. Мадзини и организация "Молодая Италия" (созданная в 1831 г.) выдвинулись на первый план, когда стали очевидными поражение карбонаризма и перелом в политических настроениях итальянской эмиграции.

Краеугольным камнем планов Мадзини была народная революция, которая должна была, по его замыслу, установить царство труда и справедливости. Таким образом, Мадзини был противником одной только "политической революции", совершаемой в верхах. Парадокс заключался в том, что в течение всей своей жизни Мадзини был организатором именно "политической революции", создателем и активным участником тайных обществ.

Мадзини считал, что стоит лишь бросить клич, как вся страна поднимется в едином порыве, "farà arma delle croci e delle ronche" и сбросит иго иноземцев фактически одним энтузиазмом. Не понадо-

бятся ни армии, ни конференции, ни конгрессы. Действительность, однако, обрекала Мадзини на одну неудачу за другой в период с 1834 по 1870 г.

Основу любого общества Мадзини видел в свободном человеке (индивидууме), но полагал, что наиболее полное развитие он может получить лишь во "всемирном сообществе", которое будет гарантировать его права. Для всех народов, по его мнению, должно существовать единое стремление ко всеобщему благу: каждый народ должен руководствоваться этой единой целью и каждое правительство только тогда может считаться законным, когда кладет все силы на осуществление этой общей задачи. Таким образом, человек чувствует себя свободным в обществе, нация свободна в сообществе свободных народов, человечество в целом также должно быть свободным во вселенной перед лицом Господа.

Революция оправдана, считал Мадзини, не только потому, что она освободит родину от иноземного господства: это будет благо не только для тех, кто говорит на одном языке, это будет акт справедливости, имеющий универсальное значение, поскольку это шаг к новому справедливому устройству на земле.

В основе концепций Мадзини лежала идея прогресса, понимаемая им как непрерывное поступательное движение человечества к совершенству. Прогресс для Мадзини – это следование всеобщему моральному закону, установленному Богом. Человечество в своем существовании должно жить в соответствии с этим законом. Концепция прогресса у Мадзини складывалась под сильным влиянием идей Сен-Симона и Кондорсе. В то же время следует отметить преемственность идей прогресса у Мадзини по отношению к предшествующим поколениям итальянских либералов.

В прогрессивном развитии человечества Мадзини выделяет "критические" и "органические" периоды. Период истории, которому сам Мадзини был современником, он называл именно периодом "критическим", "весьма скверным", таким, какими были времена Иисуса Христа и апостолов. Однако, как то время, так и нынешнее является зарей новой эры, "органической", эры возрождения общества. Прогресс для Мадзини не есть результат борьбы между людьми, еще менее результат борьбы классов, а тем более народов. Прогресс – результат связи между людьми, преемственности их традиций, преемственности сознания, формируемого непрерывным воспитанием, сотрудничества между людьми и поколениями. Отсюда вытекает и центральная в идеологии Мадзини идея "ассоцианизма", о которой речь пойдет ниже.

Политический и социальный прогресс человечества определяется, по Мадзини, прогрессом религиозных верований. Только когда христиане провозгласили равенство людей перед Богом, утверждал Мадзини, это равенство было зафиксировано в человеческих законах. Таким образом, проблема прогресса лежит в первую очередь в области морали. Прогресс – это исполнение людьми воли Божией.

Но поскольку исполнение воли Божией требует от людей активных действий, то идея прогресса в понимании Мадзини тесно связана с идеей долга. "Преобразование общества, в котором человек существует, происходит только тогда, когда человек этого заслуживает, а заслужить он может только ... очищаясь путем жертв, великих деяний..., трудясь во имя спасения мира"¹⁴. Таким образом, для достижения прогресса человек должен выполнить свой социальный долг перед обществом. Это очередное подтверждение того, что идея прогресса для Мадзини лежит в области общественной и личной морали, как человека, так и всего общества. Сам Мадзини предстает в этой связи не только как философ, но как активный реформатор человеческой жизни.

Теория общественного долга человека – одна из центральных в философии Мадзини. Недаром один из его главных трудов носит название "Обязанности человека". Однако эта идея долга не противоречит понятию индивидуальной свободы. Исполнение долга перед обществом соответствует божественной воле, божественному провидению, но человек сам волен выбрать этот путь: он может стать на путь добра или зла, это зависит только от воли самого человека. Из сказанного очевидно вытекает, что в соотношении права-обязанности последние, добровольно осознанные и усвоенные, по мнению Мадзини, преобладают над первыми. Мадзини ставил знак равенства между правами человека и его интересами, понимаемыми в первую очередь, как интересы экономические. В господстве этих интересов Мадзини видел главный дефект новых буржуазных порядков.

Таким образом, основные принципы классическо-индивидуалистического либерализма, основанные на неограниченных "естественных правах человека", вызывали протест Мадзини. Он был противником того, что он называл "анархическим индивидуализмом". "Господство "Я" не может привести ни к чему другому, кроме деспотизма и анархии"¹⁵, – утверждал Мадзини.

Индивидуалистическая концепция прав человека сказалась отрицательным образом и на международных порядках. Каждый народ, утверждал Мадзини, борется во имя собственных интересов, "никто не сражается во имя долга"¹⁶. "Но человечество не может существовать без высшей идеи"¹⁷. Таковой идеей, по мнению Мадзини, является идея долга, которая значительно выше теории прав и благосостояния. Мадзини признает, что идея естественных прав человека сыграла определенную роль в историческом развитии: в том смысле, что она являлась реакцией (и в этом смысле Мадзини употребляет по отношению к ней определение *реакционная*) на старые порядки, старый общественный строй, однако, не в ней заложены возможности общественного прогресса. Она не способна к созидательной функции. В новую историческую эпоху от народа, как и от индивидуума требуется нечто большее, чем просто деятельность, направленная на защиту своих интересов. От них требуется жертвенность во имя национальных и социальных идеалов.

Этим мыслям Мадзини видел подтверждение в современной ему действительности. Во Франции свобода была завоевана в ходе революций 1789, 1830, 1848 гг. "Доктрина индивидуальных прав проникла в умы каждого гражданина; но кто воспользовался ею? – спрашивает Мадзини. – Почему не изменились условия жизни для рабочих? Почему революция принесла пользу только средним классам, владельцам капитала и земли?"¹⁸ Нужно заметить, что Мадзини, проведя большую часть жизни в Англии, был оторван от итальянской реальности и не видел, что отрицательные последствия буржуазного индивидуализма, частной инициативы в Италии не проявлялись и не были реальной проблемой в то время. Критика Мадзини основывалась на том, что он мог наблюдать в таких странах, как Англия и Франция.

Еще раз повторим, что идея долга не является для Мадзини отрицанием свободы. "Свобода, – пишет он, – это дело священное для каждого индивидуума... Там где нет свободы, жизнь сводится к простому органическому существованию"¹⁹. Но свобода состоит для Мадзини в том, чтобы "свободно выбрать... средства для совершения добра"²⁰. То есть свобода для Мадзини – это *средство* для достижения добра, но не *цель* сама по себе.

Провозглашая приоритет долга по отношению к правам, Мадзини не отрицает последних. "Я не требую от вас отказаться от прав, – писал он, обращаясь к итальянским рабочим, – я говорю только, что права – это следствие выполненного долга, что нужно начинать с него, чтобы достичь реального осуществления прав"²¹. Политическими правами обладают, по мнению Мадзини, все граждане без исключения. Но там, где нарушаются права одних, не существует прав и для других. Поэтому, если правительство не служит идеям прогресса, народ имеет законное право на революцию. То же самое Мадзини говорит и по отношению к целым народам. Там, где нарушаются права одного народа, не существует прав и для остальных.

Идея долга отразилась на его концепции власти. Мадзини был решительным сторонником формулы "власти народа" ("суверенитета народа"). Но свои права, свою власть народ получает непосредственно от Бога. И есть, полагал Мадзини, нечто высшее, чем права народа, чем власть народа. Это "национальная цель", необходимость власти действовать в целях общего блага, в целях прогресса всего общества. "Там, где нарушен этот принцип, там власть является узурпацией"²², – писал Мадзини.

В более поздних своих работах Мадзини все больше делает акцент на том, что народ является лишь исполнителем воли Бога на земле, что власть реально принадлежит лишь Богу, а народ – его представитель. Власть народа законна лишь тогда, когда народ подчиняется божьей воле, исполняет законы, продиктованные самим Богом.

И в этом пункте Мадзини также расходится с основными положениями либеральных философов. Земная власть, согласно его пред-

ставлениям, покоится не на юридических законах, разработанных и зафиксированных людьми, но на законах, предначертанных Богом.

Народ – единственный может обладать властью, получаемой путем всеобщего избирательного права. Но для того, чтобы народ мог выполнить свою миссию исполнителя божественных законов, он должен существовать, как единая нация. И это возвращало Мадзини вновь к идее единства Италии.

Принимая во внимание формулу "Бог и народ", лежавшую в основе философии Мадзини и бывшую лозунгом возглавляемого им движения "Молодая Италия", очевидно, что Мадзини был горячим приверженцем республиканской формы правления. Единая республиканская Италия – таким был его идеал государства. Однако, как отмечают историки, "унитаризм" Мадзини не являлся самоцелью, а в сочетании с понятиями "свобода" и "республика" должен был способствовать освобождению Италии от иностранного господства и ее независимости. Освободиться Италия могла в том случае, если было бы создано единое сильное государство, способное противостоять другим европейским державам. Поэтому историки предлагают иметь в виду, что свои унитаристские идеи Мадзини высказывал главным образом в период до объединения Италии. Во-вторых – и это не менее важно – унитаризм Мадзини не противоречил принципам определенной автономии регионов и признанию прав итальянских коммун. В политическом плане государство, согласно Мадзини, должно было быть централизованным, но в административном плане самоуправление коммун могло осуществляться свободно. Государству, т.е. центральной власти Мадзини отводил следующие функции: образование, содержание армии, юрисдикция, распределение национального дохода, общественная безопасность и общественные работы общенационального значения. Кроме того, государство, писал Мадзини, "должно заключать *национальный пакт*, провозглашать принципы существования итальянского народа, определять общую цель, социальный долг, который из этих принципов следует..."²³. Идея местной автономии в рамках унитарного государства была сформулирована Мадзини еще в 1831 г. Он развил ее в 1861 году в работе "Об итальянском единстве".

Социальные концепции Мадзини формировались под сильным влиянием сен-симонизма. В основе рассуждений Мадзини лежали принципы "солидаризма" или "ассоцианизма". Солидарность (социальная солидарность) в представлении Мадзини была неким идеалом, к которому должны прийти люди в процессе воспитания в них чувства долга в соответствии с моральными нормами. Солидарность основывалась, в частности, на стремлении к единому государству, свойственному всем классам общества. Солидарность Мадзини противопоставлял социалистическим принципам классовой борьбы, являвшимся, по его мнению, одной из главных ошибок социалистического учения. Мадзини был противником классовой борьбы и экспроприации частной собственности. В программе Римского триум-

вирата 1849 г. Мадзини записал: "Нет – классовой борьбе, нет – несправедливому и необдуманному захвату частной собственности!"²⁴

Но Мадзини признавал, что если в своем стремлении к свободному независимому государству народ един, то в остальных вопросах различные классы общества имеют и различные интересы. Для защиты своих интересов, считал Мадзини, рабочий класс должен объединяться в ассоциации. Ассоциации Мадзини противопоставлял интересам отдельных людей, "анархии прав и привилегий"²⁵. В ассоциациях он видел экономическое и социальное будущее людей. Он призывал не к огосударствлению экономики, а к созданию ассоциаций с коллективной собственностью на средства производства и капитал и с распределением доходов среди рабочих-членов ассоциации, в соответствии с количеством и качеством затраченного труда. "Когда труд и капитал будут сосредоточены в одних и тех же руках..., мы увидим уменьшение нищеты и повышение морального уровня общества"²⁶, – писал Мадзини.

Роль государства, по мнению Мадзини, в таком обществе должна ограничиваться следующими функциями: признание за этими ассоциациями права юридического лица; улучшение коммуникаций; создание "ярмарок" для того, чтобы обеспечить ассоциациям возможность беспрепятственно реализовывать производимую ими продукцию; улучшение юридических норм; передача ассоциациям права на выполнение общественных работ; создание общенационального кредитного фонда, в который вошли бы: церковная собственность, неразработываемые земли, железнодорожные предприятия и т.д.

Идея ассоциаций неотделима для Мадзини и от понятия национальности. Для Мадзини нация – это "сообщество людей, говорящих на одном языке, имеющих общенациональные ассоциации, а также равные гражданские и политические права, и стремящихся к осуществлению общих целей развития и улучшения социальных сил"²⁷.

Понятие нации, национальности имеет у Мадзини религиозно-мистический характер. Создание единой нации способствует разделению труда в общечеловеческом масштабе и тем самым является осуществлением на практике божественного предопределения прогресса. И главной для Мадзини является идея сотрудничества наций в общей структуре человечества. Свобода для каждой нации, уважение прав других наций – это главное условие существования любой из них.

Человечество в представлении Мадзини – это объединение (ассоциация) Наций. Национализм в глазах Мадзини имеет отрицательное значение. Национализм противопоставляет интересы одной нации интересам другой. Каждая нация находится в противоречии и в непрерывной конкурентной борьбе с другими нациями, что противоречит божественным законам солидарности. "Цель народов одна, – писал Мадзини... – Задача нашей борьбы – это Святой Союз Наций, единственная сила, способная противостоять современным властям, созданным на основе привилегий и эгоистических интересов"²⁸.

В 60-е годы усилился интерес Мадзини к рабочему движению, которое он предполагал использовать как движущую силу итальянской революции, задачей которой было бы создание единого республиканского государства, и стимулировать тем самым сдвиг влево в его руководстве. Однако, хотя он и признавал необходимость привлечения народа к революционной борьбе, однако, отводил ему подчиненную роль. Народ – это масса, которую ведут за собой интеллигенты-революционеры, образованная "молодежь". Это – рабочие руки революции. Важно учесть, что Мадзини отрицательно относился к террору, к кровопролитию. Он также никогда не ставил прямо вопрос об аграрной реформе в Италии. И хотя он был сторонником мелкого землевладения, он категорически отрицал возможность насильственной экспроприации помещичьих земель. Это казалось ему нарушением "прав человека".

Для демократического либерализма было характерно преобладание идей унитаризма. Вообще следует отметить, что идея объединения, освобождения Италии, вопрос о путях этого объединения и о форме государства (унитаризм или федерализм), а позднее вопрос о централизации или децентрализации, то есть проблема "self-government", довлеет в Италии XIX века над всеми другими проблемами, занимавшими западноевропейских либералов.

Однако не все в демократическом лагере разделяли полностью представления Мадзини о будущем устройстве Италии.

Карло Каттанео представлял себе Италию будущего в виде конфедерации суверенных республик, каждая из которых будет обладать собственной конституцией. Каттанео был противником принципа национальности. Будущее Европы он также представлял как федерацию свободных народов. Его целью было создание Соединенных Штатов Европы. Для того, чтобы европейские государства не воевали между собой, они должны оставить лишь национальную милицию, предназначенную для защиты, но не войско, чьей задачей является нападение и завоевание.

Фанатично обожествляя свободу, Каттанео полагал, в отличие от Бальбо, что свобода должна предшествовать независимости Италии, а не наоборот. Без свободы независимость невозможна. Более того, Каттанео отвергал единство Италии, если при этом будет необходимо пожертвовать революцией.

Обосновывая свою приверженность республике, Каттанео объяснял, что республиканский принцип проследивается на протяжении всей собственно итальянской истории, начиная с Древнего Рима и кончая независимыми республиками средневековья – Генуя, Венеция и др. И напротив, савойская монархия – это воплощение иностранного владычества в Италии. Она является наследницей французского феодализма.

Каттанео, отдавая дань идеям социализма, видел основу итальянского возрождения в создании "гражданских установлений" по типу свободных коммун

Карло Каттанео, как и Кавур, был представителем экономической школы Пьемонта. Его идеи заключали в себе программу развития сельского хозяйства в индустриальном плане. Одним из главных для него был человеческий фактор. Прогрессивное развитие сельского хозяйства для Каттанео было возможно в том случае, если сельскохозяйственные рабочие будут пользоваться всеми правами современного гражданина, в том числе им будет обеспечен достаточно высокий уровень жизни, если они будут образованы, если в них будут присутствовать чувства ответственности и инициативы. Эта демократическая нота была свойственна и другим экономистам Северной Италии в противоположность экономистам Юга, таким например, как С.Спавента, которые никогда не предполагали, что прогрессивное развитие сельского хозяйства требует повышения культурного уровня сельскохозяйственного населения.

Сторонником федерального союза независимых государств на базе глубокой демократизации их государственных основ провозглашал себя и Джузепе Феррари. Как и Каттанео, Феррари придавал приоритетное значение свободе и критиковал Ч.Бальбо за то, что тот отвергал идею революции. Его концепции были, однако, еще более радикальны. Феррари полагал, что есть только два альтернативных решения: реформы или конституция, абсолютизм или революция. Свобода и монархия несовместимы, писал он.

Идея нации подверглась критике со стороны Феррари, европейца по своим убеждениям. Будущее Италии он представлял себе как ассоциацию свободных народов: "...Право каждого итальянца, – писал он, – жить свободно в собственном государстве. Таким образом, и право, и существующая реальность ведут к итальянской конфедерации".

От идеи свободы Феррари затем перешел к идее равенства, от индивидуализма к социализму. Социализм, как он полагал, станет третьим, завершающим этапом развития общества. Социализм означает торжество разума, принципов ассоциации и всеобщего братства.

Филиппо Буонаротти, отдававший дань концепциям эгалитаризма, и Карло Пизакане, внесший большой вклад в разработку социальных проблем, остались несколько в стороне от генеральной линии развития либеральных концепций в Италии.

После краха революций 1848-49 гг. наблюдается сближение умеренного и демократического течений либерализма. В основе этого лежал тот факт, что размежевание этих двух направлений проходило в области политики, но не в области социальных программ. Так умеренные были сторонниками федерализма, а демократы – единства Италии, умеренные придерживались монархических убеждений, демократы были сторонниками республики. Но после 1848 г., очевидного провала планов федералистского объединения Италии под эгидой Папского государства, умеренные также становятся защитниками полного единства полуострова под властью Савойской монархии

(т.е. Пьемонта). Происходит и значительная демократизация программ умеренных. Это нагляднее всего видно на примере Бальбо и Джоберти. Они убедились на опыте, что отсутствие политических свобод, гарантированных законом, приводит к созданию тайных заговорщических обществ, ведущих подпольную борьбу. Бальбо вследствие подобных выводов посвятил свои труды изучению форм представительного правления. Что касается Джоберти, то он в своей работе "Гражданское обновление Италии" провозгласил труд основой всякого общества, основой собственности и капитала, поскольку "никто не рождается собственником". Однако рабочие – это не все общество, а только его часть. Поэтому власть, по представлению Джоберти, это диалектическое соединение партии плебса и партии аристократии, то есть разума аристократии и воли народа, обеспечиваемой всеобщим избирательным правом. Единство этих двух диалектических противоположностей и есть нация.

В 50-е годы итальянская демократическая буржуазия все более отходит от мадзинистских идей тайных обществ и восстаний, поскольку становится очевидным, что объединение Италии произойдет благодаря усилиям пьемонтской династии. Демократическое крыло либеральной буржуазии раскололось на два лагеря, один из которых продолжал быть верным республиканским идеям Мадзини, а другой стал в большей или меньшей степени склоняться к программе Кавура и умеренных либералов и готов был ради объединения Италии отказаться даже от республики. Даниэле Манин, одним из первых совершивший подобную эволюцию, открыто говорил: "Создайте единую Италию и я с вами... Я, республиканец, первый водружаю знамя единства: Италия во главе с королем сардинским"²⁹. От республиканских лозунгов во имя единства полуострова отказался и Джузепе Гарибальди. Он к тому же не был теоретиком, хотя и являлся сторонником глубоких социальных реформ.

Объединение Италии совершилось "верхушечным" путем. В результате в стране сохранились многие феодальные недемократические установления, такие как крупное помещичье землевладение (латифундии), цензовое избирательное право и т.д. Благодаря социально-экономическим условиям, так же как и идеологическим установкам руководящих слоев общества, это новое государство было скорее авторитарно-монархическим, нежели либеральным. К власти в единой стране пришли умеренные в лице партии "Правой" (1861-1876).

В то же время в новом Итальянском королевстве произошли и значительные политические изменения. Конституцией государства стал Альбертинский Статут 1848 г. (статут Сардинского королевства, который, как уже говорилось, был подражанием французской конституции 1830 г.). Согласно Статуту в стране существовал двухпалатный парламент, был введен новый избирательный закон, дававший право голоса мужчинам, удовлетворявшим определенному имущественному, возрастному и образовательному цензам, закреп-

лялись гражданские права: равенство всех перед законом, гарантия личной свободы, неприкосновенность жилища и любой частной собственности, свобода печати, право собраний и т.д.

Сам факт объединения Италии не означал и не мог означать установления подлинного национального единства. Деятели Правой, подобно своим предшественникам умеренным, были зачастую весьма чувствительны к муниципальным интересам. Тем более, что, как говорилось раньше, уже с начала XIX века умеренные питали неприязнь к административной централизации. Вообще, западно-европейский либерализм видел в местном самоуправлении по английскому образцу палладиум свобод и гарантию против произвола монархической власти, с одной стороны, и самовластия революционной демократии, с другой. Однако либерально-муниципалистская доктрина встретила со значительным сопротивлением. Именно в духе административной монархии был составлен эдикт Карла-Альберта от 27 ноября 1847 г., оказавший огромное влияние на позднейшее административное законодательство в Италии. Созданная этим эдиктом система административного устройства, хотя и содержала в себе определенные либеральные элементы (избираемость муниципальных советов), однако, в целом находилась в противоречии с либеральной доктриной (крайне ограниченный контингент избирателей в муниципальных советах, назначение и смещение мэров королем, ответственность мэров перед частными лицами, а только перед центральной властью и т.д.).

С другой стороны, очень важное обстоятельство заключалось в том, что лидеры Правой, хотя и были сторонниками ограничений политических прав, в то же время стояли на страже строгой законности, юридической дисциплины, которая была бы способна дать гарантии защиты этих прав, хотя бы для узкого круга людей ими обладающих. Другими словами, у представителей Правой преобладала концепция государства "основанного на праве", "правового государства", сформировавшаяся благодаря значительному влиянию немецкой юридической мысли, в русле которой складывалось мышление большинства лидеров Правой. Другое дело, что эти законы сами по себе не были ни в полном смысле либеральными, ни тем более справедливыми, но уважение законности, внедрение формулы "свобода в рамках закона" были характерны для этого поколения итальянских либеральных политиков.

По поводу административной организации государства среди лидеров Правой единодушия не существовало. Наиболее либеральный вариант проектов был предложен одним из лидеров Правой М. Мингетти уже к началу 1861 года. Мингетти предлагал предоставить избирательное право на муниципальных выборах всем гражданам, платящим прямые налоги. Но после 1861 года идеи централизма получили в итальянском парламенте и правительстве значительный перевес. Риказоли, занявший пост премьер-министра после смерти Ка-

вура, был ярый антирегионалист. В годы правления Правой в Италии была создана централизованная бюрократическая система.

Централизация государственной власти, хотя и суживала возможности для проведения в жизнь принципов либерализма, служила целям максимальной унификации экономической жизни страны. Обеспечить свободную и беспрепятственную связь между различными районами страны было призвано и развитие транспорта – в первую очередь железнодорожной сети, а также почтовой и телеграфной связи.

Круги, связанные с промышленностью, вначале настаивали на протекционистском курсе, как на средстве первоначального накопления и создания единого национального рынка. Молодой депутат Кв.Селла (сторонник Левого) заявил в 1861 году, что, по его мнению, итальянский рынок был достаточно широк, чтобы избежать бед, связанных с традиционным протекционизмом, как он практиковался в старых региональных государствах, а именно: монополий, высоких цен, стагнации. Селла уверенно предсказывал энергичную взаимную конкуренцию национальных предприятий и в качестве ее естественного следствия – снижение цен на внутреннем рынке. Однако фритредерские представления, господствовавшие в то время среди подавляющего большинства итальянских политических деятелей и экономистов, оказались сильнее. Отпор Селле дал в палате депутатов не кто иной, как граф Кавур. Аргументация Кавура была построена на подчеркивании тех выгод, которые страна может извлечь из международного разделения труда (одна из основных догм либеризма). На этом принципе Кавур в 40-50-е годы построил торговую политику Пьемонта, в результате чего имел место бурный рост национального экспорта.

Вопрос о пределах государственного вмешательства дискутировался и в период кабинета Мингетти (1873-1875 гг.), и эта дискуссия наложила значительный отпечаток на последние годы правления Правой.

Политическая деятельность Правой была основана на идеологических принципах парламентской монархии с ограниченным избирательным правом. Идеологическая система Правых была близка концепциям "доктринеров" и других французских теоретиков консервативного либерализма эпохи. Правая ставила вопрос об ограничении гражданских свобод, которые, по словам ее авторитетных представителей, использовались патриотами во вред Италии. Консерватизм и недоверие к массам обосновывались тем, что итальянские умеренные заимствовали у французских авторов концепцию противопоставления политической свободы древних народов "бесконечной силе и ценности индивидуальной свободы человека, которая является основой современной свободы"³⁰. Отдельная личность, считал С.Спавента, имеет свои индивидуальные права, масса же таковых не имеет. "Участие народа в принятии законов и их осуществлении должно происходить в пределах, которые устанавливаются существенными

интересами морали и культуры, а также единством и современной миссией государства"³¹. Спавента указывал на класс обеспеченных и просвещенных граждан, как на реальную основу, на которой должно покоиться государство, то есть как на единственно возможный избирательный корпус. Таким образом итальянские умеренные обосновывали имущественный ценз.

В аналогичных выражениях М. Мингетти говорил о необходимости "воспитать" и "дисциплинировать" демократию. Избиратель, по его мысли, не столько осуществляет право, сколько выполняет обязанность.

Следует сказать, что наряду с большим сходством, прослеживаются и весьма существенные отличия итальянского либерализма умеренных от французского либерализма того периода. Взять хотя бы роль понятия "материальные интересы", вызывавшего, как мы видели, протест еще у Мадзини. В то время как для французского либерализма материальные интересы являются двигателями прогресса, основой общественного порядка, итальянский либерализм умеренных с сугубым недоверием относился к материальным интересам в политике, стремился ограничить или вообще устранить их. Мингетти в своей юношеской работе "О тенденции настоящего времени к материальным интересам"³² упрекал Июльскую монархию в том, что интересы торговли и промышленности предшествуют для нее принципам достоинства и чести. Здесь у Мингетти намечается определенное разногласие с Кавуром, который был, как известно, горячим поклонником Июльской монархии. Аналогичным образом Мингетти относился отрицательно к утилитаризму Бентама, которым Кавур восхищался. Основная концепция экономической философии Мингетти – право государства на ограниченное вмешательство в экономику, когда под угрозой находятся интересы морали. Этот тезис был уже в несколько иной форме выдвинут Кавуром.

В вопросе о соотношении "материальных интересов" и морали идеи итальянского либерализма в большой степени перекликаются с политической философией Гегеля. Близость идей Гегеля к взглядам итальянских умеренных определялась и рядом социально-экономических факторов, одинаково присущих Италии и Германии.

Общей для Италии и Германии чертой был и землевладельческий характер итальянской правой политической элиты. Хотя наряду с аристократами-помещиками среди нее было много буржуа и буржуазных интеллигентов, владевших землей (в их числе Мингетти, Спавента и др.), органической связи с миром промышленности и банковских спекуляций не было даже у тех вождей умеренных, которые специально занимались политической экономией (Мингетти). С этим же связан и "рыцарственный характер" истории итальянского Ринджименто, а также стремление сконцентрировать политическую власть в руках образованного меньшинства (общая черта для консервативного либерализма Франции, Германии и Италии). Еще Чезаре Сисмонди утверждал, что "имеет значение только круг образован-

ных людей". Отсюда вытекает и крайнее недоверие к мелкобуржуазным и рабочим массам, которое особенно усилилось после революций 1848 г. С другой стороны, уже после объединения умеренных тревожили продолжавшиеся бунты крестьян и волнения в городах. Наконец, огромное влияние на психологию правых оказала Парижская коммуна в 1871 г. Все это никак не располагало итальянских умеренных к отказу от олигархических тенденций.

Стремление к ограничению политических прав сказалось и в отношении лидеров правых к таким вопросам, как свобода печати, слова и собраний. По сути дела их практическая деятельность отражала эту тенденцию в полной мере. Так закон Пини 1863 г., закон 1875 г. об общественной безопасности, запрещение полицией республиканских собраний при правительстве Ланцы-Селлы представляли собой не что иное, как чрезвычайные законы и свидетельствовали об ограниченном признании лидерами Правой индивидуальной свободы в таком ее весьма существенном проявлении, как свобода слова и собраний.

В области финансовой политики в деятельности Правой отчетливо прослеживаются идеи "этатизма" и "фискализма". Принципы "этатизма" вообще были довольно сильно среди идеологов Правой. Их носителями были такие деятели, как Франческо Де Санктис, часто выступавший с обоснованием этатистской позиции по основным политическим и экономическим вопросам. В университетской лекции в 1872 г. Де Санктис осудил то овладевшее умами равнодушие, то "отсутствие инициативы и нравственного мужества", которые скрываются за формулой "laissez faire". Проповедником "этатизма" был и Джузеппе Дзанарделли, считавший принцип "laissez faire" неприменимым в специфических условиях Италии с ее слаборазвитой экономикой и отсталой промышленностью.

В начале 70-х годов в политике Правой все больше становятся очевидными кризисные тенденции, в идеологическом плане проявившиеся, во-первых, в конфликте между сторонниками создания жестко организованной, замкнутой в себе партии и проповедниками "привлечения внешних сил" по образцу кавуровских брачных союзов, а во-вторых, в страхе идеологов Правой перед "разъедающим" партию влиянием материальных интересов".

Попытка преодоления кризиса была сделана кабинетом Мингетти, сформированным в 1873 г. Однако Мингетти не оправдал многих надежд с ним связанных, в частности надежд на проведение в жизнь программы "децентрализации", возникших потому, что Мингетти всегда считался поклонником "административной свободы". Выступая в парламенте, премьер-министр заявил, что административная реформа "такая вещь, которая требует много времени и изучения"³³.

С другой стороны, Мингетти решительно противился какой-либо конституционной реформе, считая ее несвоевременной. В этом сказались извечный для консервативных либералов страх перед демократией в той или иной форме. "Я не игнорирую того обстоятельства, что

избирательное право народа должно и может быть расширено по мере роста просвещения и благосостояния страны... Я говорю не столько о цензе, сколько о моральном воспитании...". Но "демократия, которая все усиливается на протяжении нескольких столетий и главенствует в современном мире, несет большую опасность в самой себе и в своих излишествах"³⁴.

Острую дискуссию вызывал вопрос о границах государственного вмешательства в экономическую жизнь. Надо сказать, что "этатистские" тенденции правительств Ланцы-Селлы и Мингетти вызывали протест определенных кругов буржуазии и буржуазной интеллигенции. Сицилийский экономист профессор Феррара, провозглашая кредо либерализма ("Хотя бы или не хотят в Эйзенахе или Берлине, право, справедливость, порядок, богатство, благосостояние, мир, нравственность – все это не что иное, как свобода"³⁵), открыто полемизировал с "итальянским катедер-социализмом". Стремление к строгой государственной регламентации всей хозяйственной жизни, осуществляемое, по мнению Феррара, в Германии, заставляло ученого вспомнить о временах абсолютизма.

Курс министерства Мингетти довольно адекватно отражался в концепциях экономиста Л.Луццати. Последний ссылаясь на пример Англии, которая все больше отходит от чистого фритредерства, и демонстрировал непоколебимую веру в "современную миссию" государства. Делая обзор направлений, существующих в немецкой политической экономии, Луццати не скрывал, что его симпатии принадлежат катедер-социализму.

Сам Мингетти, хотя в "идеале" и был фритредером, всегда допускал необходимость государственного вмешательства в определенных случаях, особенно, когда затронуты интересы общественной морали³⁶. Кроме того, в деятельности кабинета Мингетти чувствовалось значительное влияние предшествующего правительства, душой которого был Селла, сторонник фискалистского этатизма. Луццати, в частности, был учеником и близким сотрудником Селлы. Наконец, важный пост министра общественных работ занимал неаполитанский гегельянец С.Спавента, тоже бывший "обожествителем государства".

7 мая 1873 г. во Флоренции было создано "Общество имени Адама Смита", поставившее целью "развивать, распространять и защищать" доктрину "экономической свободы", разработанную великим английским экономистом. Общество издавало журнал "Экономиста". Общество сразу же завязало полемику со сторонниками "ограничительной системы", авторитарной экономики и т.д. Эти последние в свою очередь создали под идейным руководством Луццати и Лампертико Ассоциацию для содействия экономическим исследованиям.

В "Обществе Адама Смита" активное участие приняли многие деятели Левого. В парламенте они же выступили с критикой усиления государственного вмешательства в экономику. Депутат Микелини так аргументировал эту точку зрения: "Я враг правительственного

вмешательства, потому что я друг свободы. Эти две вещи несовместимы". И уточнял далее: "Прежде всего я хочу экономической свободы потому, что хочу свободы политической"³⁷. Протекционизм для Микелини неразрывно связан с реакцией. Он приводил пример Тьера и доказывал, что сосредоточение всей экономической мощи в руках государства оставляет отдельных граждан беззащитными перед ним не только в экономическом, но и в политическом отношении.

В результате всех этих дискуссий отношения между правительством и оппозицией сильно осложнились. Проблемами, которые привели к падению правительства Правой, явились: заключение новых торговых договоров и выкуп государством железных дорог.

Летом 1875 г. итальянская и французская делегации начали обсуждение нового торгового договора. Представлявший на переговорах Италию Л.Луццати стремился внести в новый договор элементы умеренного протекционизма, а также расширить возможности для итальянского экспорта во Францию. Вопрос о торговых договорах имел принципиальное значение в свете дискуссии о границах "государственного вмешательства". Как бы продолжая свой старый спор с ломбардо-венецианцами, председатель "Общества Адама Смита" выступил в цитадели французского манчестерства, "Обществе политической экономии", с нападка на экономическую политику своего правительства. Он напомнил о том месте в речи Мингетти, в котором премьер обещал наложить на иностранные товары таможенную пошлину, соответствующую итальянскому налогу на движимое имущество.

В этом заявлении Перуцци усматривал отход от "старых и истинных принципов" экономической науки и губительное влияние сторонников "новой школы", адептов ограничительной системы. Перуцци сообщил французским единомышленникам о готовности своей группы энергично защищать в парламенте поправку экономическую свободу, утверждая, что "последствия этой борьбы трудно предвидеть". Осуждению таможенной политики Мингетти и Луццати было посвящено уже после заключения договора несколько заседаний "Общества Адама Смита".

Полемизируя со сторонниками А.Смита, этатист Спавента доказывал необходимость перехода железных дорог в руки государства и открыто высказывал свое "поклонение государству". Он заявлял, что в то время, когда рушатся все высшие ценности, культ современного государства – единственное прибежище политического идеализма. Спавенте, с активной помощью Селлы, удалось навязать "этатистский" курс премьеру и всему правительству, хотя некоторые министры, как, впрочем, и сам премьер, довольно неохотно шли за своим решительным коллегой.

Правительство Правой вынуждено было уйти 18 марта 1876 г. и формирование нового правительства было поручено лидеру Левого Депретису. На смену либерально-консервативной Правой пришла чуть более либеральная и чуть менее консервативная Левая.

Но если Правая была партией весьма неоднородной по своим идеологическим принципам, то Левая была еще менее однородной. Левая сформировалась главным образом из монархического (гарибальдийского) крыла Партии действия. Мадзинистское крыло самостоятельно не могло участвовать в парламентской борьбе, сохраняя верность республиканским принципам. Позднее к Левым примкнуло много депутатов, сделавших своей программой борьбу с непосильными налогами.

Первоначально деятели Левой выступали против чрезмерного налогового обложения, за децентрализацию, в защиту гражданских свобод, против компромиссов с церковью. Никотера, один из виднейших представителей Левой, требовал защиты и расширения гражданских свобод, административных реформ, отмены принудительного курса лиры и т.д. А Ф.Криспи, другой лидер этого течения, шел еще дальше, призывая к широким политическим, а не только административным реформам (пересмотр избирательного ценза, выборность сената, вознаграждение депутатов и т.д.). В 1874 г. Криспи изложил в парламенте широкую программу демократических реформ. Всеобщее избирательное право, выборный сенат, самые широкие административные реформы (выборность мэров, отмена подпрефектур) помогли бы, по его мнению, улучшить общее положение страны, укрепив и расширив базу, на которой покоится итальянское государство. Одновременно необходима налоговая реформа: отмена налога на помол, повышение роли поземельного налога. Однако ни налоговые реформы, ни сокращение административных расходов невозможны, по мнению Криспи, при существующих политических условиях, которые должны в первую очередь подвергнуться изменению.

В чисто социальном плане Правая и Левая занимали довольно близкие позиции. В методах решения социального вопроса деятели Левой не двинулись дальше призывов к частной благотворительности. Но Левая по крайней мере не уставала требовать для народа всеобщего и обязательного обучения, в то время как умеренные с большой опаской относились к этому предложению.

Часть Левой (например, Микелини) занимала догматически фритредерские позиции в ряде важных проблем хозяйственной жизни, другая же часть была сторонницей протекционизма. Криспи, например, вообще не признавал никакого принудительного курса и поддерживал сформулированную Феррарой концепцию свободы кредита, концепцию, поддерживаемую большинством представителей Левой. В 1874 г. Левая раскололась. В ней выделились два течения: историческая Левая и Молодая Левая. Эта последняя отказалась от ряда важнейших политических требований. Представитель этой фракции Де Санктис обвинил Криспи в нежелании видеть подлинные беды страны, для которой реформа сената и расширение избирательного права якобы не являлись делом первостепенной важности. Своим миссией, по утверждению Де Санктиса, Молодая Левая всегда

считала стимулирование сокращения расходов и проведение реформ пусть даже правыми правительствами. Особенно далека от каких бы то ни было демократических принципов, даже самых умеренных, была южная часть Молодой Левой.

Основная программа Левой, изложенная Депретисом (который занимал пост премьер-министра с 1876 по 1887 годы) в 1875 году, включала в себя такие пункты, как верность монархии, неограниченные конституционные свободы, расширение электорального корпуса, административная децентрализация, всеобщее начальное бесплатное образование.

К середине 70-х годов Левая рассталась со многими своими демократическими требованиями. В программное заявление Депретиса в ноябре 1876 г. были включены упоминания об избирательной реформе и всеобщем обучении, но основной акцент делался на вполне приемлемых и для умеренных либералов пунктах, как децентрализация, выборность мэров, более жесткая политика по отношению к церкви. К тому же Депретис по существу одобрил предшествующую финансовую политику Правой. А спустя год его программа стала еще более консервативной. Его главной заботой и центральным пунктом его политики стала проблема отмены налога на помол.

Таким образом, приход к власти правительства Левой не означал радикального поворота в развитии конституционно-монархического централизованного государства. Даже спустя 20 лет после падения власти Правой Италия еще не добилась свободы печати, коалиций, союзов и т.д. Только наследники более прогрессивной части Левой во главе с ломбардским левым либералом Дзанарделли осуществили в 1900 г. довольно решительный сдвиг в этом направлении. План введения бесплатного начального образования также был положен под сукно. Депретис к тому же вернулся к кавурианской традиции "браков по расчету", призывая в начале 80-х годов к "трансформации" правых оппозиционеров и к созданию крупной национальной партии центристской ориентации. В ответ на эти призывы Депретису оказали поддержку и Мингетти, и Луццатти, и некоторые другие деятели Правой. Но многие представители Левой были недовольны его политикой и в 1883 году Дзанарделли и Баккарини вышли в знак протеста из состава правительства и объединились с Криспи, Каироли и Никотера, составив оппозицию правительству слева. Все это может служить доказательством глубокой неоднородности партии и противоречивости ее либерализма. В то же время в целом "парламентская революция" 1876 г. при всей своей ограниченности может рассматриваться как начало сложного и замедленного процесса определенной демократизации итальянского общества, при сохранении его общего консервативного характера. Нельзя, например, недооценивать расширение избирательного права, последовавшее в 1882 г. (в результате избирательный корпус увеличился с 2 до 7% населения), и сдвиги в финансовой политике.

Переход власти от Правой к Левой не означал смену правящего социального слоя. По существу и Правая, и Левая были представительницами одного и того же умеренно-либерального течения, хотя Левая проводила принципы либерализма несколько более последовательно и являлась менее консервативной, чем Правая. К тому же ни Правая, ни Левая не были партиями в собственном смысле этого слова и отнюдь не создали "бипартийную" систему по американскому или английскому образцу. Хотя власть постепенно переходила в руки все более либеральных представителей этих кругов, однако, захватив руль управления в свои руки, они часто поступали вразрез со своими либеральными установками. Это начала уже Правая, проводя политику авторитаризма и протекционизма вместо защиты прав личности и свободы торговли. Это видно было и на примере правительств Левой: Депретис, критиковавший протекционизм Правой и защищавший принципы децентрализации, придя к власти осуществлял по сути ту же политику; Франческо Криспи, сменивший его на посту премьер-министра, объявлял себя "неисправимым сторонником свободы торговли" и в теоретическом плане решительным защитником индивидуальной свободы, но в качестве премьер-министра осуществлял протекционистский курс и проявил склонность к диктаторству, показав себя поборником максимальной концентрации власти. Криспи, в частности, усилил функции полиции, предоставляя ей право на больший, чем ранее, контроль над общественными собраниями, а также усилив органы полицейского надзора и высылки на поселение.

Вообще, фигура Криспи представляла собой классический пример диффузии теоретических установок и практических методов левых и правых умеренных либералов. Бывший сподвижник Мадзини, то есть член либерально-демократической Партии действия, Криспи затем вошел в состав парламентской Левой, в 1886 году стал членом правительства Депретиса, а, заняв пост премьер-министра, осуществлял крайне реакционную политику. Горячий поклонник Бисмарка, Криспи был инициатором введения чрезвычайных мер, подавления рабочего движения, его политика знаменовала собой ущемление демократических прав населения.

Ни один из этих известных политиков не был теоретиком в строгом смысле слова. Но можно сказать, что круги умеренных либералов и в 70-е – 80-е годы занимались теми же проблемами, что и в середине века. Это относилось и к демократическому течению.

Один из этих вопросов – большая или меньшая демократизация государственного устройства. И с этой точки зрения проблемы монархии или республики, централизации государственной власти или федерализации продолжали оставаться весьма существенными.

Один из лидеров республиканского движения, Альберто Марио считал необходимым для страны "суверенитет нации", который мог бы достигаться путем плебисцитов "Свобода без суверенитета представляет собой неполное право. Свобода слова, ассоциаций, собраний,

печати, совести и т.д. – это только предпосылки суверенитета. Суверенитет и правительство – это две части одного и того же уравнения"³⁸. По мнению Марио, между монархическим правлением и свободными (либеральными) и независимыми формами управления существует полная и абсолютная несовместимость. В числе таких форм, по мнению Марио, независимость и автономность коммун и регионов. Вслед за Мадзини Марио включал в функции государства: политическое управление, законодательство, общественные работы национального значения, денежную эмиссию, управление армией, оборонные функции, подписание международных трактатов, контроль над железными дорогами, над почтой и т.д. В то же время А. Марио был решительным противником революционных действий и предпочитал эволюционистский путь развития. Отвергая тайные общества и государственные перевороты, Марио в качестве путей борьбы предлагал политическую деятельность, борьбу за общественное мнение, проводимую в печати, и т.д. В 1879-81 гг. Марио развернул кампанию за "всеобщее избирательное право", которое должно было послужить предпосылкой более глубокого реформирования государственной системы.

Обсуждались и вопросы свободы торговли. В 1890 г. группа либеристов (среди них Маффео Панталеони и Вильфредо Парето), критиковавших протекционистский курс правительства, объединилась вокруг журнала "Giornale degli economisti". Эта группа поставила своей целью продолжать традиции "Общества Адама Смита". Они прокламировали необходимость придерживаться принципов "laissez faire" в чистом виде. Вильфредо Парето утверждал, что всякий раз, когда государство вмешивалось в экономику, это оказывало на последнюю губительные последствия. Но в 90-е годы сторонников свободы торговли было уже крайне мало.

Гораздо менее разрабатывались либералами социальные проблемы. Правда уже Мингетти, Луццатти, Каироли и Бертани были сторонниками социального законодательства. А в конце 70-х – начале 80-х годов группа консервативных либералов, группировавшихся вокруг журнала "La Rassegna settimanale" (в их числе были такие ученые, как Сидней Соннино, Леопольдо Франкетти, Паскуале Виллари, Джустино Фортунато и др.), обратила внимание на крайне тяжелое положение народных масс на юге Италии. Об этом же писал и известный либеральный деятель Ячини. Виллари в своей работе "Lettere meridionali", как и Соннино, требовал законов, которые защищали бы обездоленных и восхищался государственным устройством бисмарковской Германии. Фортунато также был сторонником экономической справедливости в отношении населения юга страны. Но все они требовали реформ сверху, главным образом потому, что боялись перспективы социальной революции. Кроме того, большинство либералов, как например, Криспи считали, что итальянский народ долготерпелив и "обладает здравым смыслом"³⁹. Поэтому вплоть до начала 90-х годов в Италии было проведено лишь два закона,

имевших социальный смысл: в 1883 году была создана Национальная касса страхования от несчастных случаев на производстве и в 1886 году был принят закон о регулировании труда подростков и детей. В 1890 г. был введен закон, утверждавший право на забастовку.

Но было и течение умеренных либералов, которое уделяло социальному вопросу больше внимания. В частности молодой депутат Джованни Джолитти, понимая уже, что социальная проблема является фундаментальной, одним из основных пунктов своей программы сделал вопрос об улучшении положения рабочего класса. Он же поставил и вопрос о финансовом равновесии в соответствии с экономической справедливостью: он заявил о своем намерении ввести прогрессивный налог на прибыль и наследство. Но министерство Джолитти было кратковременным. К тому же Джолитти предпочитал в то время закрывать глаза на растущее забастовочное движение, считая, что все проблемы будут решены постепенно путем улучшения положения трудящихся.

Даже республиканцы, создавшие в 1895 году свою партию, не внесли социальные проблемы в ее программу. Она включала лишь следующие пункты: всеобщее избирательное право, право отзыва депутатов, референдум, право частной инициативы, выборность магистратов, суд присяжных, народные вооруженные дружины, общественное светское образование.

Из сказанного ясно, что итальянский либерализм конца XIX века не мог предложить реальной альтернативы зарождающемуся в Италии социалистическому движению. В 80 – 90-е гг. итальянский либерализм вступает в период затяжного кризиса. Этот кризис проявился также и во все более усиливавшихся консервативных тенденциях как в идеологии умеренных либералов, так и в их практической деятельности. Статья Сиднея Соннино в журнале "Nuova Antologia", носившая название "Вернемся к Статуту", и утверждавшая, что министры должны отчитываться не перед парламентом, а перед королем, вызвала волну дискуссий и нападок со стороны крайних консерваторов на парламент, конституционные свободы и пр. На практике правительства 90-х годов зарекомендовали себя тем, что пытались в той или иной степени ввести чрезвычайные законы и подавить силой рабочее и забастовочное движение.

С другой стороны, к концу 90-х годов усиливается либеральное течение во главе с Джолитти, имевшее значительно более демократический оттенок. Поражение на выборах 1900 года умеренно-консервативного крыла знаменовало собой начало нового этапа в развитии итальянского либерализма.

⁷ Matter Cavour et l'unité Italienne Vol I Paris, 1925 P 101

⁸ Ciasca R. L'origine del Programma per l'opinione nazionale italiana del 1847-48 1916 P 264, 267

⁹ Cavour C. Scritti di economia, Milano 1962, P 229, 247-249

¹⁰ Salvatorelli L. Spiriti e figure del Risorgimento Firenze, 1961 P 291

¹¹ Cavour C. Op cit P 257

¹² Ibid

¹³ Ibid P 289-290

¹⁴ Mazzini G. Condizioni e avvenire dell'Europa 1852 Scritti editi ed inediti Vol XLVI P 259

¹⁵ "La réforme intellectuelle et morale" di Ernesto Renan Ibid Vol XCIII P 235

¹⁶ A Pio IX, Pontefice Massimo, Ibid Vol XXXVI P 227

¹⁷ Ibid P 227-228

¹⁸ I sistemi e la democrazia Ibid Vol XXXIV P 126-127

¹⁹ Doveri dell'uomo Ibid Vol LXIX P 92

²⁰ Ibid P 97

²¹ Ibid P 17

²² "Sulla democrazia" del Guizot Ibid Vol XXII P 357

²³ Ibid Vol III P 327

²⁴ Atti della Repubblica Romana Ibid Vol XLI P 91

²⁵ Sull'Enciclica di Papa Pio IX Ibid Vol XXXIX P 352

²⁶ Doveri dell'uomo Ibid Vol LXIX P 128

²⁷ I collaboratori della "Giovine Italia" ai loro concittadini Ibid Vol III P 64

²⁸ Fede e avvenire Ibid Vol VI P XI

²⁹ Matter Op cit V III Paris, 1927 P 19

³⁰ S Spaventa La giustizia nell'amministrazione Torino, 1948 P 52

³¹ Ibid P 50

³² M Minghetti La legislazione sociale Milano, 1882 P 53

³³ Atti del Parlamento Camera dei deputati Sessione 1873-74 V I P 107

³⁴ Ibid V III P 2995

³⁵ Nuova Antologia 1974 N 8 P 1017

³⁶ M Minghetti Dell'economia pubblica P 170-176, 225-227

³⁷ Atti del Parlamento V I P 852-854

³⁸ Mario A. L'Italia libera Scritti politici e sociali Roma, 1925 P 45

³⁹ Crispi F. Scritti e discorsi politici Roma, 1890 P 553

¹ Della Pubblica Felicità, oggetto de' buoni principi Lucca, 1749

² Beccaria C. Dei delitti e delle pene Livorno, 1764 P 10

³ Gioia M. Quale dei governi liberi meglio convenga alla felicità dell'Italia 1798

⁴ История Италии М., 1970 Т. 2 С. 88

⁵ Gioberti V. Del Primato morale e civile degli italiani 1843 P 215

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце XX века дискуссии об историческом опыте и роли западного либерализма приобрели особую актуальность в связи с победой, одержанной западной либерально капиталистической цивилизацией над социалистической системой во главе с СССР. Многие, как в торжествовавших успех странах Запада, так и в признавших свое поражение странах социализма, заявили о том, что именно западный либерализм воплотил общечеловеческие ценности, которые должны быть в полном объеме и без всяких оговорок позаимствованы государствами, желающими встать на дорогу истинного прогресса. Самое известное выражение этот вывод получил в статье политолога Ф.Фукуямы «Конец истории?» Она провозглашала: «Но этот век, вначале столь уверенный в триумфе западной либеральной демократии, возвращается теперь, под конец, к тому, с чего начал: не к предсказывавшемуся еще недавно концу идеологии, или конвергенции капитализма и социализма, а к неоспоримой победе экономического и политического либерализма... Триумф Запада, западной идеи очевиден прежде всего потому, что у либерализма не оставалось никаких жизнеспособных альтернатив... То, чему мы, вероятно, свидетели — не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии, как окончательной формы правления».

По завершению настоящей монографии у ее авторов есть основания высказать свое отношение к концепции Фукуямы, которая в России стала своего рода кредо для лидеров и участников радикально-демократического движения, утвердившихся у власти в стране после 1991 г.

Начнем с того, что в концепции Фукуямы представляется истинным. Это то, что именно идеология и практика либерализма снабдили западные страны механизмами увеличения экономического благосостояния, утверждения индивидуальных прав и свобод, в целом обеспечения общественного прогресса. Опыт всех западных стран свидетельствует, что основополагающими среди этих механизмов являются гражданское общество, правовое государство, частная собственность, рынок, политический плюрализм, разделение властей. Очевидно и то, что лучшие механизмы, обеспечивающие экономический рост, ненасильственный прогресс, урегулирование взаимоотношений между классами и иными социальными общностями, демократическое государственное управление, пока не известны. Можно назвать «общий знаменатель» этих механизмов — состязательность и конкуренция во всех сферах от экономики до идеологии, науки и культуры. Теперь о том, о чем выводы настоящей монографии расходятся с концепцией западного политолога. Фукуяма утверждает о победе либерализма над социализмом, о крахе идеи их конвергенции. Согласно же материалам и выводам настоящей монографии историческая эволюция либерализма заключалась в постепенном соединении его

классических принципов с идеалами демократии и социализации, превращении его из классовой буржуазной идеологии в идеологию открытого типа, вбравшую в себя постулаты других теорий в первую очередь демократии и социализма. И если XIX век можно назвать веком соединения либерализма с демократией, то XX век - веком соединения его с социалистическими принципами. И если западная цивилизация утвердилась к концу XX века в качестве передовой, то произошло это не благодаря победе в ней либерализма над социализмом, а как раз благодаря конвергенции принципов либерализма, демократии и социализации.

По иронии судьбы «чистый», или классический, либерализм в ведущих странах Запада (единственное исключение среди проанализированных в книге стран составляет Франция) выступает в конце XX века под именем консерватизма и подчас, как это имеет место в США, демонстрирует резко отрицательное отношение к той идеологии, которая на современном этапе отождествляет себя с либерализмом. Эти перипетии либерализма в концепции Фукуямы, а также его единомышленников, в том числе российских, совершенно игнорируются.

Зададимся теперь вопросом: можно ли считать современную западную цивилизацию воплощением общечеловеческих ценностей, можно ли, как это делают Фукуяма и его последователи, отождествлять Запад с обществом всеобщего благоденствия и общественной гармонии? Ответ на этот вопрос зависит от того, какие критерии будут выбраны для оценки всеобщего благоденствия и общественной гармонии. Одним из таких критериев могут служить позитивистские по своему характеру показатели уровня и качества жизни, используемые многими зарубежными обществоведами. Это продолжительность жизни, уровень детской смертности, содержание потребительской корзины, продолжительность и качество отпуска и досуга, уровень заболеваемости различными болезнями, обеспеченность жильем и его качеством, доступ к образованию, культурным и научным ценностям и т.д. Все эти показатели соответствуют гуманистическим ценностям и объективно характеризуют качество жизни любого общества. Но, конечно, если твердо стоять на гуманистической точке зрения и рассматривать каждого человека независимо от его социальной или национальной принадлежности, то следует проанализировать, как эти показатели выглядят в применении к каждому из трех главных классов западных обществ — высшему, среднему и низшему, как и каждой национальности, религиозной деноминации и другим общностям.

Такой же анализ показывает, что серьезное неравенство в условиях существования социальных слоев сохраняется в западной цивилизации и на современном этапе. Правда, в российском общественном сознании сегодня присутствует мнение, оправдывающее это неравенство по той, в первую очередь, простой причине, что даже низший класс на Западе обладает лучшей потребительской корзиной, нежели большинство наших соотечественников. С точки зрения научного осмысления западных реалий, этот аргумент не может быть признан убедительным. Ведь

низшие слои многих стран Запада, неспособные удовлетворить запросы, признанные нормой в этих странах, не чувствуют себя более счастливыми от того, что потребляют продуктов больше наших граждан. Если стоять на научных позициях, то о качестве жизни разных социальных слоев стран Запада следует судить с точки зрения материальных возможностей достигнутых в этих странах и утвердившихся в них социо-культурных норм.

Многие, если не большинство, либералов Запада сегодня разделяют мнение о сохраняющемся отчуждении граждан их стран от экономической и политической власти в обществе о кризисе ценностей индивидуализма и нарастающей дегуманизации под воздействием факторов коммерциализации всех сторон общества, возобладания массовой культуры и универсальных стандартов потребления. Критически настроенные либералы, в отличие от Фукуямы, склонны говорить не о триумфе либерализма на исходе XX века, а о его кризисном состоянии перед лицом острых проблем, привнесенных современной индустриальной цивилизацией. Условная попытка разделения современных западных либералов на пессимистов и оптимистов, подобных Фукуяме вряд ли дала бы преимущество последним.

Наконец совершенно очевидно, не подтверждается вывод Фукуямы о неизбежности повсеместного триумфа западно-либеральных ценностей. Горячее увлечение ими в посткоммунистических странах на рубеже 1980-1990-х гг. очень быстро во многих из них сменилось глубоким разочарованием и неверием в способность освоить и воплотить в жизнь классические либерально-демократические ценности. Российские буревестники западных либеральных ценностей которые как казалось еще несколько лет назад, раз и навсегда утвердились в качестве кумиров россиян многими сегодня воспринимаются как безнадежные утописты. Посткоммунистическая реальность России отторгала одну за другой либерально-демократические ценности, прививавшиеся ей «сверху» при помощи разнообразных законов и реформ. Через несколько лет после начала модернизации России по западным образцам со всей остротой стоит вопрос, а совместима ли вообще российская органика с либерально-демократическими ценностями. Его рассмотрение не входит в задачу данной книги, но одно нам все же представляется очевидным если либерально-демократическим идеалам и суждено воплотиться в России, произойдет это не в одночасье, при этом реализоваться они смогут на основе конвергенции, а не противостояния с российскими цивилизационными характеристиками.